This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

VE RI TAS

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Левъ Щепотьевъ.

БЛИЖНІЙ БОЯРИНЪ

АРТАМОНЪ СЕРГѢЕВИЧЪ

МАТВѢЕВЪ

какъ культурный политическій дѣятель XVII вѣка.

(Опытъ исторической монографіи).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія М. И. Акинфіева. Басковъ пер., 10.
1906.

Sciar 530.50

HARVARD
UNIVERSITY
LIBRARY
JUN 11 1958

58*2

ВНИМАНІЮ Гг. ЧИТАТЕЛЕЙ.

Занимаясь изученіемъ дипломатическихъ отношеній Московской Руси—вопросомъ, мало изслѣдованнымъ въ русской исторической наукѣ, поневолѣ приходится нѣсколько подробнѣе остановиться на выдающейся личности Артамона Сергѣевича Матвѣева, какъ наиболѣе виднаго дипломата и интереснѣйшаго культурно-политическаго дѣятеля XVII в.

Личность его подвергалась одностороннему изученію, которое не можетъ удовлетворить серьезнаго читателя, тѣмъ менѣе указать мѣсто Матвѣева въ общемъ ходѣ историческаго процесса переходной эпохи. Въ сознаніи всей трудности и сложности этой задачи,—выясненія самой личности и ея роли,—рѣшаюсь однако подѣлиться тѣмъ матеріаломъ, который мнѣ удалось связать въ цѣльную историческую монографію. Книжка эта вовсе не претендуетъ на такъ называемую «научность», понимая подъ этимъ терминомъ работу на сыромъ архивномъ матеріалѣ. Но, какъ это можно видѣть изъ самаго изложенія, я старался пользоваться достаточно цѣнными и внушающими полное довѣріе источниками и пособіями.

Съ этой точки зрѣнія, смѣю думать, моя работа встрѣтитъ сочувствіе людей, интересующихся русской исторіей, но не имѣющихъ, ни времени, ни возможности оперировать съ сырымъ матеріаломъ по каждому вопросу.

Съ другой стороны, авторъ считалъ-бы свою задачу отчасти выполненной, если-бы его работа пробудила у читателей живой интересъ вообще къ исторіи и въ частности къ исторіи дипломатическихъ отношеній въ XVII в., въ ту эпоху, когда русская димпломатія, представленная съ одной стороны Матвѣевымъ, съ другой Ординъ-Нащокинымъ, достигла наиболѣе яркихъ формъ своего развитія.

Большое вниманіе обращено мною на изложеніе, ясность и легкость языка, что, по моему, только и можетъ сдѣлать научную работу доступной большому кругу читателей.

Можно разсматривать ее и какъ попытку предложить ученикамъ старшихъ классовъ средне-учебныхъ заведеній научно-популярное изложеніе историческаго матеріала.

Предоставляю судить читателю, насколько мнѣ удалось выполнить поставленныя мною задачи, а всего несовершенства этого выполненія я не могу не сознавать.

Считаю своимъ долгомъ выразить признательность Н. И. Вертоградскому за его любезное содѣйствіе изданію настоящей моей книжки.

Л. Щ.

Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ.

ВВЕДЕНІЕ.

За послѣднее время историческая наука все больше и больше удѣляетъ силъ и мѣста изученію роли личности въ исторіи человѣчества, что, съ нашей точки зрѣнія, особенно цѣнно, такъ какъ это явленіе можетъ очень способствовать правильному и всестороннему анализу научнаго матеріала какъ въ его сыромъ, такъ и критически разработанномъ видѣ, а это, въ свою очередь, поведетъ къ болѣе или менѣе безошибочной оцѣнкѣ значенія отдѣльныхъ эпохъ, съ одной стороны,—всеобщей исторіи, съ другой,—мѣстной исторіи любой національности.

Такой задачей объясняется отчасти выборъ нашей темы, и развитіе ея въ формѣ исторической монографіи «Ближній бояринъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ»—представляется для насъ въ высшей степени цѣлесообразнымъ, тѣмъ болѣе, что изученіе этой высоко-культурной и талантливой личности должно ввести насъ въ эпоху «тишайшаго» царя Алексѣя Михайловича, познакомить съ ея основными культурно-политическими теченіями и такимъ образомъ опредѣлить роль XVII вѣка въ прогрессивномъ развитіи историческаго процесса Россіи. При этомъ мы не будемъ увлекаться индивидуально-психологическими построеніями, и можемъ изучать личность Артамона Матвѣе-

ва и его государственную дѣятельность только въ тѣхъ предѣлахъ, въ какихъ это лицо тѣсно связано съ общей исторической жизнью своей эпохи. При разработкѣ даннаго вопроса мы будемъ руководствоваться взаимодѣйствіемъ двухъ допустимыхъ въ нашей работѣ методовъ: съ одной стороны — индивидуально-психологическаго, съ другой — критико-историческаго; и благодаря этому мы, можетъ быть, избѣжимъ тѣхъ ошибокъ при оцѣнкѣ историческихъ фактовъ, которыя часто являются результатомъ односторонняго приложенія перваго или второго изъ этихъ методовъ. Не трудно указать примѣры для подтвержденія послѣдняго: вспомнимъ, въ какомъ положеніи находится изученіе одной изъ интереснѣйшихъ эпохъ русской жизни—царствованія Іоанна Васильевича Грознаго. До тѣхъ поръ пока историки-изслѣдователи, увлекаясь познаніемъ типичной личности этого оригинальнаго и единственнаго въ своемъ родѣ русскаго царя, сосредоточивали научное вниманіе почти исключительно на психикѣ и личныхъ проявленіяхъ этого человѣка, а ими уже старались объяснять историческія явленія эпохи XVI в., [1]) до тѣхъ поръ послѣдняя въ глазахъ изслѣдователя не имѣла никакого серьезнаго смысла и представлялась ему совершенно одинокой, вырванной рукою тирана изъ общей цѣпи культурно-историческаго процесса; къ такому выводу приходили тѣ, которые видѣли въ Іоаннѣ Грозномъ только темную историческую личность, съ деспотическимъ нравомъ, унаслѣдованнымъ отъ татарскихъ хановъ, и съ грубо-эгоистическими наклонностями ненормально развившагося человѣка. Другіе же историки, доброжелательствовавшіе трагической личности Грознаго, энергично отстаивали и обѣляли какъ самого царя, такъ и его эпоху. И только

---

[1]) Царствованіе Іоанна Грознаго обнимаетъ собою время отъ 1538—1584 года, т. е. большую часть центральныхъ годовъ эпохи XVI в., что въ связи съ особеннымъ значеніемъ этого царствованія и даетъ намъ возможность говорить о немъ, какъ о цѣлой эпохѣ.

тогда, когда стали появляться научныя работы по эпохѣ XVI в., создатели которыхъ шли правильнымъ путемъ при изученіи историческаго матеріала, избѣгая крайностей какъ одного, такъ и другого метода, царствованіе Іоанна Грознаго получило должное освѣщеніе, и былъ оцѣненъ историческій смыслъ этой эпохи: изъ за «пѣны» внѣшней, показной жизни, самымъ существеннымъ нервомъ которой была опричина съ ея жестокими и грубыми представителями «кромѣшниками» или опричниками, вскрылась будничная, здоровая работа этого, на первый взглядъ, кроваваго и безъидейнаго времени, преслѣдовавшая общегосударственные и народные интересы (реформа мѣстнаго управленія, реорганизація военно-служилаго класса, дѣятельность земскихъ соборовъ и т. д.); и даже сама опричина стала разсматриваться, какъ глубоко-осмысленный институтъ политики Грознаго [1]).

Интересъ же изученія эпохи XVII в. объясняется слѣдующими соображеніями: царствованіе Алексѣя Михайловича (1645—1676), а слѣдовательно и дѣятельность выдающейся государственной личности этого времени Артамона Матвѣева—совпадаютъ съ тѣмъ сложнѣйшимъ и полнымъ разнообразія моментомъ русскаго историческаго развитія, который удачнѣе всего назвать переходнымъ, такъ какъ въ этотъ періодъ особенно ярко обнаруживается еще не опредѣлившаяся борьба самыхъ противоположныхъ культурно-историческихъ силъ: мирное развитіе государственнаго начала идетъ параллельно съ внутренними и внѣшними неурядицами жизни; старые пережитки до-реформенной, патріархально-религіозной Руси, глубоко пустившіе корни въ большей части общества, уживаются и вмѣстѣ съ тѣмъ противодѣйствуютъ новымъ культурно-политическимъ вѣяніямъ сознательной группы передовыхъ людей; развивается

---

[1]) «Очерки по Исторіи Смуты» С. Ѳ. Платонова. Глава объ опричинѣ.

сложная и послѣдовательная система новыхъ дипломатическихъ отношеній, но въ приложеніи къ дѣйствительности часто принимаетъ совершенно неожиданный характеръ, подъ вліяніемъ чрезвычайной подвижности и напряженности реальныхъ факторовъ жизни. Кромѣ того, изученіе этой эпохи имѣетъ и научно-утилитарное значеніе: всестороннее изслѣдованіе самыхъ детальныхъ вопросовъ царствованія Алексѣя Михайловича можетъ способствовать вскрытію тѣхъ еще неясныхъ и недостаточно изученныхъ явленій его, которыя доказываютъ органическую связь XVII в. какъ съ предшествовавшей исторіей нашего народа, такъ и съ «Императорскимъ» или «Петербургскимъ» періодомъ, начинающимся съ преобразовательной эпохи Петра Великаго; послѣднее же должно содѣйствовать правильному уясненію происхожденія и развитія тѣхъ реформъ первой четверти XVIII вѣка, которыя повели Россію по новой культурно-исторической дорогѣ и помогали ея націи достигать удовлетворенія въ обще-человѣческихъ инстинктахъ и ясно сознанныхъ запросахъ духа.

До преемственной связи культурной реформы Петра Великаго съ тѣмъ сильнымъ общественнымъ броженіемъ XVII вѣка, подъ вліяніемъ котораго передовые люди того времени ясно сознавали необходимость перемѣнъ, пробовали вводить ихъ, спорили за нихъ, искали новыхъ путей, тянулись къ Западу и тѣмъ самымъ предугадывали, что новый путь въ сближеніи съ Западомъ,—до этой связи русская историческая наука дошла постепенно. Уже въ XVIII вѣкѣ историковъ-изслѣдователей (кн. Щербатовъ, Болтинъ, Новиковъ) начинаетъ интересовать взаимоотношеніе эпохи реформъ и до-реформенной, но ихъ выводы еще очень примитивны и смутны: темнымъ сторонамъ своего вѣка они противопоставляютъ свѣтлыя стороны до-Петровской Руси; они рѣшаются критиковать Петра Великаго и, хотя не развѣнчиваютъ этой мощной личности, однако признаютъ его реформу односторонней, привившей намъ много хорошаго со

стороны, но вмѣстѣ съ тѣмъ отнявшей у насъ много своего хорошаго. Первую научную оцѣнку дѣятельность преобразователя получаетъ у Карамзина; отношеніе послѣдняго къ Петру—отрицательно: признавая Московское государство основнымъ и національнымъ центромъ русскаго историческаго развитія и прославляя другого историческаго дѣятеля Іоанна III, какъ создателя единаго государственнаго начала въ Московской Руси, онъ вооружается противъ Петра Великаго и нападаетъ на него за насильственную (якобы) и рѣзкую ломку стараго быта русской природы. Въ первой половинѣ XIX вѣка въ русскомъ обществѣ особенно сильно пробуждается общественное самосознаніе, рядомъ съ этимъ крѣпнетъ и развивается философское образованіе; какъ одно, такъ и другое способствуетъ зарожденію особеннаго интереса къ нашему прошлому и желанію знать общій ходъ русскаго историческаго развитія. Тридцатые и сороковые (30—40) года этого вѣка выдвигаютъ два философскихъ кружка съ цѣльнымъ историческимъ міросозерцаніемъ; мы говоримъ о западникахъ и славянофилахъ. Какъ тѣ, такъ и другіе всецѣло воспитались и развились на германской метафизикѣ XIX вѣка, и особенно метафизической системѣ Гегеля о міровомъ духѣ, что ихъ взаимно сближаетъ; ихъ же отношенія къ русской культурѣ діаметрально противоположны: если для западниковъ германско-протестанская цивилизація есть послѣднее слово мірового прогресса и потому славянское племя не принадлежитъ къ историческимъ, то для славянофиловъ наоборотъ совершенно ясно, что славянская культура вполнѣ самобытна и возстановленіе ея національныхъ началъ, порванныхъ насильственной реформой Петра Великаго, приведетъ къ преобладанію славянской культуры надъ Германской. Въ связи съ этимъ основнымъ различіемъ философско-историческаго міросозерцанія западниковъ и славянофиловъ стоятъ и ихъ односторонне-крайніе взгляды на эпоху преобразованій: западники совершенно не признаютъ

историческаго развитія за до-Петровской, Московской Русью; послѣдняя въ ихъ глазахъ—страна варварская, «азіатская» [1]), и только Петръ Великій своей реформой пріобщилъ ее къ гуманной цивилизаціи и создалъ ей возможность прогресса; славянофилы же стоятъ на другой крайности: только въ исторіи Московскаго періода видятъ они органическое развитіе самостоятельной и здоровой культуры русскаго народа, съ реформой же Петра это правильное теченіе жизни пошло по ложной дорогѣ заимствованій. Такимъ образомъ, ни западники, ни славянофилы не могли уловить той органической связи XVIII в. съ семнадцатымъ (XVII), о которой мы уже говорили: какъ тѣмъ, такъ и другимъ мѣшала близорукость неисторическаго глаза. Только во второй половинѣ XIX-го вѣка, благодаря научной работѣ историко-юридической школы и особенно трудамъ двухъ ея видныхъ представителей и создателей профессоровъ Московскаго Университета С. М. Соловьева и К. Д. Кавелина [2]) была правильно оцѣнена преобразовательная эпоха: по мнѣнію послѣднихъ, Петръ Великій окончательно установилъ государственный порядокъ Россіи и своими реформами отвѣчалъ на требованія національной жизни, которая къ его времени подготовилась уже къ культурнымъ формамъ бытія, такъ что его дѣятельность вытекала изъ исторической необходимости и была вполнѣ національна. Такимъ образомъ, наконецъ, была установлена связь реформъ Петра съ эпохой XVII в., но она до тѣхъ поръ оставалась только логической, пока не былъ изученъ и изслѣдованъ тотъ фактическій матеріалъ обѣихъ эпохъ, который способствовалъ тому, что эта связь изъ логической перешла въ реальную. Современныя осторожныя и правдивыя изслѣдованія

---

[1]) См., напр., Бѣлинскій. Его статья по поводу Котошихина (сочин. т. IV).

[2]) Впрочемъ уже въ концѣ сороковыхъ (40) годовъ эту связь Петровской эпохи съ прошлымъ уловилъ чутьемъ Погодинъ, но онъ могъ высказать свои мысли только въ 1863 г.

XVII вѣка прибавляютъ все новый и новый матеріалъ и укрѣпляютъ достовѣрность послѣдней связи; а если еще повторяются иногда отрицательныя отношенія къ эпохѣ Алексѣя Михайловича [1]), то ихъ можно считать случайными ошибками славянофило-западническихъ пережитковъ. Въ русскомъ обществѣ еще не вполнѣ ясно и сознательно отношеніе къ реформѣ Петра и западной цивилизаціи: въ немъ и теперь встрѣчаются лагери quasi-западниковъ и quasi-славянофиловъ; и въ большинствѣ случаевъ причину этого нужно искать въ недостаткѣ теоретической, строго-научной подготовки. Всѣ эти соображенія лишній разъ подчеркиваютъ особенную важность изученія XVII вѣка и желательность работъ въ такомъ направленіи.

Эпоха Матвѣева.

Еще во время самаго сильнаго движенія преобразованій Петра Великаго князь Яковъ Долгорукій сравнивалъ дѣла Алексѣя Михайловича съ дѣлами Петра и говорилъ послѣднему: «Государь! въ иномъ отецъ твой, въ иномъ ты больше хвалы и благодаренія достоинъ. Главныя дѣла государей—три: первое, внутренняя расправа, и главное дѣло ваше есть правосудіе—въ семъ отецъ твой болѣе, нежели ты сдѣлалъ» [2]). Такое мнѣніе хотя и страдаетъ преувеличеніемъ и чрезмѣрной идеализаціей «тишайшаго» царя, однако заключаетъ въ себѣ глубокій историческій смыслъ.

---

[1]) Напр., Бѣловъ: «Русская Исторія до преобразованій Петра». Въ своемъ трудѣ почтенный изслѣдователь не особенно одобрительно относится къ эпохѣ Алексѣя Михайловича и ея важнѣйшимъ дѣятелямъ, напр., Артамону Матвѣеву; чрезмѣрно идеализируетъ личность Іоанна Грознаго, а также время послѣдняго и, оставляя XVII в. въ сторонѣ отъ культурно-историческаго прогресса Россіи, искусственно связываетъ политику Грознаго съ дѣятельностью Петра Великаго.

[2]) См. «Статьи по русской исторіи» С. Ѳ. Платонова. Изд. Суворина. 1903 г. Стр. 49. («Царь Алексѣй Михайловичъ»).

Ни одно царствованіе, какъ Алексѣя Михайловича, не было такъ обильно внутренними неурядицами и массовыми безпорядками, вызывавшимися неудовлетворенностью самыми разнообразными явленіями общественнаго строя въ XVII вѣкѣ. Въ началѣ лѣта 1648 года въ Москвѣ произошло открытое народное волненіе, вызванное ненавистью къ ставленникамъ царскаго тестя Ильи Даниловича Милославскаго—начальнику Пушкарскаго приказа Траханіотову и судьѣ Земскаго приказа Плещееву; это броженіе было подавлено вмѣшательствомъ въ дѣла самого царя, который обѣщалъ народу правосудіе и вмѣстѣ съ тѣмъ призналъ необходимымъ отослать временщика Морозова изъ Москвы въ Кирилловъ монастырь, а Траханіотова и Леонтія Плещеева казнить [1]). Въ связи съ московскими волненіями стоятъ безпорядки въ Сольвычегодскѣ и Устюгѣ въ іюлѣ того же года, вызванные возбужденіемъ толпы противъ подъячихъ Ѳеодора Приклонскаго (въ Сольвычегодскѣ) и Михайлова (въ Устюгѣ) за вымогательство у народа денегъ жестокимъ правежемъ [2]). Несмотря на Уложеніе 1649 г., составленіе котораго значительно было ускорено реальными фактами времени и главнымъ образомъ общей неудовлетворенностью старыми нормами жизни, вылившеюся въ только что описанные безпорядки, несмотря на участіе въ составленіи новаго кодекса выборныхъ земскихъ людей, съѣхавшихся на соборъ изъ 120 городовъ и оставившихъ слѣдъ самостоятельной работы въ нѣкоторыхъ статьяхъ Уложенія, уже на 6-ое января 1649 г. москвичи ждали новыхъ безпорядковъ. Но волненія повторились только черезъ годъ, въ началѣ 1650 г., и при томъ не въ Москвѣ, а во Псковѣ и Новгородѣ, гдѣ населеніе бунтовало противъ администраціи и особенно Морозова съ его «пріятелями—нѣмцами»; здѣсь

---

[1]) См. исторію этихъ волненій. С. М. Соловьевъ. «Исторія Россіи съ древнихъ временъ». Изд. С.-Петербургъ. 1860 г. Т. X. Стр. 153—156.
[2]) Id. 161—165.

мятежи «гилевщиковъ» [1]) отличались большой напряженностью и правительство подавило ихъ только послѣ цѣлаго ряда усилій. Когда изъ-за Малороссіи въ 1654 году Россія втянулась въ войну съ Польшей, московскому правительству пришлось прибѣгнуть къ экстренной финансовой мѣрѣ, чтобы восполнить недочеты казны: въ 1656 году бояринъ Ртищевъ предложилъ проектъ, состоявшій въ томъ, чтобы чеканить мѣдныя деньги одинаковой формы и величины съ серебряными и выпускать ихъ по одной цѣнѣ съ ними; но эта мѣра привела къ страшному финансовому кризису, который не трудно представить себѣ, если вспомнить, что уже въ 1663 г. за 100 сер. рублей не брали и 1500 мѣдныхъ. Этотъ кризисъ рядомъ съ злоупотребленіями должностныхъ лицъ (особенно Милославскихъ) и развившейся тайной поддѣлкой монеты привелъ народъ къ крайнему обнищанію и разрѣшился новымъ открытымъ бунтомъ въ Москвѣ (1662 г.), когда народъ шелъ толпою къ царю въ Коломенское просить управы на бояръ; мятежъ былъ усмиренъ только военной силой, а мѣдныя деньги отмѣнены въ 1663 году [2]). Наконецъ, съ 1669 года начался извѣстный всѣмъ бунтъ Стеньки Разина, подъ знаменемъ движенія котораго пошла вся «голытьба», искавшая случая погулять на чужой счетъ, вмѣстѣ съ недовольными общественнымъ порядкомъ крестьянами и холопами; бунтъ этотъ охватилъ всю Волгу отъ Астрахани до Симбирска и былъ подавленъ только тогда, когда неустрашимый заправила его былъ схваченъ старыми казаками, отвезенъ въ Москву и казненъ (въ 1671 г.). Прибавимъ ко всему этому расколъ, какъ результатъ церковной реформы, съ явнымъ образованіемъ фанатической религіозно-обрядовой оппозиціи, которая рѣзко проявлялась какъ въ Москвѣ,

---

[1]) С. М. Соловьевъ.

[2]) С. Ѳ. Платоновъ: Лекціи. Стр. 319, 320. Соловьевъ: «Исторія Россіи съ древнихъ временъ». Лаппо-Данилевскій: «Организація прямого обложенія» и пр.

такъ и другихъ городахъ (напр., во Владимірѣ, Нижнемъ Новгородѣ, Муромѣ и т. д.) и закончилась извѣстнымъ соловецкимъ возмущеніемъ противъ «новинъ», подавленнымъ только въ 1676 году,—и картина внутренней шатости въ Московскомъ Государствѣ второй половины царствованія Алексѣя Михайловича получитъ опредѣленную округлость и яркость.

Если бы историкъ собралъ всѣ эти факты царствованія Алексѣя Михайловича и на нихъ исключительно строилъ свои выводы относительно всей эпохи, то онъ долженъ былъ бы сказать: это—темное время, въ которое не было рѣшительно ни одного здороваго направленія, въ которое дезорганизація государства дошла до самыхъ крайнихъ предѣловъ, и общество не видѣло ничего впереди, что бы могло ручаться за дальнѣйшій прогрессъ русскаго народа. Но въ томъ-то и дѣло, что было нѣсколько иначе: рядомъ съ этой дезорганизаціей, съ которой правительство напряженно боролось, во второй половинѣ XVII в. крѣпнетъ и развивается государственное начало, основанное на благѣ всего народа. Кромѣ зоркаго глаза самыхъ энергичныхъ государственныхъ дѣятелей, глубоко понимавшихъ идею общественнаго блага и проводившихъ ее въ жизнь [1]), послѣднему, по удачному замѣчанію С. М. Соловьева, много способствовало то обстоятельство, что всѣ внутреннія неурядицы въ государствѣ, а равнымъ образомъ внѣшнія войны почти никогда не приходились на одно и то же время, такъ что правительству уже не такъ трудно было справляться со всѣми опасными явленіями жизни (несмотря на ихъ очень значительное количество). Въ нашу задачу совершенно не входитъ выясненіе всѣхъ внѣшнихъ и внутреннихъ мѣропріятій правительства (Уложеніе, церковныя реформы, земскіе

---

[1]) Въ число этой группы не входятъ, конечно, временщики эпохи, въ родѣ Морозова, Милославскихъ и др., снискавшихъ въ народѣ грустную популярность.

соборы и пр.), способствовавшихъ упорядоченію и унормированію обще-государственной жизни. Мы остановимся только на тѣхъ интересныхъ явленіяхъ эпохи XVII в, которыя тѣсно связаны съ личностью и дѣятельностью Артамона Матвѣева. Прежде всего намъ предстоитъ выяснить, въ какомъ положеніи находилась внѣшняя политика того времени, что было ея существеннымъ двигателемъ, и какъ въ зависимости отъ этого измѣнялись характеръ и пріемы дипломатическихъ отношеній въ Московскомъ Государствѣ. Исходнымъ пунктомъ внѣшней политики въ царствованіе Алексѣя Михайловича должно признать малороссійскій вопросъ, тѣсно связанный съ польско-литовскими отношеніями и осложнявшійся борьбой со Швеціей и Турціей. Какъ извѣстно, еще въ XIII и XIV вв. западныя и южныя области Россіи были завоеваны литовскими великими князьями. До соединенія Литвы съ Польшей положеніе русскаго народа въ первой не было тяжело, тѣмъ болѣе, что православная религія и русская культура одержали верхъ среди полудикихъ литовцевъ, и такимъ образомъ болѣе развитая русская народность ассимилировала себѣ менѣе образованное племя. Послѣ же польско-литовской Уніи—1386 года и особенно послѣ реальнаго соединенія Польши съ Литвой на общемъ сеймѣ въ Городлѣ (1413 г.), когда особенности польскаго государственнаго строя были перенесены на Литву, отношенія измѣнились. Еще въ XV и XVI вв. (послѣ Витовта), несмотря на Городельскій актъ, Литва вооружалась противъ Польши за свою независимость и политическую автономію, а между тѣмъ общественное устройство въ ней формировалось подъ прямымъ польскимъ вліяніемъ, вытѣсняя старыя формы русскаго быта и внося въ жизнь острый антагонизмъ. Съ первой половины XVI в. Московское государство уже требовало отъ Литвы возвращенія старинныхъ русскихъ «отчинъ»—западныхъ областей, и достигло нѣкоторыхъ результатовъ, когда подъ власть Москвы охотно переходили князья Чернигово-Сѣверскіе,

Новосильскіе, Глинскіе, Бѣлевскіе, Одоевскіе, Воротынскіе и др. Литвѣ грозила серьезная опасность и, пожалуй, ей пришлось бы разстаться съ русскимъ наслѣдіемъ, если бы изъ Москвы не началось обратнаго движенія княжатъ въ Литву, въ тяжелое время Грознаго царя. Когда же во второй половинѣ XVI вѣка Литва попала въ еще болѣе критическое положеніе, когда въ 60-хъ годахъ московскія войска взяли Полоцкъ и хозяйничали въ немъ, а польскій король Сигизмундъ II Августъ настаивалъ на Уніи съ Польшей, ей предстоялъ выборъ между однимъ изъ двухъ золъ: или присоединиться къ Москвѣ и тѣмъ самымъ потерять свое политическое вліяніе, или согласиться на Унію съ Польшей и такимъ образомъ отказаться отъ религіозно-нравственной свободы. Люблинская Унія 1569 года, о которой особенно хлопотали важнѣйшіе западно-русскіе вельможи (князь Острожскій и др.), положила предѣлъ этой неустойчивости и разрѣшила вопросъ въ интересахъ польской національности. По условіямъ этой Уніи Литва сливалась съ Польшей въ нераздѣльное государство съ сохраненіемъ, впрочемъ, нѣкоторой автономіи въ законодательномъ и административномъ отношеніяхъ; часть же западно-русскихъ земель (Волынь, Украйна, Подляхія) присоединилась отъ Литвы къ Малой Польшѣ. Велико было отчаяніе западно-русскаго общества, которое еще могло мириться съ литовскимъ королевствомъ, гдѣ оно нѣкогда гордилось сознаніемъ превосходства своей культуры и ассимиляціи послѣдней грубаго литовскаго народа, но которое никогда не сочувствовало Польшѣ и понимало всю опасность предстоявшаго польскаго гнета. И потому, въ концѣ концовъ, эта Унія привела къ двумъ роковымъ послѣдствіямъ какъ Литву, такъ и Литовско-Подольскую Русь: религіозной борьбѣ и общественной. Причиной первой, какъ мы знаемъ, было тяжелое положеніе православнаго духовенства и его паствы въ Католической Польшѣ, въ которой къ тому времени широко распространилась католическая пропаганда, когда

іезуиты наводнили Польшу, захватили въ свои руки народное образованіе и воспитывали православное юношество въ католическихъ взглядахъ. Пока западно-русская аристократія поддерживала угнетенныхъ православныхъ и противодѣйствовала католической тенденціи въ интересахъ своей національности, до тѣхъ поръ еще немного скрашивалось тяжелое положеніе мелкаго русскаго люда въ польско-литовскомъ государствѣ; съ измѣной же и этой аристократіи (напр. кн. Конст. Острожскій) религіозная борьба стала для него еще тяжелѣе и несноснѣе. Однако оставались еще средства борьбы и ихъ давала церковная организація: среди городского населенія западной Руси основывались, такъ называемыя, братства рачителей и покровителей церкви, и они быстро распространяли свою подпольно-религіозную агитацію въ нѣкоторыхъ городахъ (Львовъ, Кіевъ и др.). Но вся эта борьба не привела къ желаннымъ для православія результатамъ: въ 1596 году заключена была въ Брестѣ церковная Унія измѣнившими православію, въ личныхъ интересахъ, іерархами (Кириллъ Терлецкій, Ипатій Поцѣй, Михаилъ Рагоза); хотя эта Унія и была отвергнута, какъ недѣйствительная, вѣрными православію епископами, хотя она и породила церковный расколъ,—однако папство имѣло право считать Унію состоявшеюся, такъ какъ въ его рукахъ была грамата (правда, подложная) отъ лица всей западно-русской іерархіи. Послѣ этой Уніи православіе въ польско-литовскомъ государствѣ было поставлено въ самыя тяжелыя условія: литовско-русская религія превратилась въ «презрѣнную холопскую схизму» и преслѣдовалась самыми жестокими мѣрами со стороны ненавистнаго иноземнаго правительства. Однако духъ противорѣчія и національной самообороны развивался въ русскомъ обществѣ съ прежней силой: даже при самыхъ неблагопріятныхъ условіяхъ православнымъ удалось отстоять независимость Кіево-Печерской Лавры и митрополичьей каѳедры въ Кіевѣ, и даже устроить въ послѣднемъ духовную академію (трудами Петра Могилы); кромѣ того южно-

руссы добились и нѣкоторыхъ благопріятныхъ для православія постановленій на сеймахъ, наконецъ, завели школы и благотворительныя учрежденія. Но это были легальныя средства борьбы; нашлись скоро и нелегальныя, которыя вылились въ казаческомъ движеніи, подъ знаменемъ котораго пошла вся недовольная Украйна. Казачество довольно рано сформировалось на окраинахъ польско-литовскаго государства, и въ XVII в. добилось значительныхъ правъ и привилегій, обособившись въ самостоятельный соціальный классъ. Нереестровые казаки уходили отъ панскихъ рукъ къ Днѣпру и образовали за порогами послѣдняго оплотъ казачества—Запорожскую Сѣчь. Къ концу XVII вѣка недовольство какъ за порогами, такъ и во всей Украйнѣ возросло до чрезвычайныхъ размѣровъ, и разрѣшилось бунтомъ извѣстнаго войскового писаря Богдана Хмельницкаго (въ 1648 г.), который съ помощью крымскихъ татаръ разбилъ короля Яна Казиміра и договоромъ подъ Зборовымъ добился возвращенія казацкихъ вольностей и увеличенія реестровыхъ казаковъ съ прежнихъ 6000 до 40000. Но скоро миръ былъ нарушенъ поляками, что и вызвало новое возстаніе во главѣ съ тѣмъ же Хмельницкимъ, которое вслѣдствіе измѣны казакамъ крымскаго хана, окончилось новымъ перемиріемъ подъ Бѣлой Церковью; это было невыгодно для казаковъ, такъ какъ число реестровыхъ уменьшалось на 20000. Такимъ образомъ, обнаружилось, что Украйна не имѣетъ достаточныхъ силъ для самостоятельной борьбы съ Польшей: оставалось только искать помощи у русскаго царя, а это и послужило содержаніемъ 1654 года, въ которомъ Малороссія была принята подъ «высокую руку Московскаго царя». Такъ пріобрѣла, наконецъ, Москва давно утерянныя Русью земли. Но не легко было удержать и укрѣпить ихъ за Москвой при тѣхъ внѣшнихъ затрудненіяхъ, которыя создавались какъ самой Малороссіей, такъ и ея сосѣдями. Въ первой мы наблюдаемъ постоянное колебаніе гетмана и украинской стар-

шины между интересами Москвы и Польши. Несмотря на постоянную мѣну гетмановъ въ Украйнѣ, особенно въ лѣвобережной, отошедшей окончательно къ Россіи съ 1667 г. по Андрусовскому перемирію, по которому правобережная Украйна оставалась за Польшей, а Кіевъ Москва удерживала за собой на два года,—несмотря на все это русское правительство умѣло справлялось съ своей національной задачей.

Остановимся на событіяхъ малороссійской жизни, тормозившихъ осуществленіе этой задачи. По смерти Богдана Хмельницкаго гетманство было захвачено войсковымъ писаремъ Иваномъ Выговскимъ, человѣкомъ польскихъ симпатій и представителемъ казачьей старшины. Въ 1658 году онъ передался Польшѣ и въ 1659 году нанесъ страшное пораженіе Московскимъ войскамъ подъ Конотопомъ, но былъ свергнутъ казаками; и гетманомъ избранъ сынъ Богдана Юрій Хмельницкій, слабовольный и чрезвычайно туповатый человѣкъ, и также предавшійся Польшѣ, какъ только началась война съ ней. Однако же Малороссія оставалась вѣрной русскому царю и избрала въ 1662 г. въ лѣвобережные гетманы запорожца Брюховецкаго, единственнаго гетмана, выслужившаго званіе боярина. Измѣна и его въ 1668 году снова возмутила Украйну, но Глуховская рада 1669 года, статьи договора на которой установили на долгое время постоянные принципы отношеній между Россіей и Малороссіей, положила предѣлъ шатости въ послѣдней. Съ этого времени и съ избраніемъ въ гетманы представителя демократическихъ симпатій Многогрѣшнаго лѣвобережная Украйна постепенно крѣпла и развивалась въ своей привязанности къ Москвѣ. Однако и тутъ не обошлось безъ недоразумѣній: малороссійская старшина успѣла свергнуть Многогрѣшнаго и оклеветать его въ Москвѣ Только съ 1672 года, съ гетманствомъ Ивана Самойловича было достигнуто успокоеніе лѣваго берега Днѣпра. Между тѣмъ какъ на восточной сторонѣ его наблюдается такое

*

пестрое разнообразіе въ гетманахъ. Правобережная Украйна была вѣрна хитрому гетману Дорошенко, предавшемуся въ концѣ концовъ на сторону Турціи. Трудно было Россіи справляться съ Малороссіей, а тутъ еще присоединилась внѣшняя опасность сначала со стороны Польши, а потомъ, съ измѣной Дорошенко, и Турціи. Султанъ послѣдней Магометъ IV въ 1672 году предпринялъ походъ для покоренія всей Украйны; правый берегъ Днѣпра сталъ театромъ войны Москвы съ Турціей, которая продолжалась до 1681 года. Такія данныя заставляютъ насъ признать основнымъ базисомъ внѣшней политики Московскаго Государства Малороссійскій вопросъ и тѣсно съ нимъ связанное мирное улаживаніе столкновеній съ сосѣдними державами. Крайняя сложность внѣшнихъ отношеній въ царствованіе Алексѣя Михайловича, развивавшаяся параллельно шатости факторовъ жизни малороссійскаго народа, постоянное колебаніе интересовъ правобережной Украйны, послѣ Андрусовскаго договора, между польской короной и русской державой, непрочность лѣвобережной Украйны подъ «высокой рукой» Московскаго царя, благодаря измѣнной политикѣ ея гетмановъ — требовали отъ московскаго государства особенно сложныхъ и разнообразныхъ дипломатическихъ отношеній. Благодаря послѣднему мы и наблюдаемъ въ XVII вѣкѣ небывалое по размѣрамъ и качеству, сравнительно съ царствованіемъ Михаила Ѳеодоровича и предшествовавшими ему, развитіе стройной и послѣдовательной дипломатической системы, которая основывалась не только на обычаѣ и требованіяхъ жизни, но и на теоретическихъ построеніяхъ строго логической и синтетической мысли. Далѣе мы еще прослѣдимъ, какое практическое приложеніе имѣла та или другая дипломатическая система и результаты какой изъ нихъ были плодотворнѣе и полнѣе: развитіе этихъ вопросовъ стоитъ въ тѣсной связи съ опредѣленіемъ дипломатической роли двухъ выдающихся государственныхъ дѣятелей XVII вѣка—Артамона

Сергѣевича Матвѣева и Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина. Пока же мы остановимся на одномъ изъ интереснѣйшихъ явленій этого времени—политической дѣятельности Малороссійскаго духовенства. Постоянныя сношенія московскаго правительства съ малороссійскими гетманами, неувѣренность въ ихъ безупречной службѣ русскому государству, двуличность ихъ политики какъ по отношенію къ Россіи, такъ и Польшѣ, ложные доносы со стороны гетманскихъ посланцевъ—способствовали возвышенію послѣдняго: требовалось участіе въ политическихъ дѣлахъ мѣстныхъ силъ, а удовлетворить этому требованію могло прежде всего духовенство, занимавшее руководящее мѣсто среди населенія какъ по своему духовному сану, такъ и вслѣдствіе культурнаго превосходства надъ остальной массой. Еще послѣ сейма 1632 года высшее южно-русское духовенство было поставлено въ очень хорошія условія жизни: ему были дарованы крупныя маетности и вмѣстѣ съ тѣмъ возможность жить по шляхетски; само польское правительство стало относиться къ владыкамъ съ нѣкоторымъ уваженіемъ, ибо панъ, обладавшій значительными маетностями, былъ въ шляхетномъ государствѣ силой, съ которой приходилось считаться каждому; къ этому надо прибавить вліяніе православнаго духовенства на народъ, а особенно на казаковъ. Отсюда, уже въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XVII в. православные архіереи имѣли нѣкоторое оффиціальное вліяніе на дѣла государственныя въ Польшѣ, гдѣ «первымъ княземъ» былъ архіепископъ—примасъ. Съ Московскимъ Правительствомъ южно-русскіе іерархи сблизились еще въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича при Іовѣ Борецкомъ [1]); но сношенія этого времени носили только внутренній характеръ: роль южно-русскаго духовенства ограничивалась культурнымъ вліяніемъ кіевскихъ монаховъ на Московское

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ», стр. 31—32.

общество. Съ царствованія же Алексѣя Михайловича не только черное духовенство, но часто и особенно дѣятельно бѣлое (нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ) пріобрѣтаетъ политическое вліяніе на дѣла Московскаго Государства: это—уже политическіе агенты Московскаго Государства, большею частью посредники, съ одной стороны, между центральнымъ правительствомъ, съ другой—гетманствомъ и малороссійской старшиной, стремившіеся примирить малороссійскіе интересы съ великороссійскими. Когда въ царствованіе Алексѣя Михайловича былъ разрѣшенъ поднятый малороссійскимъ духовенствомъ еще при его отцѣ вопросъ о присоединеніи Малороссіи, многіе представители этого духовенства (Меѳодій, Гизель, Адамовичъ и др.) оказали большія услуги Московскому Государству.

Внѣшняя политика и дипломатическія сношенія съ Западомъ въ XVII вѣкѣ дали новое содержаніе жизни русскаго человѣка: когда послѣдній попадалъ въ одну изъ культурныхъ уже странъ, онъ переживалъ на себѣ цѣлый рядъ небывалыхъ и живыхъ впечатлѣній, возвращался на родину съ запасомъ такихъ свѣдѣній и знаній, которыя способствовали расширенію и развитію его общечеловѣческихъ инстинктовъ. Культурное обновленіе этого вѣка выразилось прежде всего въ области идей. До того времени мысль и мировоззрѣніе русскаго народа находились подъ гнетомъ религіозно-обрядовыхъ и исключительно-національныхъ тенденцій, овладѣвшихъ умами съ особенной силой на рубежѣ XV и XVI вѣковъ. Теперь же возникли новые запросы умственной жизни, стала развиваться естественная въ человѣкѣ страсть къ знанію и наукѣ, проводниками чего въ Россію первое время были кіевскіе схоластики и византійскіе ученые монахи (Епифаній Славинецкій, Симеонъ Полоцкій, Крижаничъ, Ртищевъ и др.). Вмѣстѣ съ ростомъ самосознанія въ русскомъ обществѣ стали развиваться вкусы и потребности культурнаго человѣка; тогда уже вліяніе иностранцевъ перешло изъ

области теоретической въ область практическую (особенно черезъ нѣмцевъ): у нихъ учились мастерству, торговлѣ, искусствамъ и т. д. Не надо, конечно, думать, что это вліяніе было чисто внѣшнимъ, навѣяннымъ совершенно случайно, благодаря неожиданному столкновенію съ новымъ міромъ. Элементы новыхъ культурныхъ теченій слагались въ Россіи, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ, органически: и до XVII вѣка незамѣтно вырабатывались и пролагали дорогу впередъ новые инстинкты и вкусы; но вся разница въ томъ, что въ этомъ вѣкѣ они проявились рѣзко и опредѣленно, и потому болѣе ощутимы. Разумѣется, только небольшая часть общества, такъ называемые передовики, ясно и сознательно шли къ новой цѣли культурнаго обновленія Россіи, а остальная масса, состоявшая изъ людей «старозавѣтныхъ», отворачивалась отъ новыхъ вѣяній, какъ отъ «прелести бѣсовской»; иначе говоря, общество подѣлилось на два лагеря, между членами которыхъ происходила неравная борьба,—и послѣдняя въ концѣ концовъ увѣнчалась побѣдой, полной уже при Петрѣ Великомъ, мыслящихъ и передовыхъ людей.

Въ такой-то средѣ и при такихъ сложныхъ условіяхъ жизни приходилось развиваться и работать одному изъ самыхъ энергичныхъ западниковъ—Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, которому и предстояла трудная задача уловить существеннѣйшія нужды переходной эпохи и итти къ ихъ осуществленію, какъ къ цѣли своей жизни.

Жизнь, общественно-государственная дѣятельность Артамона Сергѣевича Матвѣева и его личность.

Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ происходилъ отъ незнатныхъ родителей, изъ среды московскихъ дворянъ средней руки. За недостаткомъ соотвѣтствующихъ источниковъ трудно представить себѣ генеалогическое древо его пред-

ковъ. Не только исторія дѣда Матвѣева, но даже и имя его намъ до сихъ поръ не извѣстны; существуютъ по этому вопросу только предположенія, еще никакими документальными данными не подтвержденныя [1]). Одно мы достовѣрно знаемъ, что отецъ его, дьякъ Сергѣй Матвѣевъ, [2]) ѣздилъ въ послахъ съ дворяниномъ Коробьинымъ въ 1634 г., т. е. въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (1613—1645), къ турецкому султану Мурату, а въ 1645 году съ В. С. Волынскимъ къ Персидскому шаху Аббасу. Извѣстно еще и то, что Артамонъ Матвѣевъ былъ занесенъ въ списки московскихъ дворянъ и наслѣдовалъ послѣ отца довольно значительныя помѣстья подъ Москвой, а также въ нынѣшнихъ Нижегородской, Рязанской и Калужской губерніяхъ [3]). Родился онъ въ 1625 году, т. е. въ первой половинѣ царствованія Михаила Ѳеодоровича [4]). На тринадцатомъ году жизни онъ былъ взятъ на житье во дворецъ [5]). Здѣсь Артамонъ Матвѣевъ воспитывался вмѣстѣ съ царевичемъ-наслѣдникомъ Алексѣемъ, старше котораго былъ на четыре

---

[1]) Въ граматѣ римскаго Императора Карла XI о пожалованіи графскаго достоинства сыну Артамона Андрею сказано, что родъ его предковъ—славный и древнѣйшій въ Россіи, а между тѣмъ предки Артамона Матвѣева совершенно неизвѣстны. Князь Лобановъ Ростовскій, въ изданной имъ Родословной Книгѣ, производитъ Артамона Матвѣева отъ Каширскаго воеводы, при Грозномъ,—Кирилла Ивановича Матвѣева, но ничѣмъ не подтверждаетъ своихъ предположеній. П. И. Мельниковъ, въ исторической замѣткѣ, посвященной Авдотьѣ Петровнѣ Нарышкиной, считаетъ за дѣда или прадѣда Артамона поморскаго крестьянина Нестерко Матвѣева, занимавшагося рыболовствомъ на рѣкѣ Кеми, но это указаніе совершенно голословно.

[2]) Въ статейномъ спискѣ отчество его не упомянуто.

[3]) Рус. Мысль. 1901 г. Авг. стр. 6. Сент. стр. 49. (Стат. Павла Матвѣева).

[4]) Рус. Архивъ 1901 г. Февр. стр. 221. (Ст. Павла Матвѣева. «Москва и Малороссія въ управленіе Ордина-Нащокина Малороссійскимъ приказомъ»).

[5]) «Исторія о невинномъ заточеніи ближняго боярина Артамона Сергіевича Матвѣева» изд. Н. И. Новиковымъ (при Екатеринѣ II). С.-Петерб. 1776 г. стр. 389, гдѣ мы читаемъ: «Въ 7146 (1638 г.) году іюля въ день великій государь-царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи Самодержецъ, пожаловалъ Артамона Матвѣева въ житьѣ».

года [1]); уже съ этого времени онъ пользовался нѣкоторымъ довѣріемъ и расположеніемъ его, такъ что съ самаго дѣтства былъ наиболѣе близкимъ и любимымъ человѣкомъ будущаго царя. Недостаточность частныхъ источниковъ, какъ напр. мемуаровъ, мѣшаетъ разобраться въ причинахъ сближенія простого дьячаго сына съ царевичемъ. По предположенію одного изъ историковъ [2]), сближеніе это могло произойти при посредствѣ Бориса Ивановича Морозова. Во дворѣ Артамону Матвѣеву, какъ человѣку незнатнаго происхожденія, приходилось держать себя «опасливо», что мало по малу развивало въ немъ выдержку, умѣніе ладить съ самыми разнохарактерными людьми, привычку приспособляться къ самымъ сложнымъ дворцовымъ интригамъ и церемоніямъ, поступаться «самыми щекотливыми самолюбіями» [3]). Вопреки такому близкому общенію съ царемъ уже въ это время Артамонъ Сергѣевичъ весьма тактично держался въ тѣни и занималъ самыя незначительныя должности въ званіи полковника и головы московскихъ стрѣльцовъ [4]): онъ остерегался раздражать спесь придворныхъ бояръ и вызывать ихъ на мѣстническія пререканія. Еще стрѣлецкимъ головой молодой Артамонъ Матвѣевъ велъ въ Польшѣ переговоры о сдачѣ русскимъ Смоленска, а съ 1654 года, когда онъ уже былъ пожалованъ званіемъ стольника [5]), исполнялъ очень щекотливыя царскія порученія: дважды ѣздилъ въ Литву и Польшу для переговоровъ съ литовскимъ гетманомъ Гонсѣвскимъ и хлопоталъ объ избраніи московскаго царя въ преемники польскому королю Яну

---

[1]) Алексѣй Михайловичъ родился 9 марта 1629 г., а Матвѣевъ въ 1625 г.

[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.» Т. XII стр. 604. Изд. «Общ. Польза».

[3]) Рус. Мысль 1901 г. Сент. Стр. 49 ст. Павла Матвѣева: «Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи и его отношеніе къ дѣламъ и людямъ этого края»).

[4]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.» т. XII стр. 604.

[5]) «Исторія о нев. заточ.» стр. 390. Въ стольники и полковники Артамонъ Матвѣевъ пожалованъ въ 1654 г.

Казиміру; въ промежутокъ между этими двумя посылками онъ былъ командированъ въ Малороссію для переговоровъ съ войсковымъ писаремъ Выговскимъ, избраннымъ послѣ смерти Богдана Хмельницкаго въ гетманы [1]); онъ же по порученію царя, былъ отправленъ въ Успенскій соборъ для наблюденія за Никономъ, когда опальный патріархъ внезапно ночью пріѣхалъ въ Москву изъ Воскресенскаго монастыря (въ декабрѣ 1664 года) и неожиданно появился въ Успенскомъ соборѣ на патріаршемъ мѣстѣ, во время служенія утрени [2]); наконецъ, передъ извѣстной Глуховской радой, о которой рѣчь впереди, на Артамона Матвѣева было возложено весьма важное порученіе состоять при вселенскихъ патріархахъ, прибывшихъ въ Москву для суда надъ Никономъ. Такая сравнительно видная государственная роль незначительнаго должностного лица, какимъ въ то время былъ царскій любимецъ, больше всего говоритъ какъ за особенное расположеніе къ нему государя, такъ и за даровитость будущаго дипломата и общественнаго дѣятеля. Къ концу царствованія Алексѣя Михайловича служебное движеніе Артамона Матвѣева, а вмѣстѣ съ тѣмъ и его чиновное возвышеніе идутъ значительно быстрѣе и напряженнѣе. Въ 1669 году его назначаютъ начальникомъ Малороссійскаго приказа [3]), съ сохраненіемъ прежняго званія стольника и полковника; съ 1671 года, послѣ отставки «оберегателя» посольскихъ дѣлъ и государственной печати «канцлера» А. Л. Ординъ-Нащокина, онъ вѣдаетъ уже два приказа—Малороссійскій и Посольскій, въ качествѣ ихъ начальника, дипломата, и при томъ въ званіи думнаго дворянина, которымъ онъ былъ пожалованъ въ томъ же году по случаю брака Алексѣя Михайловича на воспитанницѣ

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XI стр. 1705—1706. т. XII стр. 11. 33. 34.
[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XII стр. 247—251.
[3]) «Ист. о нев. заточ.» стр. 390.

Матвѣева Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной [1]). Въ 1672 году по случаю рожденія царевича Петра, былъ пожалованъ въ окольничіе, а уже въ октябрѣ 1674 г., въ день крестинъ царевны Ѳеодоры,—въ ближніе бояре [2]). Съ 1669 г., т. е. съ дѣятельности стольника и царскаго любимца на Глуховской радѣ, постепенно крѣпнутъ и развиваются государственные принципы дальновиднаго и осторожнаго дипломата, какимъ намъ придется признать Артамона Сергѣевича послѣ обзора его политической дѣятельности; съ этого-то времени и до конца жизни Алексѣя Михайловича вполнѣ опредѣляется его роль какъ въ общественно-государственныхъ начинаніяхъ, такъ и въ новомъ культурно-историческомъ процессѣ XVII в. Несмотря на большія заслуги передъ русскимъ государствомъ и обществомъ, несмотря на особенное расположеніе и преданность царю, Артамонъ Матвѣевъ нажилъ себѣ очень много враговъ въ средѣ знатныхъ людей того времени [3]),—къ концу царствованія «тишайшаго» царя начались козни и наговоры на него. Передъ бракомъ Алексѣя Михайловича на воспитанницѣ Матвѣева найдены подметныя письма съ обвиненіями царскаго любимца въ волшебствѣ [4]); послѣднее, вѣроятно, было вызвано злобой оскорбленной знати на неожиданный выборъ царемъ невѣсты изъ рода незнатнаго и желаніемъ помѣшать этому браку. Но первая попытка оклеветать преданнаго царю человѣка не имѣла успѣха, такъ какъ Мат-

---

[1]) «Ист. о нев. заточ.» стр. 390. Тамъ мы читаемъ: «въ 7179 (1671) году, ноября въ 27 день, на праздникъ Знаменія Пресвятыя Богородицы, онъ же великій государь пожаловалъ стольника и полковника и голову Московскихъ стрѣльцовъ его Арт. Сер. думнымъ дворянствомъ».

[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ древ. вр.» т. XII стр. 604. «Ист. о нев. заточ.» 391, 392 стр.

[3]) «Ист. о нев. заточ.» стр. 349. 350. 351. 353. 354. 355. Здѣсь мы знакомимся съ цѣлымъ рядомъ враговъ Матвѣева: напр., ближній бояринъ Ив. Мих. Милославскій, бояринъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, его родственница Анна Петровна Хитрово, окольничій Вас. Сем. Волынскій, Петръ Толстой, думный дьякъ Иванъ Гороховъ и др.).

[4] С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» XIII стр. 758.

вѣевъ безъ труда оправдался отъ взводимыхъ на него обвиненій; и намѣченный бракъ состоялся. Въ 1676 году вступилъ на престолъ новый царь—Ѳеодоръ, сынъ Алексѣя Михайловича отъ перваго брака съ Милославской. При этомъ событіи чрезвычайной важности въ государствѣ было спокойно; съ внѣшней стороны не было никакихъ перемѣнъ, а Матвѣевъ по прежнему оставался въ санѣ «оберегателя великихъ государственныхъ посольскихъ дѣлъ». Но въ воздухѣ уже висѣла гроза; чуялось приближеніе чего-то новаго: враги не дремали. Отъ Натальи Кирилловны Нарышкиной остался въ живыхъ царевичъ Петръ; Петра-то и его партію долженъ былъ нравственно поддерживать Артамонъ Матвѣевъ; и онъ, надо полагать, позаботился бы объ обезпеченіи себя и своихъ на случай перемѣны царствованія, если бы не умеръ скоропостижно царь Алексѣй и обстоятельства при восшествіи на престолъ Ѳеодора не сложились совершенно неожиданно. За больнымъ въ то время Ѳеодоромъ ухаживали тетки и шесть единокровныхъ сестеръ; мачеха—Наталья Кирилловна, противъ которой особенно ратовала извѣстная тогда «постница» боярыня Анна Петровна Хитрово, была удалена отъ двора; это возмущеніе противъ бывшей царицы неразрывно связано съ ненавистью къ боярину Матвѣеву;—за одно съ «постницей» дѣйствовали сильные теперь вельможи, давно уже точившіе зубы на бывшаго царскаго друга по самымъ разнообразнымъ причинамъ: такъ напр., бояринъ Иванъ Михайловичъ Милославскій злобился на Матвѣева, приписывая вліянію послѣдняго свое удаленіе на Астраханское воеводство при царѣ Алексѣѣ; бояринъ-дворецкій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, выведенный въ люди временщикомъ Морозовымъ изъ незнатнаго рода городовыхъ алексинскихъ дворянъ, не терпѣлъ новыхъ людей при дворѣ, болѣе видныхъ, чѣмъ самъ онъ, по личнымъ достоинствамъ и талантамъ, а особенно возненавидѣлъ Матвѣева послѣ того, какъ тотъ разоблачилъ передъ Алексѣемъ Михайловичемъ злоупотребле-

нія по управленію Приказомъ Большого Дворца,—и самого Богдана, и его племянника Александра Севастьяновича Хитрово. Главнымъ орудіемъ въ рукахъ Милославскаго и Хитрово былъ окольничій Василій Семеновичъ Волынскій, давнишній завистникъ Матвѣева, человѣкъ малоспособный и малограмотный, но большой «крикунъ», умѣвшій прилаживаться къ сильнымъ людямъ. Среди этихъ-то ненавистниковъ паденіе Матвѣева было рѣшено; оставалось найти удобный поводъ къ столкновенію и дѣйствовать. Сперва Артамона Сергѣевича объявили подозрительнымъ человѣкомъ, котораго де нельзя оставить правителемъ Аптеки, когда государь боленъ,—и аптеку у Матвѣева отняли. За этой полумѣрой послѣдовали болѣе рѣшительныя репрессіи. Въ самый разгаръ придворной интриги датскій резидентъ Монсъ Гей, уѣзжая изъ Москвы прислалъ царю жалобу въ томъ, что Матвѣевъ не доплатилъ ему 500 рублей за рейнское вино, поставленное имъ ко Двору, и что на его требованіе изъ посольскаго Приказа прислали ему фальшивый контрактъ на эту поставку. Такимъ случаемъ съумѣли воспользоваться враги Артамона Сергѣевича, чтобы отнять у него завѣдываніе посольскими дѣлами и удалить изъ Москвы. Гею заплатили 500 рублей, а Матвѣева вызвали во дворецъ. Когда онъ явился на этотъ вызовъ, бояринъ Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ вынесъ изъ комнаты въ переднюю царскій указъ, которымъ объявлялось: «указалъ великій государь быть тебѣ на службѣ въ Верхотурьѣ воеводою». Теперь посольскій приказъ сталъ вѣдать думный дьякъ Ларіонъ Ивановъ, а Матвѣеву предстояла почетная ссылка вмѣстѣ съ сыномъ Андреемъ и племянниками. Взялъ съ собою опальный бояринъ монаха, священника, учителя, сына польскаго шляхтича Поборскаго, большую дворню, двѣ пушки для безопасности, — и отправился въ новое мѣсто жительства. На пути, въ Лаищевѣ, Матвѣева задержали: туда пріѣхалъ полуголова Московскихъ стрѣльцовъ Лужинъ съ требованіемъ какого-то таинственнаго лѣчебника, писаннаго

якобы цыфирью, и двоихъ людей—Ивана Еврея и карла Захарку; подобной книги у Артамона Сергѣевича не оказалось, а людей своихъ онъ выдалъ. Спустя мѣсяцъ послѣ этого происшествія въ Лаишевъ пріѣхалъ изъ Москвы думный дворянинъ Соковникъ и думный дьякъ Семеновъ; явились къ бывшему дипломату и стали требовать: «давай жену Ивана Еврея, давай письма, давай имѣніе на осмотръ, давай монаха, давай священника, давай всѣхъ людей!» Матвѣевъ сейчасъ же все и всѣхъ выдалъ, а нежданные гости —Соковнинъ и Семеновъ отправились на съѣзжій дворъ и оттуда пригласили къ себѣ Артамона Сергѣевича. Когда послѣдній явился къ нимъ, стали допрашивать его племянниковъ и людей объ извѣстномъ уже намъ лѣчебникѣ, а самого Матвѣева о томъ, какъ составлялись и подносились лекарства больному царю. Тотъ показалъ, что лекарства приготовляли доктора Костеріусъ и Стефанъ Симонъ, а ихъ рецепты хранятся въ аптекарской палатѣ; кромѣ того, по его увѣреніямъ, каждое лекарство отвѣдывалъ прежде всего докторъ, потомъ онъ, Матвѣевъ, а за нимъ уже дядьки государя, бояре князь Ѳед. Ѳед. Куракинъ и Ив. Богд. Хитрово, остатки же, на глазахъ у самого царя, допивалъ опять таки онъ, Матвѣевъ. Вскорѣ послѣ отъѣзда Соковнина и Семенова въ Лаишевъ навѣдался новый гость,— явился дворянинъ съ указомъ перевести ссыльнаго боярина въ Казань. Въ послѣдней воевода Иванъ Богдановичъ Милославскій приставилъ къ нему караулъ, а скоро пришелъ и указъ—отпустить людей Матвѣева по деревнямъ, другихъ на волю. Въ Казани, однажды ночью, пріѣхалъ къ Артамону Сергѣевичу дьякъ Гороховъ и сталъ требовать у него: «гдѣ имѣніе? давай сейчасъ!» На такую выходку наглаго дьяка и заклятаго врага бывшаго дипломата послѣднему оставалось только отвѣчать: «въ животахъ моихъ краденаго, ни разбойнаго, ни воровского, ни измѣннаго, ни заповѣднаго нѣтъ,—животы отца моего и родителей его, животы матери моей и родителей ея, и мои, нажитые милостію

Божіею и великихъ государей жалованіемъ, за всякіе великіе работы въ 69 лѣтъ нажитые, а когда часъ пришелъ невинному нашему разоренію, что великій государь изволилъ животы всѣ взять безъ вины моей, въ томъ воля Божія и его, государская!»

Не успѣлъ удалиться этотъ незванный посѣтитель, какъ пріѣхалъ стольникъ Тухачевскій, назначенный приставомъ къ Матвѣеву, и потребовалъ отъ послѣдняго пушекъ, пороху, свинцу, панцырей, шапокъ, наручей и т. д., а осаждаемый отвѣчалъ: «къ унятію всякаго воровства былъ я починщикъ, а не къ начинанію». Послѣ всего этого за Матвѣевымъ явился отъ воеводы стрѣлецкій голова, взялъ его вмѣстѣ съ сыномъ, людьми, ихъ женами и дѣтьми, и повелъ въ съѣзжую избу «на позоръ людямъ». Тамъ Артамону Сергѣевичу объявили новыя улики его вины.—Дядьки государевы, Куракинъ и Хитрово, оспаривали прежнія показанія опальнаго боярина и заявили, что тотъ никогда не выпивалъ остатковъ лекарства послѣ пріема его царемъ. Лекарь Давыдъ Берловъ донесъ, что онъ лечилъ у Матвѣева человѣка его, карла Захарку, заболѣвшаго якобы отъ господскихъ побоевъ, причину которыхъ Захарка объяснялъ такъ: однажды онъ спалъ за печью въ палатѣ, а Артамонъ Сергѣевичъ и докторъ Стефанъ читали какую-то черную книгу; во время этого чтенія комната наполнилась множествомъ злыхъ духовъ, которые объявили, что есть у нихъ въ избѣ третій человѣкъ; тогда Матвѣевъ рванулся за печь, схватилъ Захарку, сорвалъ съ него шубу, поднялъ его, ударилъ о землю, топталъ ногами и выкинулъ изъ палаты замертво. Къ послѣднимъ показаніямъ Захарки Берловъ прибавлялъ еще отъ себя, что самъ видѣлъ, какъ Матвѣевъ съ докторомъ Стефаномъ и переводчикомъ грекомъ Спафари читали въ запертой комнатѣ черную книгу, по которой Спафари училъ самого Артамона Сергѣевича и его сына Андрея.

На всѣ эти нелѣпыя обвиненія Матвѣевъ хотѣлъ было

возражать, но его задержалъ внушительный окликъ дьяка Горохова: «слушай! молчи, а не говори!» Приходилось молчать и подчиняться произвольному рѣшенію озвѣрѣвшихъ въ своей ярости заклятыхъ враговъ. Теперь уже у Матвѣева отняли боярство и сослали на житье въ Пустоозерскъ, вмѣстѣ съ сыномъ [1]).

Въ этомъ новомъ изгнаніи Матвѣеву пришлось жить въ страшномъ горѣ, среди всякаго рода лишеній. И прежде стойкій, несокрушимый старикъ, опытный въ дѣлахъ правленія, но неумѣвшій переносить бѣдствій жизни, не выдержалъ и изнемогалъ подъ бременемъ долгихъ и безполезныхъ ожиданій: онъ писалъ къ царю челобитную за челобитной, молилъ патріарха Іоакима, обращался къ ближнимъ боярамъ и князьямъ съ просьбами о заступничествѣ за него, и никакъ не могъ разсудить, что самая безсмысленность обвиненій и незаконность заочнаго осужденія отрѣзывали ему всякій путь къ оправданію и облегченію участи, пока несовершеннолѣтній царь Ѳеодоръ окруженъ

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XIII стр. 808—813. «Исторія о невинномъ заточ. Арт. Сергѣев. Матв.» «Первая челобитная, которая послана была изъ Пустоозерскаго острога въ Москву», прошлаго 7185 (1677 г.) «стр. 1—37. Библіограф. замѣчанія.—«Исторія о невин. заточ. ближняго боярина Артамона Сергѣевича Матвѣева», изданная Н. И. Новиковымъ въ 1776 г. и посвященная графу Петру Андреевичу Румянцеву Залунайскому, правнуку Арт. Сер. Матв. Это—очень любопытный первоисточникъ для біографіи Матвѣева. Онъ сост. изъ цѣлаго ряда челобитныхъ опальнаго боярина съ 1677 по 1681 год.: три челобитныя—къ царю Ѳеодору Алексѣевичу, три—къ патріарху Іоакиму; письмо къ протопопу Благовѣщенскаго собора Никитѣ Васильевичу, бывшему царскому духовнику, два письма къ ближнему боярину князю Юрію Алексѣевичу Долгорукому, письмо къ боярину князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, письмо къ боярину князю Мих. Юр. Долгорукому, письмо къ боярину Род. Матв. Стрѣшневу, письмо къ боярину князю Якову Никит. Одоевскому, письмо къ боярину Кирил. Полієвкт. Нарышкину. Всѣ эти посланія написаны рукою сына Матвѣева Андрея. Языкъ ихъ простой, съ характернымъ отпечаткомъ религіозно-схоластической доктрины XVII в. Въ нихъ яркими чертами обрисованы всѣ козни противъ ближняго боярина придворныхъ враговъ, всѣ тѣ нелѣпыя обвиненія, о которыхъ мы говорили, тяжелое матеріальное положеніе ссыльнаго, его угнетенное состояніе духа, жалобы и просьбы о помощи и снисхожденіи въ виду прежнихъ заслугъ передъ государствомъ и невиннаго заточенія.

новыми временщиками и такими же врагами его Милославскими и Хитрово [1]). Въ своихъ челобитныхъ къ царю, патріарху Іоакиму и вельможамъ, прежнимъ друзьямъ и расположеннымъ къ нему людямъ, Артамонъ Сергѣевичъ наивно оправдывался отъ взведенныхъ на него обвиненій въ чернокнижіи и сношеніи съ духами: отказывался отъ расправы съ карломъ Захаркой; доказывалъ, что смертный, какъ видно изъ писаній святыхъ отцовъ, не можетъ даже видѣть духовъ не только злыхъ, но и добрыхъ—ангеловъ; объяснялъ всѣ про него разговоры о покушеніи отравить больного царя, о волшебствѣ и чернокнижіи наговорами и кознями враговъ и ненавистниковъ; подчеркивалъ новому царю свои государственныя заслуги и преданность царскому дому при жизни его отца, Алексѣя Михайловича; молилъ о смягченіи участи и возвращеніи прежняго довѣрія къ нему.... Но всѣ эти мольбы, всѣ эти вопли безвинно изстрадавшагося старца не достигали никакого результата: враги его были стойки и безпощадны. Только въ 1600 году участь Артамона Сергѣевича была немного смягчена, когда Пустоозерскихъ заточниковъ перевели въ Мезень. Конечно, не плачевныя челобитныя и настойчивыя оправданія помогли этому, а скорѣе перемѣны придворныхъ отношеній. А что это не было полнымъ облегченіемъ участи Матвѣева, а только ея смягченіемъ, видно уже изъ новыхъ жалобъ его къ царю: «а и на Мезень велѣно насъ переволочь отъ Пустоозерскаго и горькослезнаго мѣста, отъ моря къ тому же пустому морю, за тою же тѣснотою и стражею темничною», писалъ изгнанникъ: «а и на Мезени намъ тунедателей нѣтъ, жалованья дано 150 рублей, и того будетъ на день намъ и сиротамъ нашимъ по три денежки, а на одежду намъ твоего государеваго милостиваго указа нѣтъ. А и противникамъ церковнымъ, которые сосланы на Мезень, Аввакума жена и дѣти, и тѣмъ жалованья на день по грошу

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XIII, стр. 816.

на человѣка, а на малыхъ по три денежки, а мы не противники ни церкви, ни вашему царскому повелѣнію; плачу, что ветхій сѣдиною, древенъ работами сверстанъ кормомъ единолѣтнимъ» [1]).

Хотя Матвѣевъ еще продолжалъ скорбѣть и плакаться на свою долю, все же онъ чувствовалъ приближеніе чего-то новаго, лучшаго, чѣмъ прежде. И дѣйствительно, съ этого времени начинается постепенное возстановленіе его въ прежнихъ правахъ. Въ концѣ 1681 года царь Ѳеодоръ былъ помолвленъ съ Апраксиной, которая, по извѣстіямъ иностранцевъ, была крестницей Матвѣева. Быть можетъ, этимъ именно и объясняется то, что царская невѣста прежде всего била челомъ жениху о своемъ крестномъ; и уже въ первыхъ числахъ января 1682 года къ Артамону Сергѣевичу, въ Мезень, пріѣхалъ капитанъ Лишуковъ съ указомъ отъ царя, которымъ объявлялось опальному затворнику: послѣ того какъ царь подробно разсмотрѣлъ дѣло Матвѣева, узналъ его невинность и ложную клевету на него личныхъ враговъ, онъ указалъ отъ надзора пристава ссыльныхъ освободить, возвратить имъ московскій дворъ, подмосковныя и другія вотчины и пожитки, оставшіяся отъ раздачи и продажи, пожаловать новую отчину въ Суздальскомъ уѣздѣ—село Ландехъ съ деревнями въ 800 крестьянскихъ дворовъ, и отпустить ихъ изъ Мезени въ городъ Лухъ, гдѣ они должны ожидать новаго указа. Это очень ободрило Матвѣева и подало надежду на скорое возвращеніе въ Москву, но смерть Ѳеодора Алексѣевича помѣшала осуществленію этой завѣтной мечты удрученнаго лѣтами и умудреннаго опытомъ старца [2]).

Какъ мы уже замѣтили, еще при Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ произошли перемѣны въ придворныхъ отношеніяхъ. Мы видѣли, какъ молодая жена новаго царя Марѳа Матвѣевна

---

[1]) «Ист. о нев. заточ.» стр. 374.
[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XIII, стр. 888.

хлопотала о переводѣ Матвѣева изъ Мезени въ Лухъ; она же употребила всѣ старанія къ сближенію мужа съ мачехою (Нарышкиной) и дѣтьми ея. Послѣ же смерти Ѳеодора сторонниковъ Нарышкиныхъ, а, слѣдовательно, и Матвѣева стало еще больше: за нихъ ратуютъ Апраксины, Лихачевы, Языковы и др. Заботливость Апраксиныхъ можно объяснить новымъ родствомъ Артамона Сергѣевича, а перемѣна отношеній послѣднихъ болѣе сложна и неожиданна. Раньше, когда Ѳеодоръ еще не былъ особенно слабъ, когда была надежда на потомство отъ него, а въ рукахъ Языкова и Лихачевыхъ сосредоточивалось большое вліяніе на государственныя дѣла, имъ не зачѣмъ было искать въ комъ-нибудь опоры и дѣлиться своею властью.

Но когда царица и новорожденный царевичъ умерли, царь женился въ другой разъ, а самъ слабѣлъ день ото дня, Языкову, «глубокому московскихъ прежде площадныхъ, а потомъ и дворскихъ обхожденій проникателю», и Лихачевымъ пришлось позаботиться о будущемъ. Они хорошо знали, что послѣ Ѳеодора наслѣдниками останутся два брата: Іоаннъ—больной, слѣпой и слабоумный, да Петръ—здоровый, живой и даровитый десятилѣтній мальчикъ; знали они, что, если престолъ достанется Іоанну, за него постоянно будутъ управлять другіе, т. е. царевна Софья съ Милославскими и прочими клевретами, а имъ, Языкову и Лихачевымъ прійдется готовиться въ путь еще подальше Пустоозерска, такъ какъ Милославскіе не позабудутъ мести за отнятую у нихъ при Ѳеодорѣ власть. Слѣдовательно, прямымъ разсчетомъ для хитрыхъ царедворцевъ было поддерживать кандидатуру Петра, а потому прежде всего сблизиться съ Нарышкиными и Матвѣевымъ, содѣйствуя ихъ возвращенію ко двору. Большинство знати должно было раздѣлять и на самомъ дѣлѣ раздѣляло такой взглядъ Языкова и Лихачевыхъ на престолонаслѣдіе: стать на сторону слабоумнаго и хилаго Іоанна равносильно было тому, чтобы отдать себя и государство на разореніе привержен-

цамъ царевны Софьи; при этомъ Матвѣевъ былъ наиболѣе пріятенъ старымъ придворнымъ и тѣмъ, что онъ перебивалъ во дворцѣ дорогу Милославскимъ и Хитрово, но зато почиталъ знатныхъ породою людей. На сторонѣ Софьи особенно усердно стояли только два человѣка изъ старинной знати: князь Василій Васильевичъ Голицынъ и князь Иванъ Андреевичъ Хованскій, а они не были приверженцами Петра. Василій Васильевичъ, связанный съ царевной сердечнымъ союзомъ и при ея торжествѣ разсчитывавшій играть во Дворѣ первенствующую роль, и князь Хованскій, «знаменитый преимущественно своими пораженіями и жалобами на подчиненныхъ», приверженецъ старины, безъ мѣры выхвалявшійся своимъ происхожденіемъ отъ Гедемина,—обе они давно точили зубы на времена «hominum novorum» [1]) Нащокиныхъ, Матвѣевыхъ, Языковыхъ, Лихачеыхъ, Нарышкиныхъ, Апраксиныхъ и др., и съ нетерпѣніемъ ожидали паденія всѣхъ этихъ ненавистныхъ имъ людишекъ. Имъ нельзя было ждать ничего хорошаго, отъ торжества царицы Натальи, Нарышкиныхъ и Матвѣева, и потому они были противъ царевича Петра. Такъ подѣлились партіи еще во время кончины Ѳеодора Алексѣевича, и Артамону Сергѣевичу предстояло новое тяжелое испытаніе [2]). Какъ только царемъ былъ провозглашенъ Петръ Алексѣевичъ и присягнули ему, со стороны противоположной партіи, во главѣ съ Хованскимъ, началась пропаганда къ возмущенію среди стрѣльцовъ; достигли того, что послѣдніе ежедневно собирались въ круги, становились подъ ружье безъ приказа полковника, били въ набатъ и кричали по торговымъ банямъ противъ правительства съ похвальбою: «не хотимъ, чтобы нами управляли Нарышкины и Матвѣевы,—мы имъ всѣмъ шею свернемъ!» И эти угрозы, дѣйствительно, предвѣщали много недобраго, особенно для Артамона Сергѣевича. Въ началѣ

---

[1]) Новыхъ людей.

[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.» т. XIII, стр. 889—891.

мая 1682 года въ Лухъ отъ имени царя Петра къ Матвѣеву пришелъ указъ—немедленно ѣхать въ Москву. Старикъ не заставилъ себя долго ждать,—быстро собрался и выѣхалъ въ путь [1]). На дорогѣ встрѣчались приверженные ему стрѣльцы, шедшіе прямо къ нему, чтобы разсказать о волненіяхъ товарищей и объ угрожавшей освобожденному затворнику опасности. Эти вѣсти придали Матвѣеву еще больше энергіи и мужества; онъ торопился въ Москву съ твердымъ намѣреніемъ: «уничтожу бунтъ, или положу жизнь за государя», говорилъ онъ: «чтобы глаза мои на старости лѣтъ большей бѣды не увидали». Въ Троицкомъ монастырѣ и по дорогѣ оттуда Матвѣевъ удостоился почетныхъ встрѣчъ. 12 мая вечеромъ онъ былъ въ Москвѣ; на другой день представился царю и царицѣ, что сопровождалось большой семейной радостью: «была радость неизреченная, что никакое человѣческое писало по достоянію исписати не возможетъ» [2]). Въ тотъ же день Артамонъ Сергѣевичъ посѣтилъ патріарха Іоакима, навѣстилъ больного и стараго пріятеля своего князя Юрія Алексѣевича Долгорукаго.

Теперь вся знать спѣшила на поклонъ къ Матвѣеву, въ рукахъ котораго должно было сосредоточиться правленіе; не забыли его и выборные стрѣльцы изъ всѣхъ полковъ, явившіеся къ нему съ хлѣбомъ и солью, а также съ просьбой о заступничествѣ [3]). Артамонъ Сергѣевичъ не растерялъ въ Пустоозерскѣ и Мезени прежней ловкости и умѣнія привлекать къ себѣ людей: всѣ были отъ него въ восторгѣ, даже и тѣ, которые раньше не были особенно расположены къ нему. Всѣ ожидали отъ маститаго старика зоркой и на-

---

[1]) Изслѣдователь Бѣловъ въ книгѣ «Русская Исторія до реформы Петра» несправедливо обвиняетъ Матвѣева за проволочки на пути въ Москву, вызывавшіяся якобы желаніемъ Артамона Серг. устроить прежде свои личныя дѣла. Если и потрачено послѣднимъ нѣсколько лишнихъ дней, такъ только на придворный этикетъ, необходимый тогда для бывшаго государственнаго сановника.

[2]) «Ист. о невин. заточ.» стр. 419.

[3]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XIII, стр. 897—898.

дежной политики, были преданы ему, и словомъ, и дѣломъ; а потому немногочисленнымъ сравнительно врагамъ некогда было дремать. Искуснымъ агитаторомъ противъ Матвѣева былъ въ это время Иванъ Михайловичъ Милославскій. Еще во время всеобщаго посѣщенія Артамона Сергѣевича вельможами, послѣ возвращенія его въ Москву, Иванъ Михайловичъ сказался больнымъ и не былъ у него; а самъ между тѣмъ собирался съ товарищами и подготовлялъ вмѣстѣ съ ними роковой заговоръ. Стрѣлецкій бунтъ, заранѣе предрѣшенный, вспыхнулъ 15 мая. Съ утра по рукамъ стрѣльцовъ ходили списки измѣнниковъ, которые предназначены были къ истребленію; среди ихъ полковъ проскакали Александръ Милославскій и Петръ Толстой съ крикомъ, что Нарышкины задушили царевича Ивана и чтобы стрѣльцы шли въ Кремль на службу. Масса всколыхнулась: ударили въ набатъ, загремѣлъ барабанъ! полки двинулись ко дворцу съ знаменами и пушками. Это было въ понедѣльникъ, какъ разъ въ то время, когда Матвѣевъ собирался ѣхать домой и сходилъ съ дворцовой лѣстницы; узнавъ о движеніи стрѣльцовъ, онъ возвратился наверхъ и донесъ обо всемъ царицѣ. Не успѣли отдать приказа о томъ, чтобы запереть всѣ кремлевскія ворота, какъ во дворцѣ стало извѣстно, что стрѣльцы приближаются, кричатъ объ убійствѣ Нарышкиными царевича Ивана и грозятъ извести всѣхъ измѣнниковъ и губителей царскаго рода. По иниціативѣ Матвѣева и другихъ ближнихъ людей послали за патріархомъ и рѣшили вывести къ стрѣльцамъ царя и царевича,—и такимъ образомъ уничтожить предлогъ къ смутѣ. И вотъ, когда царица вышла на красное крыльцо вмѣстѣ съ Петромъ и его братомъ, толпа оцѣпенѣла въ неразрѣшимомъ недоумѣніи: она твердо знала, что Іоаннъ убитъ, а между тѣмъ онъ стоитъ на крыльцѣ, какъ ни въ чемъ не бывало; нѣкоторые изъ стрѣльцовъ заподозрили здѣсь даже ловкій обманъ, подставили лѣстницу, влѣзли на крыльцо къ самому царевичу и спрашивали его: правда ли, что онъ именно—царевичъ Иванъ

Алексѣевичъ, и кто изъ бояръ—измѣнниковъ изводитъ его? Послѣдній же отвѣчалъ: «меня никто не изводитъ и жаловаться мнѣ не на кого». Это еще больше обезкуражило заговорщиковъ. Наступила критическая, рѣшительная минута: быть или не быть... Для руководителей массы стало вполнѣ ясно: если теперь упустить удобный случай и не достигнуть желаннаго результата, то всѣ разсчеты и надежды, пожалуй, потеряны навсегда. Надо было твердо стоять на своемъ и поджигать толпу самыми отчаянными средствами. Ей грозно внушали, что, хотя царевичъ и живъ, все же необходимо требовать выдачи его недоброхотовъ Матвѣева и Нарышкиныхъ. Возбужденная и нерѣшительная масса магнитизировалась: съ устъ стрѣльцовъ вылетали имена обреченныхъ на гибель—Юр. Алексѣев. Долгорукаго, М. Ю. Долгорукаго, К. П. Нарышкина, Ив. К. Нарышкина, Языковыхъ, Лихачевыхъ, Матвѣева и др.; а когда имъ отказывали въ выдачѣ этихъ людей, они волновались и свирѣпѣли. Тогда-то Артамонъ Сергѣевичъ сошелъ съ крыльца за рѣшетку и сталъ уговаривать стрѣльцовъ, указывая имъ на то, что прежде они сами помогали укрощать бунты, а здѣсь собственнымъ мятежемъ нарушаютъ государственный порядокъ. Напрасно теперь Хованскій подавалъ стрѣльцамъ знаки броситься на Матвѣева и уничтожить его: послѣ убѣдительныхъ рѣчей Артамона Сергѣевича они оставались неподвижны, и просили его о заступничествѣ за нихъ передъ царемъ.

Ободренный этимъ, Матвѣевъ возвратился наверхъ къ царицѣ. Но заговорщики не дремали: потерпѣвъ неуспѣхъ передъ дворцомъ, они направили кучку самыхъ отчаянныхъ стрѣльцовъ изъ сѣней Грановитой Палаты на Красное крыльцо. Впрочемъ и передъ дворцомъ имъ неожиданно помогъ человѣкъ, на котораго они могли менѣе всего разсчитывать. Это—князь Михаилъ Долгорукій, не принимавшій до того рѣшительно никакого участія въ устраненіи смуты, и теперь только, когда стрѣльцы находились въ за-

труднительномъ положеніи, вздумавшій разыграть съ ними начальника: съ бранью и угрозами сталъ кричать на послѣднихъ съ тѣмъ, чтобы они немедленно убирались изъ Кремля въ свои полки; такой начальственный тонъ, да еще человѣка слабаго, неуважаемаго раздражилъ разнуздавшихся стрѣльцовъ до послѣдней ярости.—Они ворвались на крыльцо, схватили Долгорукаго, сбросили его внизъ на подставленныя копья и полумертваго изрубили бердышами. Въ то же самое время изъ сѣней Грановитой Палаты выбѣгаютъ другіе стрѣльцы и схватываютъ Матвѣева; царица Наталья и князь Михаилъ Алегуковичъ Черкасскій хотѣли было защититься, но не могли устоять противъ натиска толпы: стрѣльцы вырвали у нихъ изъ рукъ свою жертву, сбросили Артамона Сергѣевича на площадь противъ Благовѣщенскаго собора, и изрубили его тамъ на мелкія части. По другимъ же извѣстіямъ, гибель Матвѣева сопровождалась нѣсколько иными обстоятельствами. А именно, желая защититься отъ нападенія стрѣльцовъ, Артамонъ Сергѣевичъ схватилъ подъ руку царя Петра, но стрѣльцы вырвали его изъ подъ царской руки; къ нимъ хотѣлъ было сойти патріархъ, но ему закричали: «не нужно намъ ни отъ кого никакихъ совѣтовъ; время разбирать, кто намъ надобенъ!» и, уставя передъ собой копья, бросились во дворецъ искать другихъ измѣнниковъ [1]). Какъ бы тамъ ни было, какими бы красками и штрихами ни изображалась картина этой печальной гибели одного изъ даровитѣйшихъ и преданныхъ государственныхъ дѣятелей XVII в., несомнѣннымъ только остается самый фактъ: Артамонъ Сергѣевичъ погибъ не какъ измѣнникъ своему отечеству и общественному долгу, а какъ давно желанная жертва приверженцевъ одной изъ дворцовыхъ партій; стрѣльцы же были орудіемъ осуществленія заговора послѣднихъ.

Такова въ общихъ чертахъ жизнь ближняго боярина

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.», 891—900 стр.

Матвѣева. Этотъ человѣкъ выбился изъ незнатнаго происхожденія; первое время остерегался очень опредѣленно и быстро преслѣдовать цѣли служебной карьеры; во второй половинѣ своей жизни, благодаря неутомимой и энергичной государственной дѣятельности съ одной стороны, вслѣдствіе особенной близости и косвеннаго родства съ царемъ — съ другой, занялъ самое видное и почетное мѣсто начальника Малороссійскаго и Польскаго Приказовъ, въ качествѣ перваго дипломата и въ званіи ближняго боярина; послѣ смерти Алексѣя Михайловича былъ безвинно осужденъ и отправленъ въ ссылку; въ концѣ жизни Ѳеодора Алексѣевича — возвращенъ въ Москву, и наконецъ въ роковой 1682 годъ палъ, какъ одна изъ жертвъ стрѣлецкой ярости.

Теперь перейдемъ къ характеристикѣ Артамона Сергѣевича, какъ важнѣйшаго государственнаго дѣятеля въ царствованіе Алексѣя Михайловича, и вмѣстѣ съ этимъ дополнимъ тотъ біографическій пробѣлъ, который мы обдуманно сдѣлали, когда говорили о его служебной дѣятельности. Въ началѣ, государственная дѣятельность Матвѣева не отличалась строгой опредѣленностью и не была систематическимъ выполненіемъ обязанностей опредѣленнаго должностного лица: она выражалась во временныхъ и краткосрочныхъ посылкахъ царскаго любимца и наиболѣе близкаго къ государю человѣка по дѣламъ чрезвычайной важности, преимущественно, дипломатическаго характера. За справедливость этого вывода больше всего говорятъ самые факты. Во время польско-литовской войны, послѣ присоединенія къ Россіи Малороссіи, въ сентябрѣ 1654 года, стрѣлецкій голова Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ вмѣстѣ со стольниками Ив. Богд. и Сем. Юр. Милославскими былъ посланъ на съѣздъ съ литовскими людьми, который окончился договоромъ о сдачѣ Смоленска Россіи [1]). Въ удачномъ рѣшеніи этого вопроса, конечно, еще нельзя видѣть полной

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» Т. X, стр. 1667.

иниціативы Матвѣева, такъ какъ первое мѣсто на съѣздѣ принадлежало высшимъ по чину стольникамъ Милославскимъ, но, принимая во вниманіе близость его къ Алексѣю Михайловичу и умственное превосходство надъ Милославскими, можно предполагать, что уже здѣсь Артамонъ Матвѣевъ проявилъ себя ревностнымъ дѣльцомъ и слугой своей родины. О расположеніи же къ нему Алексѣя Михайловича уже въ это время свидѣтельствуетъ письмо послѣдняго, посланное къ Артамону изъ Вязьмы, гдѣ царь пережидалъ окончанія мора въ Москвѣ (23 января 1655 года): въ немъ рядомъ съ увѣдомленіями о военныхъ событіяхъ мы читаемъ, какъ «тишайшій» царь и московскій монархъ дѣлится своими личными интересами и религіозно-нравственными размышленіями съ «вѣрнымъ и избраннымъ головой» [1]). Въ слѣдующемъ 1656 году (4 ноября), уже стольникомъ, Артамонъ Матвѣевъ отправляется въ качествѣ полномочнаго посла къ литовскому гетману Винценцію Корвину Гонсѣвскому хлопотать объ избраніи московскаго царя въ преемники польскому королю Яну Казиміру, но эти хлопоты не имѣютъ успѣха: на всѣ убѣжденія Артамона Матвѣева «служить великому государю и привести то дѣло къ совершенью» Гонсѣвскій отвѣчаетъ съ обходомъ и уловками, указывая на большое число претендентовъ, какъ на самое существенное затрудненіе при рѣшеніи этого вопроса. Кромѣ того литовскій гетманъ предлагаетъ обнадежить польскую королеву тѣмъ, что съ достиженіемъ совершеннолѣтія русскій царевичъ Алексѣй Алексѣевичъ женится на

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.» Т. X. стр. 179—181. Приводимъ нѣсколько выдержекъ изъ этого письма. «Поздорову ль ты, вѣрный нашъ рабъ! а мы, великій государь, въ славномъ градѣ Вязьмѣ, далъ Богъ, здорово со всѣми людьми Божіими и нашими»... «Добиваюся дѣла того, чтобы быть не солнцемъ великимъ, а хотя бы малымъ свѣтиломъ, малою звѣздою тамъ, а не здѣсь..... И въ томъ не осуди, что пишу: не чистъ отъ грѣха, потому что множество имѣю его въ себѣ, а о томъ дѣло возбраняетъ ми совѣсть писать, что чистъ отъ грѣха; охъ, люто тако глаголати человѣку, наипаче же мнѣ, что чистъ отъ грѣха! и сему конецъ; еще же за твою вѣрную службу пишу, что у насъ дѣлается....

ея племянницѣ, и «этимъ всего лучше государь утвердитъ свое дѣло»; это предложеніе глубоко оскорбило національное чувство Артамона Матвѣева, и потому онъ могъ только отказать въ этомъ: «царевичъ малъ, а вѣра греческая далека отъ Римской, и этому дѣлу отнюдь нельзя статься». Тогда Гонсѣвскій сталъ убѣждать русскаго посланца въ необходимости московскому царю хлопотать о соединеніи вѣръ и тѣмъ самымъ расположить къ себѣ остальныхъ державцевъ; нечего и говорить, что послѣднее шло еще болѣе въ разрѣзъ съ духомъ такого русскаго человѣка, какимъ уже проявлялъ себя Матвѣевъ, почему на подобныя заявленія ему оставалось только молчать. Наконецъ, онъ уговаривалъ гетмана принять мѣры къ тому, чтобы «рубежу отъ Московскаго государства быть по рѣку Березину, а отъ короны Польской по рѣку Бугъ, отъ чего Гонсѣвскій наотрѣзъ отказался: «не только мнѣ сенаторовъ наговаривать, и помянуть объ этомъ дѣлѣ нельзя: назовутъ меня измѣнникомъ». Уже въ этомъ посольствѣ русскому стольнику пришлось горячо отстаивать національные интересы, но добиться удовлетворенія требованій Московскаго государства мѣшала хитрая тактика Польской короны [1]). Послѣ смерти малороссійскаго гетмана Богдана Хмельницкаго въ Украйнѣ происходили новые выборы; кандидатомъ былъ генеральный писарь Выговскій, который замышлялъ измѣну Москвѣ, вступалъ въ союзъ съ крымскимъ ханомъ, возбуждалъ казаковъ противъ царя, не ладилъ съ малороссійской старшиной и хитрилъ въ своихъ сношеніяхъ съ Москвой. Въ сентябрѣ 1658 года къ нему былъ посланъ, теперь въ качествѣ самостоятельно уполномоченнаго лица, «государевъ любимецъ» Матвѣевъ съ выговоромъ генеральному писарю и старшинамъ за то, что тѣ не извѣстили совершенно государя о кончинѣ гетмана Хмельницкаго, и съ приказаніемъ отправить казацкое посольство въ Сток-

---

[1]) С. М. Соловьевъ «Ист. Рос.» т. X, стр. 1704—1707.

гольмъ для склоненія шведовъ къ миру. Эти порученія были выполнены очень умѣло; при Матвѣевѣ же состоялись и выборы Выговскаго въ гетманы, о чемъ царскій посланецъ и донесъ государю 18 октября того же года [1]). Когда улаживались эти малоросійскія дѣла, между державами шелъ споръ о престолонаслѣдіи въ Польшѣ. Казацкія войны въ соединеніи съ московскою и шведскою, поневолѣ «втолкнули поляковъ въ объятія Австрійскаго дома» [2]). Австрійцы убѣдили поляковъ прельстить московскаго царя надеждою на польскую корону, чѣмъ и объясняется характеръ извѣстныхъ уже намъ переговоровъ Матвѣева съ Гонсѣвскимъ въ 1656 году; они достигли того, что Россія, въ надеждѣ на миролюбіе Польши, объявила войну Швеціи, а какъ только царь вступилъ съ войскомъ въ Ливонію, король и сенаторы, отъ имени республики черезъ торжественное посольство, поднесли польскую корону австрійскому императору; тотъ оффиціально отказался, но частнымъ образомъ принялъ корону для сына своего Карла-Іосифа. Въ Москвѣ же не знали обо всѣхъ уловкахъ польско-шведской политики и вели переговоры съ Польшей и Литвой какъ о польскомъ престолѣ, такъ особенно о соединеніи Литвы съ Москвой.

Въ 1657 году мы и застаемъ Матвѣева въ Литвѣ, гдѣ онъ зорко слѣдилъ за отношеніями между Польшей и Литвой.— Здѣсь царскій любимецъ развѣдалъ, что при гетманѣ Гонсѣвскомъ литовскаго войска немного, что оно твердо стоитъ на томъ, чтобы по смерти Яна Казиміра быть королемъ царю, и только ожидаетъ сейма, но что коронное войско въ своихъ желаніяхъ раздѣляется на партіи: однѣ— на сторонѣ австрійскаго дома; другія тянутъ къ трансильванскому князю Юрію Рагоци; третьи не хотятъ разлучиться съ княжествомъ литовскимъ. Разыскалъ Матвѣевъ и пановъ,

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.», т. XI, стр. 11.
[2]) Тамъ же, т. XI, стр. 32.

черезъ которыхъ скорѣе всего можно было добиться благопріятнаго для Москвы рѣшенія на сеймѣ; это, по его убѣжденію,—надворный маршалокъ Любомирскій и познанскій воевода Лещинскій. Обо всемъ онъ сообщалъ въ письмахъ Алексѣю Михайловичу, при чемъ нерѣдко выражалъ и сожалѣніе въ ненадежности своихъ происковъ: сознавая, напр., возможность достиженія намѣченной правительствомъ цѣли при посредствѣ только что указанныхъ пановъ, такъ какъ «ихъ роды» многолюдные и начальныхъ людей роду ихъ много, Матвѣевъ сомнѣвался въ безупречности ихъ стремленій «поболѣть о государствѣ», ибо для нихъ—прежде всего честь и подарки. Такое же преобладаніе личныхъ желаній замѣчалъ Матвѣевъ и у литовскаго гетмана Гонсѣвскаго, который требовалъ отъ него посулы на каждаго изъ этихъ пановъ по 100,000 червонцевъ. Такое сребролюбіе, шедшее въ разрѣзъ съ государственными интересами и тормозившее дѣла политики, глубоко возмущало Матвѣева: «сперва присягни съ начальными людьми и со всѣмъ войскомъ», говорилъ онъ Гонсѣвскому, «тогда государь васъ и пожалуетъ отъ своей казны; самъ помысли: если ты такія большія деньги возьмешь и присягу дашь одинъ, то всякій человѣкъ смертенъ, а теперь время неспокойное отъ непріятелей; ты безпрестанно въ службахъ, убьютъ тебя, или въ плѣнъ возьмутъ,—кто тогда эти деньги заслужитъ великому государю?». Эти переговоры окончились тѣмъ, что Гонсѣвскій обѣщалъ хлопотать впослѣдствіи о провозглашеніи московскаго царя наслѣдникомъ короля Яна-Казиміра, но настаивалъ на хорошемъ вознагражденіи его за это и обѣщаніи царя позаботиться о необходимости соединенія церквей, а также на сохраненіи за литовской шляхтой всѣхъ правъ и привиллегій, въ случаѣ если московскій царь станетъ ихъ царемъ. На это Матвѣевъ отвѣчалъ: «Великій Государь обычной воли въ неволю не приводитъ; литовская шляхта служитъ ему въ разныхъ строяхъ, и надъ нею начальные люди

ихъ же братья шляхтичи, а не московскіе урядники» [1]). Изъ этихъ переговоровъ съ литовскимъ гетманомъ и проникновеннаго отношенія стольника Матвѣева къ литовской дѣйствительности мы можемъ уже сдѣлать нѣкоторые выводы о направленіи дипломатіи государева «любимца» до назначенія его въ Малороссійскій приказъ: она построена на интересахъ русско-литовскихъ отношеній; для такого усерднаго націоналиста и приверженца своей родины, какимъ былъ Матвѣевъ, однимъ изъ исконныхъ завѣтовъ русскаго человѣка должно было быть возвращеніе старинныхъ московскихъ владѣній въ Литвѣ, отошедшихъ въ критическія минуты для государства къ сосѣдкѣ Польшѣ; а потому всѣ его усилія и хлопоты въ Литвѣ стоятъ въ тѣсной связи съ этой основной задачей. Въ способахъ же приложенія дипломатическихъ разсчетовъ Матвѣева къ литовской дѣйствительности уже здѣсь обнаруживаются черты общей политики этого дѣятеля: онъ не останавливается исключительно на своихъ теоретическихъ построеніяхъ, а практически вникаетъ во всѣ мелочи дѣйствительныхъ условій и отношеній къ Литвѣ и съ ними особенно считается. Полна интереса и значенія дѣятельность Артамона Сергѣевича въ Малороссіи. Мы уже знаемъ, какъ онъ выполнилъ одну изъ посылокъ по дѣлу генеральнаго писаря Выговскаго, и что онъ участвовалъ при избраніи послѣдняго въ гетманы на Переяславской радѣ. Извѣстны и другіе факты, которые указываютъ на то, что, еще до назначенія въ Малороссійскій приказъ, Матвѣевъ являлся посредникомъ между малороссійскимъ гетманомъ и московскимъ царемъ съ одной стороны, между юго-западнымъ духовенствомъ, особенно кіевскимъ митрополитомъ и Москвой съ другой. Въ то время, когда только что разгоралась война съ поляками, а малороссійское духовенство было враждебно настроено къ московскому правительству, такъ что уже въ началѣ 1655

---

[1]) С. М. Соловьевъ «Ист. Рос. съ др. вр.» т. XI, стр. 33—34.

года кіевскій воевода князь Ѳеод. Ѳ. Волконскій писалъ Хмельницкому, что «показуется явная измѣна многихъ духовныхъ»,—тогда къ кіевскому митрополиту былъ отправленъ Артамонъ Сергѣевичъ съ государевой грамотой о побѣдахъ надъ поляками. И здѣсь обнаружилось, что высшее малороссійское духовенство питало тайную вражду къ Москвѣ, но все-таки не рѣшалось открыто выражать своего нерасположенія: выслушавъ царскую грамоту кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ «учалъ Богу хвалу воздавать и велѣлъ на радости у себя въ монастырѣ изъ пушекъ стрѣлять» [1]). Въ такихъ временныхъ командировкахъ Артамонъ Сергѣевичъ не могъ еще проявлять полной инициативы и не имѣлъ достаточной почвы, на которой могла бы развиваться его широкая впослѣдствіи государственная дѣятельность. Только послѣ назначенія начальникомъ Малороссійскаго приказа онъ сталъ болѣе или менѣе независимымъ и самостоятельнымъ дѣятелемъ, которому, впрочемъ, приходилось еще считаться съ другимъ выдающимся умомъ того времени—«канцлеромъ» А. Л. Ординомъ-Нащокинымъ. Поэтому мы и должны остановиться на дипломатіи Аѳанасія Лаврентьевича, тѣмъ болѣе, что при ея оцѣнкѣ возможно и болѣе точное выясненіе основныхъ задачъ политики Артамона Сергѣевича.

17 іюня 1667 года управленіе Малороссійскимъ приказомъ перешло отъ боярина Салтыкова къ Ордину-Нащокину, но такой выборъ новаго начальника врядъ ли былъ очень удаченъ [2]). Этотъ человѣкъ, уроженецъ Псковской области, развился подъ вліяніемъ западныхъ вѣяній, проникавшихъ въ его родину черезъ сосѣднюю Швецію [3]), чѣмъ отчасти и мож-

---

[1]) Виталій Эйнгорнъ «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII в.». Москва. 1899 г., стр. 83.

[2]) Журналъ Мин. Народ. Просвѣщ. 1897 г. ноябрь («Отставка А. Л. Ордина Нащокина и его отношеніе къ Малороссійскому вопросу» Виталія Эйнгорна).

[3]) «Русская Мысль» 1901 г. сентябрь (ст. Павла Матвѣева: «Артамонъ Матвѣевъ въ приказѣ Малой Россіи»).

но объяснить общій складъ умственной организаціи Аѳанасія Лаврентьевича. Это—западникъ, и при томъ крайне прямолинейный, это—раціоналистъ, твердо убѣжденный въ непогрѣшимости своего разума, а потому закрывавшій глаза передъ дѣйствительными фактами жизни и народнаго быта. «Неистовый Аѳанасій», какъ его называетъ одинъ изъ изслѣдователей [1]), былъ идеологомъ въ политикѣ и бюрократомъ въ административной дѣятельности. Однако же, не смотря на такую вѣру въ свои принципы, Ординъ-Нащокинъ иногда не выдерживалъ тяжести житейскихъ неудачъ и народной вражды. Въ его перепискѣ съ царемъ часто сквозитъ слезная и льстивая нота съ явнымъ желаніемъ разжалобить царя и съ заявленіями о недостойныхъ страданіяхъ за преданность царю и усердную службу: онъ постоянно выставляетъ на видъ, что приближеніемъ къ себѣ и расположеніемъ царь подвергъ его злобѣ и ненависти завистниковъ и недоброжелателей. Понятно и то, что такой бюрократъ-администраторъ былъ очень тяжелымъ и подозрительнымъ начальникомъ, чѣмъ и объясняется почти всеобщая нелюбовь къ нему подчиненныхъ и недостатокъ въ надежныхъ сотрудникахъ; постоянныя и ожесточенныя распри Аѳ. Лаврентьевича съ дьяками приказовъ свидѣтельствуютъ не только о ихъ служебной разнузданности, но и о характерѣ самого начальника [2]). Этимъ общимъ складомъ ума и воли Ордина-Нащокина объясняется и характеръ его дипломатіи. Онъ былъ горячимъ и убѣжденнымъ сторонникомъ той политической программы, которую послѣдовательно, но односторонне, развилъ, руководствуясь исключительно собственными теоретическими построеніями. Уже во Псковѣ, въ качествѣ уроженца той области Московскаго государства, которая больше всего натерпѣлась отъ шведовъ, глубоко впиталъ

---

[1]) Изслѣдователь по исторіи XVII в. Ал. Ник. Поповъ.
[2]) «Русская Мысль» 1901 г. сентябрь, стр. 48 (Указ. ст.).

и развилъ въ своемъ сознаніи Аѳанасій Лаврентьевичъ идею о томъ, что Швеція самый опасный врагъ Москвы. И потому, когда въ его рукахъ сосредоточилась вся внѣшняя политика государства, онъ вполнѣ сознательно и настойчиво сталъ проводить въ дипломатіи тотъ взглядъ, что прежде всего московское правительство должно обратить оружіе противъ Швеціи, заключивъ союзъ съ Польшей и какъ можно скорѣе, даже на невыгодныхъ условіяхъ, уладивши малороссійскій вопросъ. Это—основной пунктъ политической программы Ордина-Нащокина, исходя изъ котораго можно охарактеризовать и дѣятельность его, какъ государственнаго человѣка. Еще въ 1658 году, отправляясь въ мѣстечко Ливоніи Валіесары для мирныхъ переговоровъ со шведскими послами, Аѳанасій Лаврентьевичъ писалъ въ своемъ докладѣ: «съ польскимъ королемъ миръ гораздо надобенъ, нужнѣе шведскаго; разлились крови многія, и уже время дать покой, а не уступивъ черкасъ, съ польскимъ королемъ мира не сыскать»; при этомъ онъ предлагалъ царю Алексѣю Михайловичу не бояться даже уступокъ Польшѣ, если безъ нихъ нельзя заключить съ послѣдней прочнаго мира: можно даже отказаться въ пользу Польши не только отъ черкасскихъ городовъ, но даже Витебска и Полоцка, тѣмъ болѣе что отъ нихъ кромѣ убытка государство ничего не имѣетъ; а, между тѣмъ: Лифляндская земля очень выгодна и полезна для Россіи, изъ нея русскіе города, Новгородъ и Псковъ могутъ получать хлѣбъ, тогда какъ перевозка товаровъ по Двинѣ изъ Полоцка и Витебска сопряжена съ большой пошлиной со стороны ливонскаго правительства, которое не обращаетъ никакого вниманія ни на жалованныя грамоты, ни на льготы. Въ 1663 году Ординъ-Нащокинъ очень настойчиво совѣтовалъ возвратить Малороссію Польшѣ. Изъ Дубровичъ, гдѣ тогда велись переговоры съ польскими послами, онъ писалъ царю, что съ Польшею необходимо заключить прочный миръ,—ради общей борьбы со шведами и особенно

угрожавшей христіанству Турціей: «единовѣрные молдаване и волохи, отдѣляемые отъ насъ враждебной Польшей, прослышавъ союзъ нашъ съ послѣдней, пристанутъ къ союзнымъ государствамъ и отлучатся отъ турка». Въ этихъ докладахъ Аѳанасій Лаврентьевичъ явно игнорируетъ малороссійскіе интересы московскаго правительства, что должно было вызвать разномысліе между нимъ и Алексѣемъ Михайловичемъ: его предложеніе о передачѣ черкасскихъ городовъ Польшѣ глубоко возмутило національныя чувства царя, тѣмъ болѣе, что подобные совѣты были не совсѣмъ своевременны: это былъ годъ, къ которому на Сѣверѣ было достигнуто успокоеніе цѣною тяжкихъ для Москвы уступокъ и былъ заключенъ вѣчный миръ со шведами (Кардисскій договоръ 18 іюня 1661 г.), а въ Малороссіи, послѣ избранія гетманомъ лѣвобережной украйны Ивана Мартыновича Брюховецкаго, «его пресвѣтлаго царскаго величества престола нижайшей подножки», наши дѣла приняли благопріятный оборотъ [1]). Вслѣдствіе всего этого, во время извѣстныхъ Андрусовскихъ договоровъ съ Польшей, Нащокину пришлось отказаться отъ основныхъ принциповъ своей политической программы и въ то же самое время убѣдиться, насколько его теоретическія построенія шли впереди фактовъ жизни: ему пришлось теперь крѣпко стоять на томъ, чтобы на все, установленное договоромъ, время перемирія Восточная Малороссія оставалась за Москвой, а Кіевъ на два года. Андрусовскій договоръ, заключенный въ 1667 году и положившій конецъ тяжелой тринадцатилѣтней войнѣ съ Польшей, вызвалъ все-таки всеобщую радость въ Московскомъ Государствѣ; и дипломатъ Нащокинъ, главный виновникъ его, получилъ щедрыя милости отъ царя, хотя и долженъ былъ сознавать, что не по его иниціативѣ были предложены основныя условія этого договора, такъ какъ они не соотвѣтствовали его

---

[1]) «Русскій Архивъ» 1901 г. февраль (Указ. ст.) стр. 228.

предыдущимъ дипломатическимъ разсчетамъ. Совсѣмъ другое впечатлѣніе произвелъ этотъ договоръ въ Малороссіи: вѣсть объ уступкѣ полякамъ «національной святыни» Кіева, съ удержаніемъ его только на два года, вызвала народное броженіе, какъ въ Западной Малороссіи, гдѣ верховодилъ извѣстный Дорошенко, такъ и въ Восточной. Въ то время гетманомъ лѣвобережной Украйны былъ бояринъ Иванъ Мартыновичъ Брюховецкій, «выскочка и оппортунистъ» [1]), плохо образованный, но неглупый человѣкъ, съ перваго же столкновенія съ Московскимъ Государствомъ понявшій силу его и потому искавшій «Московской протекціи». До послѣдняго стали доходить слухи, будто Аѳанасій Лаврентьевичъ открыто высказываетъ свое нерасположеніе къ малороссіянамъ, говоритъ де, что «черкасскіе города Московскому государству не надобны». Эти слухи раздули въ самые баснословные разсказы о томъ, будто Ординъ-Нащокинъ заключилъ съ польскими панами союзъ противъ казаковъ. Брюховецкій переполошился и не зналъ, что дѣлать; онъ вступилъ въ тайныя сношенія съ Дорошенкомъ и Іосифомъ Тукальскимъ, однимъ изъ юго-западныхъ іерарховъ. Тогда Нашокинъ придумалъ слѣдующее средство, которымъ, ему казалось, можно достигнуть удержанія Кіева за Москвой безъ явнаго разрыва съ Польшей, и такимъ образомъ осуществить завѣтное желаніе Алексѣя Михайловича и русскаго народа. Это — довольно искусный «приводъ», т. е. дипломатическая уловка, состоявшая въ томъ, что въ союзный договоръ съ Польшей была вставлена добавочная статья, въ силу которой ради удержанія правобережной Украйны отъ подданства Турціи Московское правительство имѣло право не отдавать Польшѣ Кіева [2]). Для этого необходимо было расположить къ себѣ вошедшаго въ сношенія съ Турціей гетмана Дорошенку и убѣдить мѣстное

---

[1]) «Русскій Архивъ». 1901 г. Февраль. Стр. 229. (Указан. ст.).
[2]) «Рус. Арх.» 1901 г. Февраль. Стр. 237. (Ук. ст.).

духовенство въ важности подчиненія Кіевской митрополіи Московскому патріарху, вмѣсто Константинопольскаго; по обстоятельству, которому Аѳанасій Лаврентьевичъ придавалъ особенное значеніе: религіозная связь съ Константинополемъ, находившимся тогда въ рукахъ турецкаго султана, сталкивала Западную Малороссію съ турецкимъ правительствомъ, и потому мало-по-малу могла перейти въ политическую. Въ силу новой статьи такого тонкаго «привода» жителямъ Украйны прощались всѣ прежнія вины и предоставлялось право быть подъ властью любого изъ государей,—Московскаго или Польскаго, лишь бы они отстали отъ союза съ басурманами. Но для того, чтобы этотъ подводъ имѣлъ реальный успѣхъ, а не оставался только на бумагѣ, Нащокину пришлось снова прибѣгнуть къ совсѣмъ нелегальнымъ средствамъ: нужно было раздуть въ Западной Украйнѣ смуту, чтобы Москва оставалась чистой въ глазахъ Польши, а въ то же самое время имѣла благовидную отговорку для удержанія за собой Кіева навсегда, безъ нарушенія условій Андрусовскаго договора. Усиленію смуты въ Западной Малороссіи много содѣйствовалъ агентъ Нащокина стряпчій Тяпкинъ, посланный туда вмѣстѣ съ кіевскимъ воеводою П. Вас. Шереметевымъ для сношеній съ Дорошенкомъ. Сначала Тяпкинъ убѣждалъ гетмана отложить союзъ съ турками и по прежнему служить вѣрой и правдой польскому королю и его союзнику, русскому царю; но потомъ измѣнилъ такую предварительную тактику на болѣе прямую: онъ уже сталъ склонять Дорошенко къ окончательному отпаденію отъ Польши въ сторону Москвы. Эти увѣщанія были явнымъ нарушеніемъ четвертой (4) статьи Андрусовскаго договора, но къ счастью Московскаго правительства они не могли быть оффиціально извѣстны Польшѣ: Тяпкинъ велъ свою агитацію тайно и ограничивался только устными разсужденіями съ гетманомъ, такъ что послѣ этихъ переговоровъ не осталось никакого письменнаго документа, за который бы могла ухватиться

обиженная сторона. Роль этого «agent provocateur» была сыграна какъ нельзя лучше. Волненіе въ Западной Малороссіи не прекращалось и срокъ отдачи Кіева былъ обойденъ; когда же польскіе комиссары требовали объясненій причины послѣдняго, Ординъ-Нащокинъ ссылался на бывшую въ то время въ Украйнѣ смуту [1]). Однако же, вмѣстѣ съ потерей Кіева для поляковъ, предстояло и Москвѣ раздѣлываться за грѣхи очень искусной, но шедшей въ разрѣзъ съ жизненными требованіями, политики русскаго дипломата. Волненія въ Западной Малороссіи оказали сильное давленіе и на Восточную. Воспользовавшись увѣщаніями Тяпкина и отважившись на полный разрывъ съ Польшей, хитрый чигиринскій Гетманъ Дорошенко вмѣсто того, чтобы склониться въ подданство Московскому Государству, задумалъ объединить раздѣленную Малороссію посредствомъ отторженія лѣвобережной Украйны отъ Великой Россіи. Прежде всего онъ возстановилъ противъ Ордина-Нащокина гетмана Брюховецкаго, а потомъ всѣми силами старался возбудить среди населенія восточной Украйны недовѣріе къ Московскому правительству. Эта агитація имѣла большой успѣхъ, тѣмъ болѣе, что скоро произошли событія, послужившія удобнымъ поводомъ къ новой смутѣ.

Въ концѣ 1667 года къ гетману Брюховецкому прислали изъ Москвы грамоту съ извѣщеніемъ о поѣздкѣ царя въ Кіево-Печерскій монастырь на богомолье и о посылкѣ въ малороссійскіе города Ордина-Нащокина для приготовленій къ царскому «походу» [2]). Узнавъ о предстоящемъ путешествіи царя, Дорошенко по своему понялъ это увѣдомленіе

---

[1]) «Журналъ Министерства Народнаго Просв.» 1897 г. Ноябрь. Стр. 98. (Ст. Вит. Эйнгорна: «Отставка А. Л. Ордина-Нащокина»).

[2]) Акты Южн. и Зап. Россіи, т. VI, стр. 246, гдѣ читаемъ: «Великій государь имѣетъ подвижность своего походу въ свою стародавнюю отчину въ Кіево-Печерскій монастырь помолиться, а напередъ своего походу послалъ великій государь боярина Ордина-Нащокина съ ратными людьми въ малороссійскіе города, чтобы къ царскому походу всякіе запасы свозились».

и высказалъ предположеніе, что царь не молиться идетъ, а войной на казаковъ. Такіе слухи быстро проникли въ массу; прибавились понемногу цвѣтистые комментаріи, — и простая «утка» получила характеръ серьезнаго событія: стали говорить, что Ординъ-Нащокинъ идетъ съ войскомъ въ Малороссію только для того, чтобы отдать, согласно Андрусовскому договору, Кіевъ полякамъ, а лѣвобережную Украйну «огнемъ и мечемъ искоренить». Такіе слухи о походѣ государя къ Кіеву и движеніи московскихъ войскъ подъ начальствомъ Нащокина въ Украйну взбудоражили малороссіянъ, вызвали такой «трусъ» среди нихъ, что Брюховецкому, отчаявшемуся въ своихъ надеждахъ на Москву, безъ всякаго труда удалось возбудить старшину къ возстанію противъ московскаго государя [1]. Броженіе охватило всѣ города лѣвобережной Украйны, за исключеніемъ Чернигова, Нѣжина, Переяславля и Остра; московскіе воеводы съ ихъ ратными людьми были перебиты или изгнаны. Казалось, что удачно удавшееся въ 1654 году дѣло возсоединенія Юго-Западной Руси съ московскимъ государствомъ клонится къ полнѣйшему разрушенію, но событія, послѣдовавшія за измѣной Брюховецкаго (1668 г.) подготовили почву къ тому, что малороссійскія дѣла снова приняли благопріятный оборотъ, — и уже въ январѣ 1669 г. въ Москву прибыло посольство отъ наказного гетмана Сѣверской Украйны Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго и черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича съ повинной за Брюховецкаго; Алексѣй Михайловичъ лично принималъ это посольство и жаловалъ казаковъ помилованіемъ: «онъ вины ихъ велѣлъ отдать и къ прежнему своему милосердію принять изволилъ» [2]. Нѣтъ сомнѣнія, что причины такихъ броженій въ Малороссіи надо искать и въ направленіи политики Нащокина. Мы уже знакомы съ

---

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1897 г. Ноябрь. (Ст. Эйнгорна), стр. 99—101.

[2]) «Русскій Архивъ» 1901 г. Февраль. Стр. 239—241.

основой его дипломатической системы: весь интересъ и вся дѣятельность этого государственнаго человѣка сосредоточены были на сосѣдней Новгороду и Пскову Швеціи, что въ свою очередь требовало, какъ можно скорѣйшаго, заключенія коалиціи Россіи съ Польшей и при ея посредствѣ съ Турціей—для совмѣстной борьбы съ общимъ врагомъ — первой. А между тѣмъ жизнь и историческая необходимость поставили Московскому Государству болѣе близкую и существенную задачу: борьбу съ Польско-Литовскимъ Государствомъ изъ-за исконныхъ, дорогихъ національному чувству юго-западныхъ владѣній Россіи; и, такимъ образомъ, малороссійскій вопросъ сдѣлался отправнымъ пунктомъ реальной дипломатіи Московскаго правительства. Ордину-Нащокину пришлось остановиться на распутьѣ двухъ дорогъ: одна вела въ Швецію, другая въ Польшу; ему предстояла трудная задача примирить свою теоретическую систему съ жизненною необходимостью. Но какъ мы уже могли убѣдиться, онъ не совсѣмъ умѣло справлялся съ этой задачей. Дипломатическіе разсчеты Аѳанасія Лаврентьевича требовали какъ можно скорѣйшаго заключенія прочнаго союза съ Польшей, хотя бы на самыхъ невыгодныхъ условіяхъ для Россіи; а обстоятельства дѣйствительной жизни поставили его въ необходимость заключить Андрусовскій договоръ на неустойчивыхъ и временныхъ условіяхъ. Въ своихъ дальнѣйшихъ переговорахъ съ Польшей Ординъ-Нащокинъ могъ бы дойти до уступки послѣдней всей Малороссіи, если бы имѣлъ возможность руководствоваться только своими теоретическими построеніями; а между тѣмъ жизнь заставила его прибѣгнуть къ смѣлому и опасному «приводу», который, какъ мы уже знаемъ, повлекъ за собой измѣну Брюховецкаго. Понятно, что и отношеніе къ малороссійскому вопросу такого дипломата-западника было самымъ невыгоднымъ для Московской политики: онъ не сознавалъ всей важности его въ обще-дипломатическихъ сношеніяхъ и совершенно игнорировалъ факты малороссій-

ской жизни, что очень вредно отзывалось на его же дѣятельности. Стараясь проводить въ жизнь принципы собственной теоріи и закрывая глаза передъ реальными препятствіями, Аѳанасій Лаврентьевичъ лишался очень существеннаго преимущества дальновиднаго дипломата: знанія окружавшихъ людей и людскихъ отношеній. Мы уже видѣли, какъ онъ ошибся въ Дорошенкѣ и Тукальскомъ, и въ этомъ очень важное значеніе имѣло неумѣніе Ордина-Нащокина выбирать для своихъ цѣлей подходящихъ людей. Послѣднее осложнялось еще тѣмъ нерасположеніемъ, которое внушалъ къ себѣ дипломатъ не только со стороны подчиненныхъ, на что мы уже указывали, но также и со стороны малороссійскаго населенія, особенно же высшаго южно-русскаго духовенства: оно не могло примириться съ руководителемъ русской политики изъ-за его пренебрежительнаго отношенія къ малороссійскимъ дѣламъ и неуваженія къ его ходатайствамъ въ Малороссійскомъ приказѣ, тѣмъ болѣе, что тотъ постоянно твердилъ: казакъ-бездѣльникъ, правды въ немъ нѣтъ и черкасскіе города Московскому Государству не надобны. Факты вполнѣ подтверждаютъ такіе выводы. Напр., въ августѣ 1667 года Ордину-Нащокину самимъ царемъ поручено было переговорить съ мстиславскимъ епископомъ Меѳодіемъ о положеніи дѣлъ въ Украйнѣ и проискахъ Дорошенко. Меѳодій лично писалъ Алексѣю Михайловичу, что замыслы чигиринскаго гетмана грозятъ новой смутой въ Малороссіи: и тутъ-то вмѣсто того, чтобы воспользоваться услугами хотя честолюбиваго, но энергичнаго и пока преданнаго Москвѣ политическаго агента изъ среды малороссійскаго духовенства, Нащокинъ грубо отвѣчалъ епископу: «плевать на Дорошенко, надѣяться ему теперь не на кого, крымскій ханъ хочетъ и проситъ быть съ великимъ государемъ въ миру [1]). Этимъ дипломатъ не только наносилъ Меѳодію нравственную по-

---

[1]) «Русская Мысль» 1901 г. августъ стр. 19—20 (Ук. ст.).

щечину, но и явно показывалъ, что желаетъ избавиться отъ его посредничества между Москвой и Украйной. А между тѣмъ жизнь требовала такихъ посредниковъ, и Ордину-Нащокину приходилось искать ихъ; онъ и остановился на Дорошенко, Тукальскомъ и игуменѣ Кіево-Печерской лавры Иннокентіи Гизелѣ. Къ сожалѣнію послѣдніе не пошли на удочку хитраго дипломата, такъ какъ были враждебно настроены къ его политикѣ, считали его за друга Польши и злѣйшаго врага казаковъ. Такимъ образомъ, отстранивъ Меѳодія, усердно служившаго Москвѣ, въ личныхъ, правда, интересахъ, Ординъ-Нащокинъ лишился полезнаго лазутчика по малороссійскимъ дѣламъ, а между тѣмъ лица, въ которыхъ онъ наивно разсчитывалъ найти поддержку, совсѣмъ не хотѣли служить московскимъ интересамъ, поджигали къ измѣнѣ боярина гетмана Брюховецкаго. Это очень характерный и поучительный примѣръ недальновидности хорошаго теоретика дипломата въ отношеніяхъ къ людямъ и реальнымъ фактамъ. Такая политика, часто несогласовавшаяся съ интересами малороссійскаго края и потому тормозившая мирное разрѣшеніе самой существенной задачи московскаго царя — возвращенія и укрѣпленія за Россіей ея старинныхъ юго-западныхъ владѣній, не могла быть по сердцу «философу-моралисту» Алексѣю Михайловичу и не разъ вызывала пререканія между нимъ и дипломатомъ. Къ этому присоединились жалобы на Ордина-Нащокина гетмановъ и малороссійскаго духовенства, наконецъ ожесточенная борьба съ дьяками посольскаго приказа [1]), и авторитетъ Аѳанасія Лаврентьевича пошатнулся. 19 января 1669 года, во время извѣстнаго уже намъ посольства въ Москву отъ Демьяна Игнатьевича Многогрѣшнаго, веденіе переговоровъ съ войсковыми послами было возложено не на Ордина-Нащокина, а на оружейничьяго боярина

---

[1]) Эта борьба подробно разобрана въ ст. В. Эйнгорна («Журналъ Мин. Нар. Просв.» 1897 г. ноябрь стр. 118—122).

Богдана Матвѣевича Хитрово. Начальникъ Малороссійскаго приказа былъ устраненъ отъ непосредственно подлежавшихъ его вѣдѣнію дѣлъ, что крайне оскорбило и огорчило его. Въ этомъ же мѣсяцѣ (съ 25 января) шли приготовленія къ предстоявшей Глуховской радѣ, которая должна была разрѣшить цѣлый рядъ сложныхъ вопросовъ. Было рѣшено, что на раду отправляются бояринъ князь Гр. Гр. Ромодановскій, стольникъ Артамонъ Сергѣевичъ Матвѣевъ и дьякъ Богдановъ. Ордину же Нащокину нанесенъ очень сильный ударъ: онъ былъ устраненъ не только отъ переговоровъ съ посольствомъ, но и отъ составленія наказа, которымъ должны были руководствоваться представители царя на радѣ. И только тогда, когда возникли нѣкоторыя сомнѣнія, обратились за разъясненіями и совѣтами къ терявшему свое вліяніе дипломату: по проекту наказа, составленнаго помимо Аѳан. Лаврентьевича, царскій уполномоченный кн. Ромодановскій долженъ былъ категорически объявить на радѣ, что Кіевъ полякамъ возвращенъ не будетъ. Но тутъ возникли недоразумѣнія и опасенія, какъ бы эта статья о Кіевѣ не вызвала обвиненій со стороны поляковъ въ нарушеніи Андрусовскаго договора. Ее-то и передали на разсмотрѣніе Ордину-Нащокину, который исправилъ ее, такъ что князю Ромодановскому приходилось говорить на радѣ значительно осторожнѣе: что Кіевъ не будетъ отданъ въ срокъ за нѣкоторыми причинами съ польской стороны, и относительно этой отдачи предстоитъ съѣздъ великихъ и полномочныхъ пословъ, о рѣшеніи которыхъ казаки узнаютъ своевременно [1]). 1 марта 1669 года бояринъ князь Гр. Гр. Ромодановскій съ стольникомъ Матвѣевымъ прибыли въ Глуховъ, а 6 марта были уже подписаны мирныя статьи, которыми улаживались всѣ дѣла лѣвобережной Малороссіи. Въ самомъ началѣ переговоровъ, на этой радѣ со стороны гетмана и казацкой старшины было заявлено

---

[1]) «Рус. Архивъ» 1901 г. февраль стр. 242—243 (Ук. ст.).

требованіе о выводѣ изъ малороссійскихъ городовъ воеводъ и ратныхъ людей, въ чемъ Ромодановскій наотрѣзъ отказалъ: «Великій государь велѣлъ быть воеводамъ для крѣпкаго утвержденія и обороны тебѣ, гетману, и всѣмъ малороссіянамъ, для проѣзду до Кіева и къ тебѣ, чтобы сухимъ и воднымъ путемъ всякимъ проѣзжимъ людямъ и хлѣбнымъ отпускамъ путь былъ чистъ, а не для того, чтобы воеводамъ и ратнымъ людямъ, живя въ городахъ, дѣлать налоги, ты, гетманъ, видишь самъ, что малороссійскихъ городовъ жители шатки, всякимъ смутнымъ воровскимъ словамъ вѣрятъ и на всякія прелести сдаются», такъ говорилъ съ гетманомъ бояринъ 4 марта. А 5 марта, когда разговоры по поводу этого возобновились, онъ началъ съ того, что выводъ воеводъ дѣло «несхожее», и на выраженія Демьяна Игнатьевича отвѣчалъ: «до сихъ поръ отъ казаковъ и мѣщанъ на воеводъ и ратныхъ людей челобитья не было, а впередъ въ права ваши и суды, казацкіе и мѣщанскіе, воеводамъ вступаться государь не указалъ; судиться вамъ между собою самимъ. До сихъ поръ никакихъ жалобъ не было: если бъ были жалобы, то былъ бы сыскъ и по сыску наказаніе; явно, что дѣло затѣяно теперь, и вы о выводѣ ратныхъ людей изъ городовъ и не думайте!» [1]). Невозможность же вывода воеводъ и ратныхъ людей изъ малороссійскихъ городовъ Ромодановскій мотивировалъ слѣдующими доводами: 1) если вывести ихъ, черкасскими городами можетъ завладѣть Петръ Дорошенко, сторонникъ Турціи; 2) по слухамъ, турецкій султанъ считаетъ себя въ правѣ забирать всѣ тѣ малороссійскіе города, въ которыхъ нѣтъ царскихъ воеводъ; 3) даже и безъ такой важности двухъ этихъ причинъ казаки должны подчиниться волѣ Московскаго царя, такъ какъ въ одной изъ малороссійскихъ статей, поданныхъ въ Москвѣ войсковымъ посольствомъ, написано, что «войско во всемъ полагается

---

[1]) С. М. Соловьевъ «Ист. Рос. съ др. вр.» т. XII, стр. 380—381.

на волю и милость великаго государя, какъ ему Богъ на сердце положитъ, такъ бы ихъ, при ихъ вольностяхъ, сохранить изволилъ» [1]). Это послѣднее рѣшеніе привело въ большое смущеніе какъ гетмана, такъ и старшину. Тогда архіепископъ Лазарь Барановичъ, присутствовавшій на этой радѣ, какъ представитель интересовъ малороссійскаго духовенства, пробовалъ было поддержать Многогрѣшнаго, почти уже потерпѣвшаго крушеніе въ хлопотахъ за возстановленіе казацкихъ вольностей,—и доказывалъ, что можно обойти непріятный аргументъ указанной Ромодановскимъ статьи, и хотя бы выговорить для казаковъ право бить о воеводахъ челомъ государю, при наступленіи болѣе благопріятныхъ условій [2]). Послѣ рѣшительнаго отказа князя Ромодановскаго и въ этомъ, гетману и старшинѣ оставалась только разойтись, при чемъ Демьянъ Игнатьевичъ замѣтилъ: «вечеромъ мы еще подумаемъ, а изъ нынѣшнихъ разговоровъ я и самъ узналъ, что въ тѣхъ городахъ безъ воеводъ и ратныхъ людей быть невозможно» [3]). Такъ окончился день 5-го марта, а на слѣдующій день, въ субботу на второй недѣлѣ великаго поста, съѣхались черниговскій архіепископъ, наказный гетманъ Демьянъ, бояринъ Ромодановскій съ Матвѣевымъ, и заключили договоръ, составленный изъ 27 статей. Эти статьи имѣли очень серьезное значеніе для политики московскаго государства, такъ какъ ими въ продолженіе почти сорока лѣтъ [4]) опредѣлялись русско-малороссійскія отношенія, что оказало большое вліяніе на закрѣпленіе лѣвобережной Украйны за Москвой. Основными положеніями этого договора были: 1) въ Кіевѣ, Переяславѣ, Нѣжинѣ, Черниговѣ и Острѣ должны были стоять воеводы и ратные люди, при чемъ роль воеводъ не

---

[1]) «Рус. Мысль». 1901 г. августъ, стр. 8—9.

[2]) Дѣятельность черниговскаго архіепископа Лазаря Барановича подробно и документально разобрана въ указанной уже нами книгѣ Эйнгорна: «Очерки изъ исторіи Малороссіи въ XVII вѣкѣ», глава V.

[3]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XII, стр. 382.

[4]) «Рус. Мысль.» Августъ 1901 г., стр. 9.

выходила бы за предѣлы начальствованія надъ своими воинами и отъ ихъ «вѣдѣнія» оставались свободными малороссійскіе жители, — ихъ же суду могли подлежать только разборы жалобъ населенія на обиды ратныхъ людей; 2) поборы послѣднихъ ограничивались статьями Хмельницкаго; 3) число реестровыхъ казаковъ не могло превышать 30000, на которыхъ постановлено отпускать жалованье; 4) въ реестръ разрѣшалось вписывать и старыхъ казаковъ, много служившихъ раньше, а въ случаѣ ихъ недочета, даже мѣщанскихъ и крестьянскихъ дѣтей; 5) пожалованные раньше дворянствомъ сохраняютъ его, этою же честью жалуетъ государь и впередъ, по особымъ челобитьямъ гетмана и старшину [1]). Въ разборъ другихъ, болѣе частныхъ вопросовъ, рѣшенныхъ на этой же радѣ, мы не входимъ. Послѣ заключенія договора и подписанія статей начались выборы новаго гетмана. Всѣ кричали за Демьяна Игнатьевича. Тогда обозный Петръ Забѣлла и полковники поднесли ему булаву. «Хотя я и не желаю быть гетманомъ,» сказалъ Многогрѣшный, «однако противиться не могу, и буду служить великому государю вѣрно». «И мы хотимъ служить вѣрно:» закричали казаки [2]). Бояринъ Ромодановскій вручилъ новому гетману царскія грамоты, послѣ чего всѣ пошли въ соборъ и принесли присягу, къ которой приводилъ архіепископъ Лазарь Барановичъ. Такъ окончилась знаменитая глуховская рада и ея статьями былъ, наконецъ, установленъ порядокъ въ отношеніяхъ Московскаго государства къ Малороссіи. Оффиціальный руководитель послѣдней князь Ромодановскій былъ очень доволенъ удачнымъ выполненіемъ возложенныхъ на него царемъ порученій, и 8 марта 1669 г. отправилъ въ Москву извѣстіе о благополучномъ окончаніи рады, 9—съ подробнымъ изложеніемъ всего хода дѣлъ на ней. Таковы факты 1669 года, но каково къ

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос.» т. XII, 382—384.
[2]) Тамъ же, т. XII, стр. 383.

нимъ отношеніе забытаго нами на время Артамона Сергѣевича Матвѣева: принималъ ли онъ какое-нибудь активное участіе въ борьбѣ партій на Глуховской радѣ и въ составленіи разобранныхъ статей договора или онъ только присутствовалъ на ней, не проявляя своей личной иниціативы? Для разрѣшенія этого вопроса приходится остановиться на характерѣ и личныхъ качествахъ обоихъ представителей Москвы въ Глуховѣ. Мы знаемъ, что по оффиціальному положенію первое мѣсто на этой радѣ должно было принадлежать князю Ромодановскому, а второе—стольнику Матвѣеву. Этимъ и объясняется, что въ статейномъ спискѣ посольства, ѣздившаго въ Глуховъ, мы читаемъ только слова и рѣчи князя—боярина, и не встрѣчаемъ ни одного мнѣнія стольника. Въ сущности же дѣло происходило не такъ просто. По отзывамъ современниковъ, Г. Г. Ромодановскій былъ храбрымъ воиномъ, неутомимымъ въ бояхъ, лихимъ наѣздникомъ; отличался физической, но никакъ не духовной силой: онъ былъ почти безграмотнымъ человѣкомъ, съ трудомъ подписывавшимъ собственное имя. Поэтому всѣ отвѣтныя рѣчи Григорія Григорьевича, всѣ его искусныя возраженія на заявленія и требованія со стороны малороссіянъ ставятъ насъ въ тупикъ и недоумѣніе: откуда же у такого полуграмотнаго человѣка—столько политическаго глазомѣра, столько дипломатической ловкости и изворотливости? Разгадка этого и заключается въ личности Артамона Сергѣевича. Мы уже видѣли, какъ до Глуховской рады проявлялась и крѣпла дипломатическая дѣятельность близкаго къ царю и при томъ весьма образованнаго человѣка стольника Матвѣева. Всѣ тѣ временныя и краткосрочныя посылки, о которыхъ у насъ раньше шла рѣчь, расширяли умственный кругозоръ тогда уже остраго и искуснаго дипломата Артамона Сергѣевича, сталкивали его съ самыми сложными условіями жизни въ Литвѣ и Малороссіи, заставляли его вникать въ глубь жизненныхъ явленій и народнаго быта, а эта настойчивая практика и продолжительный

опытъ сформировывали изъ него будущаго государственнаго человѣка. Вся дѣятельность Матвѣева до посылки его съ Ромодановскимъ на глуховскую раду крѣпче и крѣпче привязывала къ нему Алексѣя Михайловича: къ прежнему расположенію и родственнымъ связямъ съ нимъ Московскаго царя присоединилось уваженіе къ его безкорыстной службѣ государству, увѣренность въ серьезномъ пониманіи царскимъ любимцемъ быта и вкусовъ малороссійскаго населенія и умѣнія располагать къ себѣ людей, подчинять ихъ своему убѣдительному слову и нравственному авторитету. Къ тому же политическая сила Ордина-Нащокина, какъ мы уже видѣли, сильно пошатнулась: между нимъ и царемъ возникали разномысліе и недовѣріе. А между тѣмъ внѣшняя политика въ государствѣ ослажнялась и еще настойчивѣе, чѣмъ прежде, требовала зоркаго дипломатическаго глаза. Предчувствовалось и приближалось удаленіе Аѳанасія Лаврентьевича изъ Малороссійскаго приказа, наступалъ часъ выбора достойнаго замѣстителя послѣднему. Въ глазахъ царя настоятельнымъ требованіямъ жизни въ перемѣнѣ начальника Малороссійскаго приказа болѣе всѣхъ другихъ могъ удовлетворять Артамонъ Сергѣевичъ не потому только, что этотъ человѣкъ былъ любимцемъ и другомъ государя, а потому, что онъ уже проявилъ себя дальнозоркимъ дипломатомъ, обѣщавшимъ сосредоточить всѣ свои заботы и хлопоты на томъ самомъ малороссійскомъ вопросѣ, который былъ существеннымъ вопросомъ времени и завѣтной цѣлью политики самого царя. Можетъ быть, посылка стольника Матвѣева на Глуховскую раду и объясняется отчасти желаніемъ Алексѣя Михайловича еще болѣе испытать силы Артамона Сергѣевича, какъ государственнаго человѣка, убѣдиться въ дипломатической предусмотрительности и направленіи его политики: Глуховская рада выдвигала передъ царскими уполномоченными цѣлый рядъ острыхъ вопросовъ, ставила ихъ лицомъ къ лицу съ малороссійской жизнью, борьбой партій

и настроеній; а потому въ благополучномъ рѣшеніи ея задачъ со стороны Московскаго правительства должна была особенно рѣзко проявиться иниціатива того или другого уполномоченнаго. Эту-то иниціативу и нужно признать за Артамономъ Матвѣевымъ. Конечно, одного еще нравственнаго и умственнаго превосходства Матвѣева надъ Ромодановскимъ мало, чтобы твердо стоять на такомъ заключеніи. Но есть и другія данныя, которыя говорятъ за него. До отъѣзда на Глуховскую раду Артамонъ Сергѣевичъ жилъ въ Москвѣ, гдѣ часто встрѣчался съ царемъ и бесѣдовалъ съ нимъ о предстоявшихъ на радѣ дѣлахъ; Ромодановскій же въ то время находился въ небольшомъ городкѣ Слободской Украйны Суджѣ, и его ни разу не вызывали для личныхъ переговоровъ въ Москву [1]). Такой уже фактъ говоритъ за то, что дѣйствительнымъ представителемъ «царской воли» на радѣ долженъ былъ быть скорѣе стольникъ, чѣмъ князь бояринъ. Къ тому же еще до рады Матвѣевъ былъ очень хорошо освѣдомленъ съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ въ Малороссіи и имѣлъ въ рукахъ факты, съ которыми предстояло считаться при внушеніи малороссіянамъ задачъ Московскаго правительства. Извѣстно, что вскорѣ послѣ прибытія въ Москву войскового посольства отъ Демьяна Многогрѣшнаго произошли распри между казаками и остальнымъ населеніемъ Малороссіи, вылившіяся въ мѣщанскихъ челобитьяхъ съ жалобами на первыхъ царю [2]). Эти челобитья секретно разбирались въ приказѣ тайныхъ дѣлъ, въ чемъ самое дѣятельное участіе принималъ Артамонъ Сергѣевичъ. Знакомство съ послѣдними оказало очень наглядное вліяніе на составленіе нѣкоторыхъ статей договора 1669 года. Кромѣ того ему было хорошо извѣстно письмо нѣжинскаго протопопа Симеона Адамовича, одного изъ энергичныхъ политическихъ агентовъ Московскаго го-

---

[1]) «Рус. Мысль». 1901 г. Августъ. (Указ. ст.), стр. 6. Тамъ же о развитіи Ромодановскаго.

[2]) Тамъ же, стр. 11.

сударства въ Малороссіи, о распространеніи черниговскимъ архіепископомъ ложныхъ слуховъ о томъ, будто все малороссійское населеніе настаиваетъ на выводѣ изъ городовъ царскихъ воеводъ и ратныхъ людей [1]).

Нѣтъ сомнѣнія, что Матвѣевъ, по обыкновенію, принялъ своевременныя мѣры къ тому, чтобы узнать настоящее положеніе дѣлъ въ Малороссіи, и справился съ истинными интересами ея населенія. Такое предварительное ознакомленіе съ фактами украинской жизни оказало плодотворное вліяніе на общій ходъ дѣлъ въ Глуховѣ.

Не одна статья договора, заключеннаго тамъ, свидѣтельствуетъ о томъ, что радой руководилъ опытный государственный человѣкъ; тѣ-же статьи, которыя были направлены противъ вывода воеводъ и ратныхъ людей изъ городовъ, а также къ ограниченію ихъ (воеводъ) «вѣдѣнія», вполнѣ говорятъ за иниціативу Артамона Сергѣевича, еще до рады получившаго отъ царя соотвѣтствующія инструкціи и входившаго въ разборъ тѣхъ вопросовъ, которые должны были возникнуть во время переговоровъ. Такимъ образомъ, въ дѣйствительности услуги государству въ 1669 году оказалъ стольникъ Матвѣевъ, а не бояринъ Ромодановскій, которому первый внушалъ и диктовалъ все то, что слѣдовало дѣлать. Потому Артамонъ Сергѣевичъ былъ въ правѣ гордиться своими заслугами передъ государствомъ.

Въ своихъ челобитныхъ къ царю изъ Пустоозерска онъ не разъ подчеркиваетъ ихъ, желая получить милость и освобожденіе изъ заточенія. «Я жъ, холопъ твой», пишетъ онъ въ первой челобитной, «взятъ у Святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ, и посланъ былъ на раду въ Глуховъ, съ бояриномъ и воеводою, князь Григорьемъ Григорьевичемъ Ромодановскимъ, и раду учинили и гетмана войскомъ

[1]) Эйнгорнъ. «Очерки изъ исторіи Малороссіи», стр. 522—523. Здѣсь подробно изложены челобитья мѣщанъ и ихъ жалобы на насилія казаковъ.

выбрали, и къ вѣрѣ привели: и съ той рады ваши, великаго государя, подданные утвердились подъ вашею Государскою рукою и доднесь» [1]). Испытаніе царемъ Матвѣева, посланнаго съ этой цѣлью на Глуховскую раду, окончилось очень удачно: на ней были заключены статьи, доказавшія умѣлое выполненіе искуснымъ дипломатомъ и стольникомъ царскихъ порученій. И уже черезъ мѣсяцъ послѣ возвращенія изъ Глухова (9 апрѣля 1669 года) онъ получаетъ назначеніе въ начальники Малороссійскаго приказа [2]); а это можетъ служить доказательствомъ того, что царь увѣрился въ надежности своего выбора.

Отношеніе Артамона Сергѣевича къ Малороссійскимъ дѣламъ, какъ мы уже можемъ судить по предшествовавшимъ фактамъ его дѣятельности, должно было быть совершенно противоположнымъ тому, которое проявлялъ до него Ординъ-Нащокинъ. И оно, дѣйствительно, шло въ разрѣзъ съ политикой послѣдняго,—и тѣмъ самымъ исправлялись промахи непрактичнаго идеолога-дипломата. Если Аѳанасій Лаврентьевичъ въ своей политикѣ прилагалъ усилія къ тому, чтобы какъ можно миролюбивѣе улаживать польско-русскія отношенія, и не избѣгалъ соглашеній на сколько-нибудь возможныя, хотя и тяжелыя, уступки Польшѣ со стороны Россіи, разсчитывая такими мѣрами достигнуть самаго прочнаго союза съ первой,—общими силами съ которой, по его убѣжденію, можно было обратить оружіе противъ болѣе грознаго врага—Швеціи,—то для него Малороссійскій вопросъ долженъ былъ отойти на второй планъ, и дѣла Украйны совершенно игнорировались крайнимъ теоретикомъ.

Не такова была политическая система не менѣе талантливаго дипломата, но болѣе реальнаго государственнаго дѣятеля Матвѣева. Его интересы были сосредоточены на

---

[1]) «Ист. о невин. заточ. бл. бояр. Ар. С. Мат.» изд. Новик. 1776 г. Стр. 50.

[2]) Idem. На стр. 390.

литовско-малороссійскихъ отношеніяхъ къ Россіи. У Ордина-Нащокина—теорія шла впереди жизненнаго опыта: у Матвѣева же опытъ предшествовалъ теоріи: онъ не создавалъ себѣ искусственнаго политическаго кругозора, съ предвзятыми цѣлями, не останавливался исключительно на своихъ теоретическихъ построеніяхъ, а непосредственно знакомился съ жизнью, входилъ во всѣ мелочи истинныхъ условій ея, разбирался въ самыхъ противорѣчивыхъ направленіяхъ и мнѣніяхъ и потомъ уже, какъ ученый изслѣдователь, выбиралъ изъ всего усвоеннаго опытомъ и практикой то, что было самымъ существеннымъ, самымъ необходимымъ. Благодаря этому дипломатія Матвѣева никогда не предрѣшала, не шла впереди исторической необходимости, а была направлена къ закономѣрному и естественному примиренію самыхъ сложныхъ внѣшнихъ отношеній. Если считаться съ такимъ общимъ направленіемъ политики его, то уже «a priori» можно бы было сказать, что послѣ назначенія въ Малороссійскій приказъ его дѣятельность должна была принять самый широкій государственный характеръ, а Украйна со всѣми ея жизненными осложненіями и пертурбаціями стать опорнымъ пунктомъ его живѣйшей и разносторонней практики. Въ дѣйствительности такъ и было: жизнь въ Малороссіи [1]) поставила «государева любимца» передъ самыми разнообразными явленіями и отношеніями, втянула его въ паутину цѣпко и узорчато спутанныхъ нитей; нужна была зоркость и осмотрительность уже развивавшагося и умудреннаго опытомъ государственнаго человѣка. Остановимся теперь на фактахъ разнообразной дѣятельности Артамона Сергѣевича, какъ начальника Малороссійскаго приказа. Уже въ іюнѣ 1669 года, т. е. спустя приблизительно два мѣсяца послѣ назначенія его въ приказъ, пріѣхалъ въ Москву посланецъ печерскаго

---

[1]) Нельзя понимать этого мѣста въ томъ смыслѣ, что Артамонъ Сергѣевичъ постоянно жилъ въ Малороссіи.

архимандрита, іеромонахъ Кириллъ, съ челобитными о ходатайствахъ Лавры, главнымъ предметомъ которыхъ были: просьба о томъ, чтобы кіево-печерская обитель никогда не подпадала подъ власть кіевскаго митрополита или кого-нибудь другого, а оставалась бы по прежнему въ зависимости отъ цареградскаго патріарха; кромѣ того, чтобы воеводы не преслѣдовали лаврскихъ людей и не сажали ихъ «на чѣпи» [1]).

Посланцу Кириллу дана была прощальная аудіенція, во время которой самъ государь выражалъ свое сочувствіе Лаврѣ, а послѣ того какъ новый начальникъ Малороссійскаго приказа передалъ іеромонаху царскія грамоты для Гизеля, «великій государь, вставъ и шапку снявъ, говорилъ Кириллу съ братіею, чтобы они отъ него архимандриту поклонились, чтобъ они, архимандритъ съ братіею, супругу его, государеву, поминали, а ему, великому Государю, про то извѣстно, что у нихъ по ней память добрая». Участіе и рѣчь самого царя на пріемѣ этого посольства ставили Артамона Сергѣевича въ положеніе только правой руки Государя и его докладчика. Но зато въ разборѣ грамотъ Иннокентія Гизеля и составленіи царскихъ — отвѣтныхъ (грамотъ), жаловавшихъ архимандрита милостивой похвалой за сочиненіе привезенной тогда же книги «Миръ съ Богомъ» и извѣщавшихъ о «любительномъ» принятіи поднесеннаго экземпляра, а также о томъ, что «на польскомъ съѣздѣ договоръ и постановленіе о всей Малороссіи, о православныхъ церквахъ Божіихъ и о всемъ православіи учинены будутъ незабытно» [2]), чѣмъ удовлетворялись отчасти просьбы архимандрита о независимости Лавры отъ кіевскаго митрополита или другого кого-нибудь,—во всемъ этомъ видна зоркость и предусмотрительность къ малороссійскимъ нуждамъ Артамона Сергѣевича. Первые мѣсяцы

---

[1]) «Очерки изъ ист. Малор.» В. Эйнгорна. Стр. 614.

[2]) Idem, стр. 615.

управленія Малороссійскимъ приказомъ Матвѣевъ дѣйствовалъ осторожно и осмотрительно, стараясь ладить со своимъ предшественникомъ Аѳанасіемъ Лаврентьевичемъ, еще завѣдывавшимъ дѣлами Посольскаго приказа, и даже являлся посредникомъ между нимъ и приказомъ. Въ началѣ 1669 года онъ писалъ, напр., Ордину-Нащокину: «изъ писемъ моихъ въ докладѣ со усердіемъ приводи къ совершенію»! [1]). А тотъ между тѣмъ усердно хлопоталъ о необходимости подчиненія кіевской митрополіи Московскому патріархату. Въ это время на Аѳанасія Лаврентьевича были возложены переговоры съ польскими комиссарами въ Мигновичахъ по поводу удержанія Кіева. По его мнѣнію, успѣхъ былъ тѣсно связанъ съ подчиненіемъ малороссійскаго духовенства Московскому владыкѣ, какъ новымъ «приводомъ» (предлогомъ) къ дальнѣйшему удержанію Кіева за Москвой [2]). Однако всѣ его доклады объ этомъ и проекты не достигали желанныхъ результатовъ, и, очень понятно, почему. Не менѣе его подчиненія кіевской митрополіи Московскому патріархату желали какъ царь, такъ и Матвѣевъ, который «вседушно» радѣлъ объ этомъ. Но Артамонъ Сергѣевичъ не могъ итти такъ-же прямолинейно и настойчиво въ проведеніи своихъ плановъ, какъ маньякъ теоретическихъ построеній Ординъ-Нащокинъ: онъ хорошо зналъ Малороссію, вкусы ея населенія и высшаго духовенства; ясно видѣлъ и понималъ, что еще не настало время для осуществленія этой одной изъ завѣтныхъ идей московскаго государства; потому онъ и рѣшилъ сначала подготовлять для столь важнаго дѣла почву, умѣло и осторожно, но тихо и незамѣтно пріучая малороссійское духовенство къ подчиненію московскому владыкѣ [3]). Несмотря

---

[1]) «Очерки изъ ист. Малор.» Эйнгорна. Стр. 596.

[2]) «Рус. Мысль». Сентябрь. 1901. Стр. 53.

[3]) Павла Матвѣева. Статья въ «Рус. Мыс.» Сент. 1901 г. стр. 54. При сравнительной оцѣнкѣ дипломатической политики Матвѣева и Ордина-Нащокина мы все время стоимъ на выводахъ Павла Мат-

на всѣ неудачи Аѳанасій Лаврентьевичъ твердо стоялъ на своемъ, и даже тогда, когда ему стало извѣстно, что александрійскій патріархъ отказался хлопотать за подчиненіе кіевской митрополіи московскому патріархату. Въ Малороссіи же распространялось недовольство противъ такихъ замысловъ Ордина-Нащокина, и какъ результатъ опасеній высшаго духовенства, нужно, пожалуй, считать тѣ просьбы Иннокентія Гизеля о независимости Кіево-Печерскаго монастыря отъ всякаго другого, кромѣ Константинопольскаго патріарха, о которомъ мы уже говорили.

Въ концѣ сентября того же года (1669) въ Москвѣ снова былъ посланецъ отъ Иннокентія Гизеля, староста Печерскаго мѣстечка Ѳеодоръ Предремирскій, пріѣхавшій съ письмами отъ архимандрита, въ которыхъ тотъ благодарилъ государя за жалованныя раньше грамоты, за обѣщаніе оберегать Лавру и все православіе на посольскихъ комиссіяхъ, радовался и надѣялся, что Кіевъ не будетъ «отданъ на искорененіе гонящимъ православіе, но будетъ заступленъ»; кромѣ того сообщалъ, что въ Лаврѣ находятся вещи мстиславскаго епископа Меѳодія, оказавшаго не мало услугъ Москвѣ въ качествѣ ея политическаго агента въ Малороссіи во время смутъ, наступившихъ послѣ Богдана Хмельницкаго († 27 іюля 1667 г.), и просилъ не отдавать этихъ вещей никому кромѣ Лавры, чтобы такимъ образомъ возмѣстить хоть нѣкоторые убытки, причиненные Лаврѣ по винѣ Меѳодія. Обо всемъ этомъ Предремирскій долженъ былъ «словесно бити челомъ и докучать его царскому величеству и господину Артамону Сергѣевичу». Тогда же Предремирскій привезъ государю и Мат-

---

вѣева, а не Эйнгорна, такъ какъ за первыми признаемъ большую силу и убѣдительность.

Въ своемъ же очеркѣ мы потому не входимъ въ разборъ и анализъ этихъ мнѣній, а пользуемся ими лишь какъ готовыми выводами въ виду тѣхъ методовъ изложенія, которые могутъ быть приложимы къ исторической монографіи.

вѣеву письма отъ Александрійскаго патріарха Паисія съ ходатайствами передъ Московскимъ правительствомъ о вспомоществованіи молодой вдовѣ валашскаго господаря Домнѣ Стефанидѣ, временно поселившейся въ печерскомъ мѣстечкѣ и стремившейся въ Москву, вѣроятно, съ тайной надеждой понравиться вдовцу — государю [1]). Къ этимъ просьбамъ присоединилось выпрашиваніе Лаврой у Московскаго Государя самой разнообразной «милостыни», — на печатаніе новыхъ книгъ «Дѣяній» и «Бесѣдъ», «на строеніе начатой колокольни», на возмѣщеніе взятыхъ когда-то у Лавры Московскимъ правительствомъ 200 рублей въ жалованіе ратнымъ людямъ и т. д. Почти всѣ просьбы докучливаго архимандрита были удовлетворены: получилъ онъ 200 золотыхъ на построеніе колокольни, а также заемные 200 руб.; Домнѣ Стефанидѣ разрѣшено было пріѣхать въ Москву, послѣ того какъ въ Малороссійскомъ приказѣ собрали подробныя свѣдѣнія о лѣтахъ и происхожденіи этой дамы; сообщили ему, что къ полномочному послу, Ордину - Нащокину, отправленъ указъ «говорить съ польскими комиссарами по прошенію малороссійскаго духовенства съ прилежаніемъ и вся требованія Св. Лавры исполнити» [2]). Въ послѣднемъ надо видѣть результаты тѣхъ жалобъ въ приказѣ на Аѳанасія Лаврентьевича, которыя стали доходить изъ Малороссіи съ самаго начала вступленія на новую должность Артамона Сергѣевича, и въ частности обвиненія Гизелемъ Нащокина въ томъ, что его «секретныя письма» къ царю были показаны дипломатомъ польскому послу Беневскому [3]). Не вполнѣ были удовлетворены просьбы архимандрита о напечатаніи «Дѣяній»: ему позволено было продавать эту книгу «на Москвѣ», «какою цѣною возможно», но было отказано въ покупкѣ новаго изданія казной, по предло-

[1]) Эйнгорнъ. «Очерки изъ ист. Малороссіи». Стр. 645—646.

[2]) В. Эйнгорнъ. «Очерки изъ ист. Мал.» Стр. 621—622.

[3]) Факты. «Рус. Мысль». Сент. 1901 г. Стр. 56.

женной Гизелемъ цѣнѣ. Дѣленіе же ризъ Меѳодія было совершенно запрещено на томъ основаніи, что послѣдній еще не осужденъ, и только послѣ разсмотрѣнія его дѣла можетъ состояться указъ о вещахъ [1]). Разборомъ писемъ Кіево-Печерскаго архимандрита, равно какъ и разрѣшеніемъ всѣхъ его просьбъ въ положительную или отрицательную сторону, разумѣется, руководилъ начальникъ Малороссійскаго приказа Матвѣевъ, который, какъ мы видимъ, очень искусно преслѣдовалъ и достигалъ примиренія интересовъ Московскаго правительства и Лавры: тамъ, гдѣ можно было сдѣлать какія-либо уступки послѣдней, безъ существеннаго ущерба для казны, онъ удовлетворялъ просьбы архимандрита, желая тѣмъ самымъ поддерживать въ немъ охоту служить Москвѣ въ качествѣ неоффиціальнаго политическаго агента, заботившагося, правда, больше о личномъ обогащеніи и матеріальномъ улучшеніи Лавры, но зато сообщавшаго въ Москву очень полезныя свѣдѣнія о Малороссійскихъ дѣлахъ; тамъ же, гдѣ требованія Иннокентія Гизеля превышали границы возможнаго, онъ мягко и внушительно отказывалъ. Однимъ словомъ, Артамонъ Сергѣевичъ не забывалъ очень мѣткаго принципа: «и волки сыты, и овцы цѣлы», чѣмъ и достигалъ желаемаго успѣха. Вообще же замѣститель Ордина-Нащокина въ Малороссійскомъ приказѣ, въ противоположность ему, умѣлъ ублажать и ласкать малороссійское духовенство, сосредоточивая около Москвы, если не всегда вѣрныхъ, зато полезныхъ политическихъ агентовъ ея въ Украйнѣ.

Съ самаго начала его дѣятельности въ приказѣ черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ забрасывалъ его цѣлыми кипами писемъ. Въ нихъ настойчивый пастырь жаловался на Ордина-Нащокина и просилъ возвращенія церковной утвари, забранной въ Малороссіи московскими воеводами во время бывшаго тамъ бунта, и указывалъ на

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерки изъ ист. Малор.» Стр. 621.

это, какъ на нарушеніе одного изъ условій договора Глуховской рады; кромѣ того архіепископъ съ радостью увѣдомлялъ царя о военныхъ успѣхахъ гетмана Многогрѣшнаго надъ правобережными казаками. Матвѣевъ поспѣшилъ удовлетворить эти просьбы, и немедленно отправилъ къ московскимъ воеводамъ указъ о возвращеніи требуемой утвари и пушекъ. Двадцать девятаго мая 1669 года въ Москвѣ былъ посланецъ черниговскаго архіепископа, игуменъ Ширкевичъ, съ іеромонахомъ Лаврентіемъ и дьякономъ Лукой. Съ послѣднимъ Лазарь Барановичъ прислалъ царю книжку «Утѣшеніе», по случаю кончины царицы Маріи Ильиничны. Ширкевичу былъ оказанъ милостивый пріемъ, и по докладу Артамона Сергѣевича царь щедро наградилъ автора книги [1]). Видимо, Матвѣевъ старался какъ можно благосклоннѣе и великодушнѣе относиться къ просьбамъ Лазаря Барановича, хотя онѣ и были иногда очень обременительны для царской казны. Дальше мы узнаемъ, какой разсчетъ руководилъ имъ въ этомъ. Между тѣмъ Лазарь Барановичъ продолжалъ свою тактику наступленія.

Въ августѣ 1669 года Матвѣевъ получилъ отъ архіепископа очень рѣзкое письмо, въ которомъ тотъ сообщалъ Начальнику Малороссійскаго приказа о своей бесѣдѣ съ гетманомъ Многогрѣшнымъ. „Гетманъ говоритъ мнѣ“, писалъ Лазарь Барановичъ: „я только на твои святительскія слова преклонился къ его царскому величеству и крестъ Господень ему цѣловалъ; я въ той присягѣ вѣрно пребываю, а твое архіерейское слово и милость его величества обѣщанная для чего не сбываются? И твоей святынѣ много докучаю и государю пишу, а ничего изъ того не выходитъ; видно, отъ насъ государь теперь отступился, и на комъ теперь невинная христіанская кровь взыщется?“ [2]),

---

[1]) «Рус. Мысль». Стр. 56—58.

[2]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.» Стр. 644.

Послѣ такого злобнаго привѣтствія Лазарь Барановичъ, давно уже хлопотавшій въ интересахъ Москвы изъ за корыстныхъ цѣлей, сообщалъ, что „басурманскій мечъ уже виситъ на шеяхъ христіанскихъ", проливается невинная кровь христіанская и народъ „приходитъ въ смутительство", а потому необходима немедленная присылка на защиту Малороссіи великороссійскаго войска. При этомъ хитрый архіепископъ не упустилъ изъ виду похлопотать и о своихъ личныхъ дѣлишкахъ; убѣждалъ царя и Матвѣева не медлить съ печатаніемъ его „Трубъ", доказывая, что изданіе въ Москвѣ такой книги принесетъ вѣчную славу государю. Кромѣ того посланецъ архіепископа привезъ къ Артамону Сергѣевичу письмо отъ архидіакона Михаила Лежайскаго, познакомившагося съ начальникомъ Малороссійскаго приказа на Глуховской радѣ и также стремившагося послужить дѣлу Московской политики; тотъ сообщалъ Матвѣеву о происходившихъ тогда въ Украйнѣ событіяхъ. Архіепископу отвѣтили, что сочиненіе его „отдано въ свидѣтельство", а какъ изъ свидѣтельства выйдетъ, о немъ будетъ великаго государя указъ; для того же, чтобы утихомирить немного нетерпѣливость Лазаря Барановича, послали ему государево жалованье; относительно присылки ратныхъ людей по прежнему отвѣтили, что уже посланъ указъ Ромодановскому итти въ Малороссію [1]). Такъ искусно обходилъ Барановича Матвѣевъ, стараясь отстранить его отъ слишкомъ реальнаго посредничества между Москвой и Малороссіей. Мы знаемъ, что вскорѣ послѣ присоединенія ея къ Москвѣ между ея высшимъ духовенствомъ и Московскимъ правительствомъ завязались живыя и разнохарактерныя сношенія, объяснявшіяся настоятельными требованіями времени. Однимъ изъ энергичныхъ и довѣренныхъ агентовъ царя въ Украйнѣ былъ нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновичъ, посвященный

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор». 645—646.

въ епископскій санъ Никономъ въ Москвѣ и нареченный Меѳодіемъ [1]). Сначала этотъ человѣкъ оказалъ очень много услугъ Московскому государству. Но потомъ, обиженный Ординомъ-Нащокинымъ, не съумѣвшимъ и на этотъ разъ привязать къ себѣ очень полезнаго дѣятеля, сталъ распространять въ Украйнѣ ложные слухи о союзѣ въ Москвѣ съ Польшей и уступки ей Малороссіи, впутался въ измѣну Брюховецкаго, былъ арестованъ въ Кіевѣ и отосланъ подъ конвоемъ въ Москву для разбора его дѣла [2]). Матвѣеву пришлось разбирать это запутанное и темное дѣло, съ обвиненіемъ оршанскаго и мстиславскаго епископа, блюстителя кіевской митрополіи да при томъ политическаго агента Москвы въ Малороссіи, въ мало-доказанной измѣнѣ. До самой смерти Меѳодія продержали подъ надзоромъ въ Новоспасскомъ монастырѣ, такъ какъ его возвращеніе въ Малороссію могло вызвать недовольство среди вліятельныхъ въ то время духовныхъ особъ. Тогда-то черниговскій архіепископъ Лазарь Барановичъ и вступилъ въ дѣятельныя сношенія съ новымъ гетманомъ Демьяномъ Многогрѣшнымъ; безпрестанно сообщалъ Начальнику Малороссійскаго приказа о своемъ радѣніи въ пользу Москвы, докучая при этомъ всевозможными просьбами о милостыняхъ и награжденіи его за службу: онъ былъ твердо увѣренъ, что за такія услуги и вліяніе его на Демьяна Игнатьевича политическая агентура въ Украинскихъ городахъ будетъ поручена ему, и никому другому [1]). Однако же Матвѣевъ хорошо зналъ цѣли и ухватки хитраго черниговскаго архіепископа, почему дѣйствовалъ и разсуждалъ совсѣмъ не въ его пользу. Долгимъ опытомъ онъ уже успѣлъ убѣдиться, что представители высшаго малороссійскаго ду-

---

[1]) «Рус. Мысль». 1901 г. Сент. стр. 57.

[2]) Тамъ же, стр. 58. Подробно дѣятельность Меѳодія разобрана у Эйнгорна. «Очерки изъ ист. Малор.» IV, V, XII гл., стр. 99—991.

[1]) См. его дѣятельность у В. Эйнгорна «Оч. изъ ист. Мал.» Гл. III, V, XIII. Стр. 32—1033.

ховенства не могли быть вполнѣ безкорыстными и послѣдовательными слугами Московскаго государства: всѣ они, начиная съ кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, Діонисія Балабана и др. гнули въ политикѣ свою линію и всѣми зависѣвшими отъ нихъ средствами ревниво оберегали права и вольности какъ „значнаго казачества", такъ и своей братіи. А потому мудрый дипломатъ искалъ агентовъ въ другой средѣ, и его выборъ удачно палъ на одного изъ представителей бѣлаго украинскаго духовенства, которое ближе стояло къ народу, ограждало его отъ своеволія казацкой старшины и ея полковниковъ, вмѣстѣ съ мѣщанами и крестьянами „вседушно" тяготѣло къ Москвѣ. Это—иченскій, а потомъ нѣжинскій протопопъ Симеонъ Адамовичъ, ставшій впослѣдствіи полезнымъ политическимъ агентомъ и посредникомъ между Москвой и Малороссіей, и при томъ человѣкъ съ опредѣленнымъ политическимъ кругозоромъ: онъ былъ сторонникомъ Московской политики всеобщаго уравненія, благопріятствовавшей подъему народнаго благосостоянія Украйны, сильно расшатанной смутами и неурядицами [1]). Еще въ концѣ шестидесятыхъ годовъ Адамовичъ не разъ ѣздилъ въ Москву, въ качествѣ обличителя „затѣекъ" Лазаря Барановича, сближался и располагалъ къ себѣ Артамона Сергѣевича, а къ 70-мъ годамъ былъ уже самымъ близкимъ къ нему довѣреннымъ лицомъ. Поэтому-то въ отношеніяхъ къ Лазарю Барановичу Матвѣевъ и пользовался искусной политикой обводовъ и выжиданій: разъ онъ намѣтилъ себѣ серьезнаго политическаго агента въ Малороссіи, которому довѣрялъ и покровительствовалъ, ему приходилось умѣло и постепенно устранять непрошеннаго гостя.

А между тѣмъ заботами и щедростью Начальника Малороссійскаго приказа очень хитро и своекорыстно

---

[1]) «Рус. Мысль». Сент. 1901 г. стр. 59. См. его дѣят. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.» стр. 59—1005.

пользовались многіе представители чернаго духовенства въ Малороссіи и безъ удержу стремились въ Москву, гдѣ они подъ видомъ усердной службы царю и послѣ панегерическихъ проповѣдей съ лестью къ Алексѣю Михайловичу могли получать маетности и подарки. 25 сентября 1670 года въ Москву пріѣхалъ черниговскій архимандритъ Елецкаго монастыря Галятовскій, получившій предварительно рекомендательныя письма къ государю отъ гетмана Многогрѣшнаго и Лазаря Барановича и разсчитывавшій добиться жалованной грамоты на возобновленіе стариннаго монастыря, разрушеннаго татарами. 3-го октября того-же года Галятовскій былъ у государя у руки и произнесъ привѣтственную рѣчь, за льстивость которой говоритъ самое содержаніе. Въ ней хитрый архимандритъ доказывалъ, что престолъ царя Алексѣя Михайловича несравненно драгоцѣннѣе, чѣмъ принадлежавшій нѣкогда Александру Македонскому, съ двадцатью золотыми статуями: это—престолъ «духовный, нематеріальный», такъ какъ онъ поддерживается не двѣнадцатью золотыми статуями, а двѣнадцатью добродѣтелями царя,—вѣрою патріотической, надеждою пророческой, любовію апостольской, мужествомъ мучениковъ, разумомъ учителей, терпѣніемъ исповѣдниковъ, набожностью священнической, богомысленностью пустыннической, смиреніемъ иноческимъ, сердцемъ отъ грѣховъ чистымъ; воздержаніемъ вдовинымъ, плодомъ супружества и т. д. Окончивши свою цвѣтистую рѣчь, Галятовскій преподнесъ государю въ даръ новую книгу «Мессія», за что просилъ щедрой милостыни для «обители Елецкой Божьей Матери». Еще до аудіенціи архимандритъ подалъ въ Малороссійскій приказъ нѣсколько челобитныхъ, въ которыхъ кромѣ основного ходатайства о возстановленіи монастыря, заключались и другія: о пожалованіи елецкой обители «желѣза бѣлаго непокровенныя главы покрытіи, денегъ на починку развалившихся стѣнъ», церковныхъ сосудовъ, облаченій и книгъ. Почти всѣ эти просьбы были исполнены, да кромѣ того

самого Галятовскаго наградили щедрыми милостынями: деньгами на печатаніе «Мессіи», богатымъ парчевымъ на шелку облаченіемъ, разными матеріями на одежду его спутниковъ и пр. Однако же все это не удовлетворяло сребролюбиваго архимандрита: желая добыть себѣ съ легкой московской руки еще чего-нибудь, онъ произнесъ 9-го октября въ присутствіи государя, въ церкви Рождества Пресвятой Богородицы, новую проповѣдь на текстъ: «юноше, тебѣ глаголю: возстани! и сѣдѣ мертвый и начатъ глаголати». Въ ней было изложено ученіе о воскресеніи мертвыхъ и загробной жизни, при чемъ искусный ораторъ распространялся о томъ, что царь Алексѣй Михайловичъ можетъ имѣть твердую надежду на царство небесное, такъ какъ сіяетъ благочестіемъ и добродѣтелями. На другой день послѣ произнесенія этой рѣчи Галятовскій былъ на отпускѣ у государя,—и награжденъ новыми подарками, особенно цѣннымъ изъ которыхъ былъ рыдванъ, съ дышломъ и шлеями (стоившій на наши деньги 425 рублей). Получивъ рыдванъ, архимандритъ немедленно написалъ Матвѣеву записку, въ которой убѣждалъ того исходатайствовать повелѣніе о пожалованіи ему коней къ рыдвану; эта просьба была исполнена. Но неутомимый въ своихъ претензіяхъ Галятовскій заявилъ новую: выпрашивалъ себѣ другой рыдванъ, вмѣсто пожалованнаго, лучшій и меньшій; на этотъ разъ ему, наконецъ, отказали, и дали только двѣ подводы, на которыхъ можно бы было свезти рыдванъ въ Малороссію [1]): Матвѣевъ не выдержалъ до конца назойливости гостя. Такъ настойчиво и безсовѣстно досаждалъ одинъ изъ іерарховъ Московскаго царя, стараясь какъ можно больше выудить изъ государевой казны; а между тѣмъ онъ не получилъ ни одного существеннаго отказа, и уѣзжалъ, вѣроятно, изъ Москвы съ сознаніемъ хорошо розыграннаго плутовства. Разумѣется, въ достиженіи цѣлей

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерки изъ ист. Малороссіи», стр. 667—672.

Галятовскому очень помогли цвѣтистыя и льстивыя проповѣди, распологавшія къ нему религіозно-набожнаго царя, и фиміамы, которые онъ курилъ Алексѣю Михайловичу. Да и Матвѣевъ много способствовалъ тому, не желая оскорблять самолюбія малороссійскаго пастыря, чтобы тѣмъ самымъ не вооружить его противъ Москвы. Подобная осторожность, конечно, имѣла свою долю основанія; но если принять во вниманіе, что архимандритъ Елецкаго монастыря ничѣмъ не выражалъ до того времени хоть сколько-нибудь активнаго участія въ политической дѣятельности малороссійскаго духовенства и заботился исключительно о личномъ обогащеніи, ничѣмъ не мотивируя своего права на московскіе подарки, то щедрость Матвѣева по отношенію къ нему придется признать не совсѣмъ раціональной. На этотъ разъ Артамонъ Сергѣевичъ слишкомъ увлекся своими заботами объ интересахъ украинскаго духовенства, и немного переборщилъ: царская казна несла ущербъ тамъ, гдѣ можно было его избѣжать. Правда, за Галятовскаго говорятъ его литературная извѣстность и ораторское искусство, которыя разумно поощрялись дипломатомъ, но все же награды за нихъ со стороны Московскаго правительства при тогдашнемъ истощеніи государственной казны должны были имѣть предѣлы. Впрочемъ, Матвѣевъ не всегда былъ такъ щедръ и уступчивъ. Съ бо́льшею осторожностью и осмотрительностью отнесся онъ, напр., къ ходатайствамъ игуменовъ Межигорскаго монастыря Ѳеодосія Васьковскаго и выдубицкаго — Ѳеодосія Углицкаго (отъ нихъ посольство въ Москву— 25 февраля 1670 г.). Посланцы Ѳеодосія Углицкаго просили уплаты за взятое въ 1666 году у монастыря сѣно, въ чемъ Матвѣевъ отказалъ, говоря: «не было бы войны и измѣны,—и сѣно не было бы имано». Также неблагосклонно отнеслись къ другому ходатайству Выдубицкаго монастыря о вознагражденіи его за взятыя ратными людьми государя (во время бунта 1668 года) 200 осмачекъ монастырскаго хлѣба, мотивируя этотъ отказъ тѣмъ, что за

убытки и разоренія кого-либо во время брюховетчины московское правительство не отвѣчаетъ, такъ какъ самъ гетманъ Многогрѣшный писалъ раньше, «чтобы все то оставить и тому дать покой». Посольство Ѳеодосія Васьковскаго также окончилось неудачею для игумена. Тотъ требовалъ удовлетворенія за убытки, причиненные во время бунта его монастырю московскими ратными людьми, въ чемъ получилъ отказъ, «потому что война была въ то время». Жаловался кромѣ того Васьковскій на боярина П. В. Шереметева за то, что тотъ во время своего воеводства взялъ изъ Межигорскаго монастыря десять кадей меду,—въ удовлетвореніи чего также отказали, «потому что изъ Кіева расходныхъ книгъ не прислано и дать не по чему». Тогда игуменъ представилъ запись бывшаго воеводы, изъ которой было видно, что тѣмъ взято было изъ Межигорскаго монастыря въ долгъ 130 осмачекъ ржи, цѣною по 1 руб. осмачка; онъ требовалъ уплаты не только за 130 осмачекъ ржи, но также за взятую пшеницу, за коней и за прокормъ ратныхъ людей. Это ходатайство Матвѣевъ рѣшилъ удовлетворить, и то только отчасти: уплатить за все 50 рублей деньгами или соболями на 60 рублей. Къ первой причинѣ такого невыгоднаго для монастыря постановленія, заключавшейся въ Малороссійской смутѣ, присоединилась другая, очень существенная: цѣна, указанная въ записи Шереметева, казалась очень высокою, такъ какъ во время составленія ея въ Кіевѣ была страшная дороговизна. Наконецъ, Васьковскій подалъ челобитную о пожалованіи средствъ на построеніе церкви, на что ему предложили хлопотать объ этомъ у гетмана Демьяна Многогрѣшнаго, руководствуясь слѣдующимъ: хотя по Глуховскимъ статьямъ доходы изъ Малороссіи должны были поступать въ государеву казну, однако подъ тѣмъ предлогомъ, что страна еще не оправилась отъ разоренія, ихъ «сбиралъ на войско» гетманъ, почему на немъ и лежитъ теперь забота

о поддержкѣ «оскудѣвшихъ» монастырей [1]). Итакъ, оба игумена, несмотря на всѣ просьбы и челобитныя, остались не при чемъ: имъ отказывали и подчеркивали несостоятельность личныхъ и безполезныхъ ходатайствъ.

Въ разборѣ ихъ дѣлъ чувствуется государственный глазомѣръ Артамона Сергѣевича: прежде чѣмъ прійти къ положительному или отрицательному рѣшенію въ этихъ вопросахъ, онъ обстоятельно разсмотрѣлъ содержаніе челобитныхъ, ихъ отношеніе ко времени 1666 и 1668 годовъ, справился съ историческими данными этихъ годовъ, начиная съ внѣшнихъ фактовъ и кончая экономическими, произвелъ сравнительную оцѣнку стоимости товаровъ 1670 г. и за два года передъ тѣмъ, удачно воспользовался несоблюденіемъ со стороны гетмана одной изъ глуховскихъ статей, какъ дѣйствительнымъ предлогомъ къ отказу,—и тогда уже положилъ резолюцію.

Нельзя не подчеркнуть здѣсь одной изъ самыхъ существенныхъ чертъ государственной дѣятельности Матвѣева: когда этотъ человѣкъ брался за какое-нибудь дѣло, его не могла увлечь смутная, часто предвзятая мысль, но вниманіе его сосредоточивалось на самыхъ сложныхъ и спутанныхъ комбинаціяхъ вопроса, и ихъ критическая разработка, а затѣмъ безпристрастная оцѣнка давали направленіе его выводамъ, чѣмъ устранялась возможность односторонняго и потому, если не совсѣмъ ложнаго, то по крайней мѣрѣ не очень точнаго и объективнаго рѣшенія.

Полно интереса отношеніе Матвѣева къ нѣжинскому протопопу Симеону Адамовичу, въ которомъ онъ оцѣнилъ, какъ мы уже знаемъ, необходимаго и полезнаго дѣятеля для проведенія московской политики въ Малороссіи. Дѣятельность Адамовича расширяется какъ разъ въ то время, когда Демьяна Многогрѣшнаго, по проискамъ митрополита Іосифа Тукальскаго, подвергли отлученію отъ церкви, при-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерк. изъ ист. Мал.» стр. 678—681.

чиной котораго послужило обвиненіе гетмана въ томъ, будто онъ насильственно присвоилъ себѣ имущество протопопа Романовскаго [1]).

Въ іюнѣ 1670 года Многогрѣшный отправилъ къ царю посольство во главѣ съ Адамовичемъ, съ отписками объ успѣшныхъ дѣйствіяхъ своихъ противъ татаръ и съ просьбами о заступничествѣ въ томъ, чтобы его освободили отъ незаслуженнаго проклятія. Писалъ тогда же гетманъ и Матвѣеву съ ходатайствомъ о содѣйствіи его посланцамъ и сообщеніемъ о посылкѣ ему (Артамону Сергѣевичу) въ подарокъ татарина «для дворовыя услуги» [2]). 12 іюля 1670 г. Адамовичъ съ товарищами прибылъ въ Москву и передалъ въ приказъ письма отъ Барановича, Многогрѣшнаго и Лежайскаго къ Государю, патріарху и Матвѣеву, а также другіе документы [3]). Барановичъ писалъ Матвѣеву о распространившихся въ Малороссіи слухахъ о томъ, будто на посольской коммиссіи, гдѣ тогда былъ Ординъ-Нащокинъ, постановлено возвратить полякамъ Кіевъ, о присылкѣ туда изъ Польши королевскихъ грамотъ, въ которыхъ «король писался кіевскимъ, смоленскимъ, сѣверскимъ, черниговскимъ, а нѣжинцевъ именовалъ своими подданными» [4]); кромѣ того онъ молилъ Артамона Сергѣевича «о тепломъ ходатайствѣ передъ государемъ въ гетманскихъ и его, архіепископа, дѣлахъ», особенно же о печатаніи его «Трубъ» [5]). Однимъ словомъ, черниговскій архіепископъ по прежнему стремился угождать московскому правительству «вѣрной» службой и не забывалъ своихъ личныхъ цѣлей.

Архидіаконъ Лежайскій, посвященный незадолго передъ тѣмъ Барановичемъ въ Новгородсѣверскую архимандрію и сблизившійся съ архіепископомъ настолько, что тотъ хода-

---

[1]) «Русск. Мысль». Сент. 1901 г., стр. 60 (прим.).
[2]) Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.» стр. 701—702.
[3]) Idem., стр. 705.
[4]) Idem., стр. 704.
[5]) Idem., стр. 705.

тайствовалъ передъ царемъ за него, и писалъ въ своихъ письмахъ объ архидіаконѣ: «купно съ нимъ, архіепископомъ, во всѣхъ дѣлахъ государевыхъ труждается»,—этотъ самый Лежайскій успѣлъ уже оказать нѣкоторыя услуги московскому правительству, за что ему была обѣщана отъ имени государя митра. Объ исполненіи этого обѣщанія архидіаконъ и хлопоталъ въ письмѣ къ Матвѣеву [1]).

На другой день послѣ пріѣзда въ Москву послы явились къ государю. Послѣ цѣлованія руки у послѣдняго Матвѣевъ поставилъ Адамовича около царя и разспрашивалъ его о привезенныхъ порученіяхъ [2]). Кромѣ оффиціальнаго доклада протопопъ сообщилъ въ малороссійскомъ приказѣ о сношеніяхъ турецкаго султана съ Дорошенко и Польшей, о Сѣркѣ, о сношеніяхъ новаго кандидата въ гетманы Ханенко со Стенькою Разинымъ и пр.; просилъ, чтобы были освобождены изъ Сибири и другихъ мѣстъ «вязни», т. е. ссыльные, не освобожденные еще со времени Брюховецкаго. О менѣе важныхъ извѣстіяхъ и просьбахъ Адамовича мы уже не говоримъ. Наконецъ, онъ же привезъ начальнику малороссійскаго приказа извѣстный намъ подарокъ гетмана,—татарина, котораго тотъ съ благодарностью принялъ [3]). Ко всѣмъ этимъ ходатайствамъ Матвѣевъ отнесся очень внимательно и предупредительно. Прежде всего онъ обнадежилъ Адамовича въ томъ, что къ константинопольскому патріарху будетъ посланъ вѣрный человѣкъ съ ходатайствомъ о снятіи съ Многогрѣшнаго церковнаго проклятія. Относительно напечатанія «Трубъ» Артамонъ Сергѣевичъ просилъ передать Лазарю Барановичу, что несмотря на недостатокъ бумаги, которая получится изъ за моря только въ Семеновъ день, книгу начнутъ печатать немедленно, чтобы архіепископа «въ семъ

---

[1]) Эйнгорнъ. «Очерк. изъ ист. Мал.», стр. 705.
[2]) Idem., стр. 707.
[3]) Idem. стр. 706.

прилежномъ радѣніи и желаніи обрадовать». Наконецъ, на представленіе Барановича о «вязняхъ» начальникъ приказа сообщилъ, что указано послать на Сумскій Островъ за Викторомъ Загорскимъ, который будетъ немедленно отправленъ для возвращенія всѣхъ «невольниковъ, Брюховецкимъ засланыхъ». Адамовичъ же долженъ былъ отвезти къ черниговскому архіепископу указъ государя о назначеніи его блюстителемъ кіевской митрополіи. Кромѣ того какъ архіепископу, такъ и архидіакону Лежайскому было обѣщано прислать митру и омофоръ,—«милость государскую». Обо всѣхъ благопріятныхъ для гетмана и архіепископа рѣшеніяхъ московскаго правительства протопопъ отправилъ въ Малороссію со своимъ племянникомъ Юріемъ Павловымъ письма: Многогрѣшнаго онъ обнадеживалъ «царскою неизрѣченною милостію къ его вельможности и совершенною любовью къ нему ходатая скораго и пріятнаго Артамона Сергѣевича», а Барановичу обѣщалъ докучать Матвѣеву о немедленномъ исполненіи указа печатать «Трубы» до тѣхъ поръ, пока не уѣдетъ изъ Москвы [1]). Такъ увѣренно разсуждалъ Адамовичъ, руководствуясь своей близостью къ начальнику малороссійскаго приказа и расположеніемъ къ нему послѣдняго. И дѣйствительно, вскорѣ послѣ этихъ сообщеній Матвѣевъ энергично принялся за исполненіе своихъ обѣщаній. Уже 15 іюля къ патріарху Меѳодію послана была государева грамота съ ходатайствомъ о томъ, чтобы съ Демьяна Игнатьевича было снято проклятіе и прислано патріаршее благословеніе, а также требованіемъ наказать клеветника Романовскаго. 11 августа изъ сибирскаго приказа посланы были въ сибирскіе города граматы съ указомъ о розыскѣ ссыльныхъ и присылкѣ ихъ въ Москву; относительно же Виктора Загорскаго еще раньше, 21 іюля, изъ малороссійскаго приказа было отписано о присылкѣ «пристава съ граматою по

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерки изъ ист. Малорос.», стр. 708.

Виктора Загорскаго», котораго «везти къ Москвѣ со всею рухлядью на подводахъ наспѣхъ» [1]). Отсюда мы видимъ, какъ усердно и заботливо относился Артамонъ Сергѣевичъ къ хлопотамъ иченскаго протопопа, желая поощрять его неутомимую дѣятельность, искреннюю и рѣдкую преданность московскому правительству, и тѣмъ самымъ все больше и больше привязывалъ его къ себѣ. Настойчивымъ просьбамъ Адамовича Матвѣевъ уступалъ даже тамъ, гдѣ требовалась осторожность и проволочки: онъ, напр., согласился на назначеніе блюстителемъ кіевской митрополіи Лазаря Барановича, по отношенію къ которому до тѣхъ поръ держался системы обходовъ. Вѣстями объ этомъ черниговскій архіепископъ былъ очень обрадованъ и, вѣроятно, уже тайно мечталъ о возможности захватить въ свои руки политическую агентуру и тѣмъ самымъ порвать прочно установившуюся связь между Адамовичемъ и Матвѣевымъ. Но онъ горько ошибался въ своихъ разсчетахъ: протопопъ былъ не такъ недальновиденъ, какъ ему казалось. Еще до отъѣзда того изъ Москвы въ столицу явились посланцы изъ Запорожья отъ Ханенко, которыхъ встрѣтили не особенно дружелюбно: упрекнувъ ихъ въ томъ, что Ханенко пишется гетманомъ, а не кошевымъ атаманомъ и Многогрѣшнаго именуетъ Сѣверскимъ, а не совершеннымъ гетманомъ, Артамонъ Сергѣевичъ передалъ запорожцамъ указъ о повиновеніи прежнему гетману, съ запрещеніемъ выбирать другого. Къ Ханенко же послана была царская грамота съ такимъ же точно указомъ и спискомъ съ государевой грамоты къ константинопольскому патріарху Меѳодію, что и было вручено Адамовичу для передачи Многогрѣшному. Всѣ эти бумаги протопопъ отправилъ гетману, при чемъ не забылъ подчеркнуть послѣднему, что его просьбы исполнены лишь «за ходатайствомъ теплымъ господина Артамона Сергѣевича»: «онъ о гетманѣ и о всей Малороссіи всегда передъ пре-

---

[1]) Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.» стр. 710.

столомъ царскимъ, яко о чадахъ убивается» [1]). Таковъ заключительный актъ выполненыхъ полномочій усерднаго агента. Однако же теперь Симеонъ Адамовичъ хлопоталъ не только о чужихъ интересахъ: не забывалъ онъ и себя. 16 іюля онъ подалъ въ приказъ челобитную, въ которой напоминалъ, что еще въ 1661 году государь пожаловалъ его вмѣсто иченской на нѣжинскую протопопію, гдѣ онъ въ продолженіи девяти лѣтъ вѣрно служилъ московскому правительству, а между тѣмъ въ 1669 г. заочно «ни за какія крамолы свои и невѣстимо про что отставленъ отъ церкви и отъ протопопства»; и просилъ, чтобы за его «вѣрную и кровавую службу» государь распорядился о водвореніи его въ нѣжинскую протопопію. Кромѣ того Адамовичъ позаботился и о вознагражденіи себя за убытки, понесенные во время бунта 1668 года. Всѣ эти просьбы немедленно удовлетворены. 25 іюля 1670 г. государь повелѣлъ ему быть по прежнему въ Нѣжинѣ въ протопопахъ и пожаловалъ государевымъ жалованіемъ за «протори» и «убытки» столько, сколько у него взято въ измѣну Ивашки Брюховецкаго [2]). Облагодѣтельствованный и обласканный въ Москвѣ, Адамовичъ возвратился въ Украйну. И тогда-то Лазарь Барановичъ понялъ, какъ онъ глубоко ошибся, довѣривъ этому человѣку хлопоты объ интересахъ своихъ и гетманскихъ: онъ разсчитывалъ отстранить протопопа отъ политической дѣятельности въ Москвѣ, а теперь приходилось еще больше считаться съ удачникомъ, укрѣпившимъ свое вліяніе у Матвѣева и получившимъ болѣе отвѣтственный постъ—нѣжинскую протопопію. Къ тому же Черниговскаго Архіепископа озадачивало и другое обстоятельство: благодаря хлопотамъ протопопа ему обѣщано было блюстительство кіевской митрополіи, а между тѣмъ съ назначеніемъ его медлили. А это объясняется обычною тактикой и осторож-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 710.

[2]) Idem., стр. 710—712.

ностью предусмотрительнаго дипломата: въ виду происходившихъ въ Мигновичахъ переговоровъ съ польскими комиссарами, Ординъ Нащокинъ нуждался въ содѣйствіи Іосифа Тукальскаго, между тѣмъ какъ немедленное назначеніе Лазаря Барановича могло бы оттолкнуть отъ начальника посольскаго приказа этого іерарха [1]).

Правда, что уже съ самаго начала 1670 года обнаружилось полное разномысліе въ политикѣ двухъ дипломатовъ, и началась принципіальная борьба, которой Матвѣевъ преслѣдовалъ цѣль устранить вмѣшательство непрошеннаго гостя въ малороссійскія дѣла [2]) и потому, казалось бы, ему нечего было считаться съ интересами Нащокина, но обычная осторожность и выжиданіе брали верхъ. Между тѣмъ вліяніе Адамовича въ Москвѣ быстро растетъ, и дѣятельность Артамона Сергѣевича цѣпко сплетается съ агентурой перваго, такъ что трудно разбирать одну безъ связи съ другою. Скоро въ Украйнѣ поняли, что нѣжинскій протопопъ пользуется «на Москвѣ» большою силой, почему къ нему и спѣшатъ докучливые просители съ мольбами о различныхъ ходатайствахъ передъ начальникомъ малороссійскаго приказа. Такъ напр., посланецъ гетмана Иванъ Быховецъ настойчиво упрашивалъ Адамовича похлопотать за него передъ Матвѣевымъ о жалованной грамотѣ на маетности, что Адамовичъ охотно исполнилъ и, по обыкновенію, добился успѣха [3]). Въ августѣ 1670 г. нѣжинскій мѣстный писарь Филиппъ Васютинскій получилъ царскую подтвердительную грамату на село Шатрищи, которымъ завладѣлъ корыстолюбивый Барановичъ, но несмотря на это

---

[1]) «Рус. Мысль». 1901 г. Стр. 62.

Объ отношеніяхъ Тук. и Орд.-Нащ. См. Эйнгорнъ. стр, 712 — 720. Впрочемъ, Арт. Серг. постепенно устранялъ Тукальскаго и скоро уже Барановичъ началъ «вѣдать духовенство той части подвластной государю Малороссіи, которая не входила въ составъ Черниговской епархіи»

[2]) «Русск. Мысль». Сент. 1901 г. стр. 65.

[3]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.», стр. 717. (прим. 554)

архіепископъ не только «чинился великаго государя граматамъ и указу противенъ», но даже началъ отнимать у писаря другія маетности. Тогда Васютинскій снова ходатайствовалъ о защитѣ передъ Московскимъ правительствомъ, и особенно въ письмахъ къ Матвѣеву. Въ Москвѣ отнеслись къ дѣлу писаря, «доброхота государева», очень благосклонно; къ гетману и архіепископу были посланы царскія граматы съ указомъ о возвращеніи Васютинскому маетностей. Но ничто не дѣйствовало на Барановича: Шатрищи оставались по прежнему за черниговскою каѳедрою [1]). Такъ неудачно и окончилась оборона московскаго доброхота отъ корыстолюбія вліятельнаго черниговскаго архіепископа. Не мало усердія въ этомъ дѣлѣ проявилъ неутомимый Адамовичъ, хлопотавшій за хорошо извѣстнаго ему писаря передъ Матвѣевымъ; его просьбы были вполнѣ оцѣнены, но также оказались безполезными; видимо, не легко было бороться съ мѣстнымъ вліяніемъ Лазаря Барановича, да къ тому же и Артамонъ Сергѣевичъ былъ врагомъ слишкомъ крутыхъ мѣръ. Хорошо зная вкусъ своихъ сородичей—малороссіянъ, Адамовичъ умѣлъ угождать имъ и тѣмъ привязывать къ себѣ населеніе. Поэтому, во время пребыванія въ Москвѣ, онъ не упустилъ изъ виду выхлопотать черезъ Матвѣева соболиной и всякой другой казны, которую, по возвращеніи въ Украйну, роздалъ въ подарки всѣмъ наиболѣе вліятельнымъ тамъ лицамъ, начиная съ генеральнаго писаря Павла Мокріевича и особенно поощряя мѣстное духовенство; постарался привлечь на свою сторону даже злѣйшаго своего врага—черниговскаго архіепископа, напоминивъ Артамону Сергѣевичу о необходимости поскорѣе сдѣлать обѣщанную уже Лазарю Барановичу митру и обрадовать «архіерея Божія» скорымъ напечатаніемъ «Трубъ». Понятно, что и нерѣшительный Многогрѣшный, прежде сносившійся обо всемъ съ черниговскимъ архіепископомъ, по-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерк. изъ ист. Мал.», стр. 723—724.

слѣ того какъ Адамовичъ удачно выполнилъ всѣ возложенныя на него порученія и тѣмъ самымъ пріобрѣлъ рѣдкую популярность, совершенно подчинился стойкому протопопу, слушая всласть его совѣты, чѣмъ безъ хвастовства могъ гордиться нѣжинскій протопопъ и совершенно искренно писать Матвѣеву: «гетманъ Демьянъ Игнатьевичъ царскому величеству истиненъ и ко мнѣ крайняя его милость, въ сладость совѣтовъ моихъ слушаетъ; только и совѣту здраваго, что со мною, извѣстная и тайная объявляетъ мнѣ, а я, господине, ни къ какому уму не привожу, только всегда милостію царскою обнадеживаю» [1]). Однако же не всѣ были расположены къ Адамовичу: находились въ Украйнѣ и такіе люди, которые завидовали быстрому возвышенію протопопа и его близости къ Московскому Двору; обвиняли его въ томъ, что онъ сдѣлался протопопомъ въ Нѣжинѣ не по избранію, а по назначенію изъ Москвы, стали называть его «москалемъ», «царскимъ» (протопопомъ). Желая смягчить немного такіе толки среди украинскаго населенія и оправдаться въ его глазахъ, Адамовичъ ходатайствовалъ передъ Матвѣевымъ о государевой жалованной грамотѣ на нѣжинскую и иченскую протопопію и писалъ дипломату: «пусть завистникамъ на большое посрамленіе, а любящимъ Бога и послушающимъ праведнаго царя нашего на утѣшеніе та грамота будетъ». Артамонъ Сергѣевичъ позаботился о возможно скорѣйшемъ исполненіи этой просьбы: Адамовичу послали государеву жалованную грамоту, въ которой нѣжинскому магистрату давали знать, что тотъ получилъ протопопію отъ архіепископа Лазаря Барановича по совѣту съ гетманомъ [2]). Разрѣшеніе этого вопроса въ положительную сторону кромѣ личнаго характера, заключавшагося въ поощреніи энергичной и полезной дѣятельности протопопа въ пользу Московскаго правительства, имѣло и

---

[1]) Эйнгорнъ. См. прим. предш. стр.

[2]) Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 724—725.

обще-государственное значеніе: оно оправдывало политическаго агента въ глазахъ малороссійскаго населенія и тѣмъ самымъ устраняло возможность лишнихъ недоразумѣній и волненій въ Украйнѣ, отъ которыхъ и безъ того уже чаша переполнилась; оно было ручательствомъ за возможность болѣе прочной и послѣдовательной привязанности народа къ протопопу и тѣмъ самымъ за большую податливость малороссіянъ къ его московской политикѣ. Таковы, надо полагать, были разсчеты Матвѣева, и за ними нельзя не признать практической опытности и дальновидности мудраго государственнаго человѣка. Жалѣть же о большихъ тратахъ изъ казны на Адамовича и малороссіянъ, утѣшаемыхъ и ласкаемыхъ послѣднимъ, московскому правительству не приходилось: матеріальный ущербъ вполнѣ вознаграждался неутомимымъ трудомъ энергичнаго протопопа. Тотъ же, дѣйствительно, «вседушно» тяготѣлъ къ Москвѣ и не давалъ себѣ отдыха отъ заботъ и хлопотъ въ угоду Московскаго царя и Матвѣева. Не успѣли забыть о ходатайствахъ Адамовича за Лазаря Барановича и Многогрѣшнаго, какъ уже въ декабрѣ 1670 года онъ принялся за другое, важное дѣло. Во время одной изъ бесѣдъ протопопа съ гетманомъ въ Малороссіи присутствовавшіе тогда же братъ Демьяна Василій Многогрѣшный и Матвѣй Гвинтовка жаловались на то, что они не только не получили никакой награды за службу свою въ походѣ противъ Стеньки Разина (подъ Симбирскомъ), но даже были оскорблены стольникомъ Григоріемъ Косаговымъ; при этомъ они грозились уйти на Запорожье, осуществленіе чего могло имѣть очень дурныя послѣдствія, такъ какъ туда въ декабрѣ «пришло казаковъ недобитковъ воровъ Стеньки Разина съ пятьдесятъ человѣкъ».

По поводу этого предусмотрительный Адамовичъ писалъ въ Москву какъ къ Государю, такъ и Матвѣеву. Въ письмѣ къ дипломату хитрый протопопъ началъ съ подходцемъ, какъ обыкновенно дѣлали почти всѣ малороссій-

скіе іерархи: поздравлялъ Артамона Сергѣевича съ новымъ чиномъ, думнымъ дворянствомъ, высказывалъ пожеланіе, чтобы тотъ поскорѣе дослужился и до боярства, просилъ скрывать его письма,—чтобы ихъ «мало кто вѣдалъ», хотя въ нихъ и нѣтъ никакой «худобы». Затѣмъ Адамовичъ сообщалъ о неудовольствіи Василія Многогрѣшнаго и Гвинтовки, убѣждалъ о немедленной присылкѣ какъ имъ, такъ и гетману жалованья, причемъ подчеркивалъ, что особенно цѣнный подарокъ слѣдуетъ прислать первому, чтобы тотъ не ушелъ на Запорожье, и указывалъ даже на то, какіе подарки желательны: «гетману зеленаго бархату, потому что его въ Малороссіи нѣтъ, а черчетого много, соболей и чѣмъ подшить бархатъ, Василью Многогрѣшному и Гвинтовкѣ—денегъ или золотыхъ и на платы и чѣмъ платы подшить» и т. д.; наконецъ, предлагалъ прислать въ Батуринъ стольника Григорія Косагова, для мировой съ В. Многогрѣшнымъ и Гвинтовкой. Всѣ же свои хлопоты объ этомъ протопопъ мотивировалъ такъ: «хочешь ли, государь мой Артамонъ Сергѣевичъ», писалъ онъ, «въ нынѣшнее непостоянство имѣть малороссійскую страну мирну, буди врачемъ, исцѣли язву, утѣшьте поскорѣе, яко отъ отца милосердіе, отъ великаго государя государскимъ жалованьемъ». На отписки Адамовича Матвѣевъ обратилъ самое серьезное вниманіе, и уже спустя мѣсяцъ, когда Гвинтовка пріѣзжалъ въ Москву, съ нимъ было послано за его и Василія Многогрѣшнаго службу, «что они у рѣки Донца воровъ много побили», государево жалованье, и при томъ такое, о какомъ хлопоталъ для нихъ раньше протопопъ. Кромѣ того въ поощреніе заслугъ Адамовича Артамонъ Сергѣевичъ выхлопоталъ для него государеву грамату, съ похвалой за усердную службу: «мы, великій государь», было написано въ ней: «тебя, нашего богомольца, протопопа Симеона, за твою вѣрную службу жалуемъ, милостиво похваляемъ и тебѣ бы впредь намъ, великому государю, слу-

жити и радѣти» [1]). Все это говоритъ за то, что въ отношеніи къ дѣлу В. Многогрѣшнаго и Гвинтовки Матвѣевъ проявилъ обычную свою заботливость и предусмотрительность къ самымъ незначительнымъ, на первый взглядъ, явленіямъ малороссійской жизни. Удаленіе двухъ вліятельныхъ и недовольныхъ казаковъ на Запорожье могло бы раздуть еще болѣе безъ того уже широко охватившую все Поволжье смуту во время Разинскаго бунта, и потому предупрежденіе ихъ угрозъ имѣло большое значеніе для общей политики Московскаго государства. А такъ какъ необузданность казачества, особенно ея корыстолюбивыхъ и непостоянныхъ въ бо́льшей части представителей, скорѣе всего укрощалась золотомъ и богатыми подарками, средства для успокоенія новыхъ мятежниковъ, предложенныя хорошо знавшимъ малороссіянъ Адамовичемъ, должны были быть и въ глазахъ еще болѣе опытнаго въ украинскихъ дѣлахъ Артамона Сергѣевича самыми раціональными. И они, дѣйствительно, достигли своей цѣли: послѣ полученія подарковъ изъ Москвы какъ В. Многогрѣшный, такъ и Гвинтовка утѣшились и утихомирились. Вмѣстѣ съ тѣмъ какъ всякій разъ поѣздки протопопа въ Москву сопровождались полнымъ успѣхомъ и удачей, гетманъ все больше заискивалъ и привязывался къ нему, полагаясь на авторитетъ и силу Адамовича у Матвѣева. Такое отношеніе Многогрѣшнаго къ энергичному политическому агенту часто обнаруживалось очень ярко.

Въ серединѣ декабря 1670 года гетманъ опасно заболѣлъ, такъ что по Малороссіи ходили слухи о его смерти, и снова пошла «шатость». Въ самыя тяжелыя минуты Многогрѣшный призвалъ къ себѣ Адамовича и сказалъ ему: «буде я скончаюсь, имѣйте тщаніе съ братомъ моимъ Василіемъ и съ Гвинтовкою, чтобъ Малороссія послѣ моего живота за непостоянствомъ малороссійскихъ жителей отъ

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 727—729.

великаго государя не отлучилась, а о женѣ моей и о пріятеляхъ будь у великаго государя печальщикомъ за мою къ великому государю вѣрную службу; нѣжинскому же воеводѣ вели жить въ великомъ береженіи». Но хотя Многогрѣшный и очень полагался на должное посредничество между нимъ и Москвой Адамовича, все же онъ хотѣлъ обезпечить будущее Украйны и своего семейства еще прочнѣе,—и потому отправилъ къ государю гонца Исаю Андреева съ отпиской о своей болѣзни и съ письмомъ къ Матвѣеву, котораго умолялъ, въ случаѣ его смерти, быть отцомъ его матери, «любезной» жены и дѣтей, чтобы тѣ послѣ его кончины не волочились по чужимъ дворамъ, а имѣли постоянное пристанище [1]). Такіе факты показываютъ, какимъ высокимъ авторитетомъ и уваженіемъ пользовались въ то время у гетмана и, вѣроятно, у бо́льшей части населенія Украйны не только Артамонъ Сергѣевичъ, но и протопопъ Адамовичъ. Тотъ усердно служилъ московскому государству, а между тѣмъ не переставали осаждать Матвѣева и мало полезные, но очень корыстолюбивые другіе представители малороссійскаго духовенства. Въ концѣ Декабря (1670 г.), напр., знакомый уже намъ Новгородсѣверскій архимандритъ Михаилъ Лежайскій писалъ Артамону Сергѣевичу, что «онъ о всякихъ его царскаго величества дѣлахъ съ архіепископомъ черниговскимъ и съ гетманомъ промышляетъ и впередъ обѣщаетъ», хотя этотъ человѣкъ вовсе не былъ энергичнымъ «промышленникомъ» [2]), и Матвѣеву не было необходимости особенно считаться съ нимъ. Въ концѣ же декабря послѣдній получилъ письмо и отъ Лазаря Барановича, который хитро плакался на то, что замедленіе съ печатаніемъ «Трубъ» можетъ довести его до смерти, просилъ Матвѣева «совершить царскаго величества обѣщанное слово», а также ис-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.» Стр. 732.

[2]) Idem. Стр. 734—735.

полнить всѣ тѣ просьбы, которыя будутъ предъявлены его посланнымъ Хипчинскимъ, при чемъ напоминалъ и о посуленной ему раньше митрѣ. Тогда же и Лежайскій снова закинулъ Артамона Сергѣевича письмецомъ: въ немъ онъ поздравлялъ дипломата съ назначеніемъ въ думные дворяне, подчеркивалъ свою преданность и службу Москвѣ, благодарилъ за присланныя съ Адамовичемъ шляпу и сукно, и въ то же время просилъ новыхъ подачекъ: «прикрылъ ми есми шляпою лѣтомъ отъ солнца, какъ бы еще изволилъ промыслити и отъ стужи нынѣшнія чѣмъ прикрыти, смиренно молю» [1]. Несмотря на несправедливость такихъ навязчивыхъ притязаній Барановичъ и отчасти Лежайскій получили изъ Москвы подарки и обѣщанія; съ рѣшеніемъ же по поводу напечатанія книгъ медлили [2]. Послѣ брака Алексѣя Михайловича на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной (22 Января 1671 г.), въ февралѣ мѣсяцѣ Лазарь Барановичъ отправилъ къ государю отписку, въ которой поздравлялъ царя со вступленіемъ его въ бракъ, высказывалъ красивыя пожеланія всякаго благополучія, благодарилъ за милости царя къ малороссіянамъ и сообщалъ, что во всѣ украинскіе города, села и монастыри разосланы граматы съ указомъ отслужить молебствіе по случаю «всемірной» радости. Кромѣ того писалъ архіепископъ и Матвѣеву, и тутъ ужъ не ограничился выраженіемъ чувствъ, вызванныхъ «всемірной» радостью, но напоминалъ начальнику малороссійскаго приказа о просьбѣ напечатать «Трубы» въ царской типографіи и прислать ихъ автору митру [3]. Въ концѣ февраля Барановичъ и Лежайскій снова принимаются за Матвѣева: первый указывалъ Артамону Сергѣевичу на несправедливости, оказанныя будто бы второму, далѣе распространялся о своихъ чувствахъ по поводу царскаго брака, просилъ принять на-

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.» стр. 747.
[2]) Idem. стр. 748—749.
[3]) Idem. стр. 753.

писанную имъ въ виду «всемірной радости» «книжицу», а также выдать ему грамоту на всѣ выписанныя въ его благословенной грамотѣ маетности; Лежайскій же оправдывался отъ обвиненій, взведенныхъ на него Гизелемъ, который незадолго передъ тѣмъ жаловался на захватъ архидіакономъ чужихъ маетностей, и также просилъ о дарованіи жалованной грамоты на послѣднія. На этотъ разъ просьбы обоихъ были удовлетворены цѣликомъ. Барановичъ получилъ какъ маетности, такъ и желанную митру; Лежайскому нельзя было отказать въ новой жалованной грамотѣ согласно Глуховскимъ статьямъ, и даже спорные Шатрицы, за которыя раньше хлопоталъ Васьковскій, были упомянуты въ числѣ маетностей Новгородсѣверскаго Спасскаго монастыря. Неудачными были для Барановича только дальнѣйшія хлопоты объ изготовленіи митры въ Москвѣ: несмотря на то, что самъ Адамовичъ, которому до сихъ поръ ни въ чемъ не отказывали, писалъ Матвѣеву о возможности этого, тотъ на отрѣзъ отказалъ [1]). Можетъ быть, какъ удачно предполагаетъ Эйнгорнъ, въ этомъ случаѣ начальникомъ малороссійскаго приказа руководило опасеніе подтвердить подобнымъ разрѣшеніемъ нѣкоторыя спорныя привиллегіи малороссійскаго духовенства. Но какъ бы тамъ ни было, а видимо Артамону Сергѣевичу очень трудно было развязаться съ Лазаремъ Барановичемъ, неуклонно направлявшимъ свои виды на политическую агентуру; и потому въ борьбѣ съ этимъ хитрымъ пастыремъ ему пришлось уступать даже тамъ, гдѣ это шло въ разрѣзъ съ основнымъ принципомъ дипломата поощрять преданныхъ Москвѣ дѣятелей: хлопоты мѣскаго писаря Васьковскаго о заступничествѣ за него Артамона Сергѣевича, того самаго писаря, который нѣкогда помѣшалъ черниговскому архіепископу изгнать изъ Малороссіи великороссійскихъ воеводъ и тѣмъ оказалъ большія услуги Москвѣ, окончились, какъ мы

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.» 755—757.

уже знаемъ, полной неудачей,—и опытный дипломатъ оказался безсильнымъ передъ неумолимостью обстоятельствъ. Съ 1670 года Матвѣевъ долженъ былъ остановить свое вниманіе на усердно до того времени служившемъ московскимъ интересамъ Иннокентіи Гизелѣ, и потому сношенія съ Гизелемъ принимаютъ очень оживленный характеръ. 8 января архимандритъ отослалъ въ Москву черезъ воеводу «тайнымъ обычаемъ листъ»; въ которомъ сообщалъ вѣсти о сеймѣ, о королѣ, о томъ, что поляки грозятъ занять Кіевъ и для того изготовили 10000 войска, о положеніи дѣлъ въ Турціи, у крымскаго хана и т. д. Черезъ два дня (10 января) онъ прислалъ Государю новую отписку, а вмѣстѣ съ тѣмъ письмо къ Матвѣеву, которое просилъ сохранить въ величайшей тайнѣ и не показывать никому кромѣ государя и боярина Б. М. Хитрово. Кромѣ прежнихъ сообщеній о положеніи дѣлъ внѣшней политики архимандритъ просилъ Артамона Сергѣевича о томъ, чтобы въ случаѣ если поляки, завладѣвши Кіевомъ, выгонятъ изъ лавры, онъ похлопоталъ о пристанищѣ для него въ московскомъ государствѣ; въ томъ же письмѣ Гизель жаловался на Лежайскаго, вознамѣрившагося вмѣстѣ съ Барановичемъ захватить безо всякаго суда нѣкоторыя принадлежавшія лаврѣ имѣнія, просилъ Матвѣева несклоняться на клеветы послѣдняго и заботиться о защитѣ лавры. 29 января, т. е. спустя двѣ недѣли послѣ этого, Гизель уже прислалъ въ Москву сеймовую конституцію, о чемъ его просили раньше, и вмѣстѣ съ сообщеніемъ новыхъ вѣстей писалъ Артамону Сергѣевичу о своихъ прежнихъ просьбахъ [1]). Всѣ свѣдѣнія, сообщавшіяся Гизелемъ тайнымъ образомъ, во избѣжаніе недовѣрія къ нему со стороны Польши, имѣли очень существенное значеніе для направленія московской политики. Въ Малороссійскомъ приказѣ теперь знали: 1) что поляки рѣшили возобновить войну съ Москвой, пола-

---

[1]) Эйнгорнъ. «Оч. изъ ист. Мал.» стр. 767—768.

гаясь на Ханенко, татаръ, Швецію и римскаго Императора; 2) что казачество западной Малороссіи раздѣлилось: одни— на сторонѣ преданнаго Турціи и Польшѣ Дорошенко, обѣщавшаго подчиниться первой, подъ условіемъ сохраненія за Малороссіей полной свободы; другіе, руководимые Ханенко, согласились бы быть подъ властью Рѣчи Посполитой на самыхъ унизительныхъ и тяжкихъ условіяхъ [1].

Иначе говоря, теперь въ рукахъ московскаго правительства были такія историческія данныя, которыя могли служить новымъ, еще болѣе существеннымъ, чѣмъ раньше, предлогомъ къ удержанію Кіева за Москвой безъ нарушенія основныхъ договоровъ съ Польшей.

Этихъ фактовъ совершенно достаточно для того, чтобы разобраться въ дѣятельности Матвѣева, какъ начальника малороссійскаго приказа, опредѣлить его отношеніе къ Малороссіи и тѣмъ самымъ намѣтить путь, по которому этотъ дипломатъ неуклонно шелъ въ приложеніи къ жизни своей политической и обще-государственной программы. Мы уже говорили, что присоединеніе и укрѣпленіе за Россіей Украйны, а особенно лѣвобережной, были самой необходимой и ближайшей задачей московскаго правительства и вмѣстѣ съ тѣмъ дипломата-націоналиста Матвѣева: возвращеніе потерянныхъ въ тяжелое время юго-западныхъ владѣній Россіи должно считать исконнымъ правомъ ея, а отъ защиты своего права труднѣе всего отказаться. Такова была и политическая философія Артамона Сергѣевича, которая никогда не шла впереди требованій жизни, но всегда имъ гармонировала, что и создавало въ его дѣятельности примиреніе теоріи съ практикой. Характеръ его дѣятельности въ Малороссіи служитъ лучшимъ доказательствомъ этой мысли. Еще до завѣдыванія малороссійскимъ приказомъ, какъ мы уже знаемъ, ясно опредѣлились вкусы и направленіе дипломатіи Матвѣева: уже въ качествѣ

---

[1]) Idem. стр. 768--769.

временнаго посла въ Украйну и Литву онъ проявилъ себя націоналистомъ и человѣкомъ практическаго опыта, а не предустановленной теоріи,—и потому много хлопоталъ и достигъ значительныхъ результатовъ въ укрѣпленіи за Россіей присоединенной къ ней въ 1654 г. Малороссіи. Съ тѣхъ же поръ, когда Матвѣевъ почувствовалъ за собой право единолично и безконтрольно распоряжаться малороссійскими дѣлами въ качествѣ начальника приказа, когда онъ стоялъ на твердой почвѣ, послѣ отставки отъ дѣлъ Ордина-Нащокина, дѣятельность его развернулась во всю ширь и стала развиваться подъ постояннымъ давленіемъ сильной индивидуальности. Съ этого времени Артамонъ Сергѣевичъ сталъ неуклонно стремиться къ укрѣпленію за Россіей Малороссіи, или, говоря его же собственными словами, къ «прицѣпленію естественной вѣтви къ приличному корню». Основная цѣль у начальника Малороссійскаго приказа была; оставалось только найти надежныя и вѣрныя средства, въ чемъ помогли ему опытъ и знаніе жизни. Твердо стоя на необходимости прочнаго укрѣпленія Украйны за Россіей, онъ хорошо сознавалъ, что для дипломата не достаточно формальнаго, теоретическаго отношенія къ дѣлу: долгая практика развила въ немъ убѣжденіе, что какъ бы широки, послѣдовательны и систематичны ни были философскіе принципы государственнаго человѣка, съ какой бы логической ясностью и точностью ни были они построены, успѣха въ приложеніи ихъ къ жизни можно ожидать только тогда, когда при ихъ проведеніи человѣкъ считается съ самыми сложными условіями той среды, гдѣ онъ работаетъ, изучаетъ ее съ самыхъ различныхъ сторонъ, останавливается на всѣхъ мелочахъ жизни, анализируетъ ихъ, разбирается въ нихъ, и потомъ уже примиряетъ свою теорію съ имѣющимися въ рукахъ живыми фактами. Съ такимъ надежнымъ, основательнымъ убѣжденіемъ онъ приступилъ къ работѣ въ Малороссійскомъ приказѣ, и воспользовался всѣми практическими средствами, которыя могли способствовать не

только формальному укрѣпленію лѣвобережной Украйны за Россіей, потому или другому договору, но и дѣйствительному, реальному, основанному на психологіи массъ и отдѣльныхъ личностей. Для достиженія успѣховъ въ своихъ планахъ, Артамону Сергѣевичу пришлось отказаться отъ узкихъ рамокъ дѣятельности исключительно дипломата и расширить свои задачи до самой широкой и разносторонней государственной дѣятельности: мы наблюдаемъ въ Малороссійскомъ приказѣ не оффиціальнаго начальника или теоретика-дипломата, а живого и энергичнаго соціальнаго дѣятеля. Понимая всю сложность внѣшнихъ отношеній своего времени, сознавая непрочность международныхъ договоровъ, наблюдая и изучая причины шатости въ украинскомъ населеніи, Матвѣевъ почувствовалъ необходимость въ вѣрныхъ и надежныхъ посредникахъ между Москвой и Малороссіей: жизнь выдвигала такихъ изъ среды высшаго чернаго юго-западнаго духовенства, и Артамонъ Сергѣевичъ искусно пользовался и привлекалъ къ себѣ наиболѣе даровитыхъ и энергичныхъ представителей его, при чемъ проницательно изучалъ душевную жизнь каждаго изъ нихъ и умѣло обходилъ ихъ не всегда прямую политику. Такими средствами онъ достигалъ того, что около Москвы сосредоточился цѣлый классъ политическихъ агентовъ ея въ Малороссіи, очень полезныхъ лазутчиковъ и не рѣдко энергичныхъ дѣятелей въ интересахъ московской политики; а вмѣстѣ съ тѣмъ искусно устранялись неожиданные для государства удары со стороны хитраго и честолюбиваго большею частью чернаго духовенства. Когда же онъ еще больше познакомился съ жизнью и отношеніями различныхъ общественныхъ классовъ въ Украйнѣ, когда убѣдился въ возможности имѣть лучшихъ и болѣе честныхъ агентовъ изъ среды бѣлаго духовенства, онъ сталъ постепенно и искусно устранять лицъ изъ высшаго духовенства и привязывать къ себѣ новыя силы. Энергичная и почти безкорыстная дѣятельность протопопа Адамовича можетъ слу-

жить лучшимъ показателемъ дальновидности Матвѣева въ этомъ отношеніи. Нечего и говорить уже о томъ, что этотъ выборъ былъ основанъ на чуткомъ пониманіи психологіи украинскихъ массъ: простой протопопъ изъ бѣлаго духовенства ближе стоялъ къ населенію, лучше зналъ его вкусы и стремленія, и потому былъ болѣе полезнымъ и желаннымъ для Артамона Сергѣевича дѣятелемъ. Но организуя такимъ образомъ искусную систему укрѣпленія Малороссіи за Россіей, Матвѣевъ избѣгалъ слишкомъ рѣшительныхъ мѣръ какъ въ проведеніи въ жизнь принциповъ Московской политики, такъ и въ устраненіи всѣхъ тѣхъ историческихъ фактовъ, которые, или шли въ разрѣзъ съ этими принципами, или тормозили ихъ осуществленіе: это—былъ человѣкъ выжидательной и оборонительной тактики, чѣмъ онъ нисколько не проигрывалъ, такъ какъ жизнь не требовала обратнаго. Осторожный и умѣренный въ отношеніяхъ къ полезнымъ и необходимымъ людямъ, Артамонъ Сергѣевичъ былъ такимъ же даже съ тѣми малороссійскими духовниками, которые не дѣлали для Москвы ничего существеннаго, а только устраивали безцеремонные набѣги на московскую казну и истощали ее, насколько возможно; несмотря на совершенно излишнія иногда, какъ мы уже говорили, траты изъ государственной казны, Матвѣевъ и здѣсь много выигрывалъ: онъ умѣло успокаивалъ и устранялъ возможныхъ, часто опасныхъ враговъ, Московской политики. Напомнимъ еще о дѣятельномъ и сердечномъ участіи Артамона Сергѣевича ко всѣмъ ходатайствамъ малороссійскаго населенія по личнымъ дѣламъ, и нашъ взглядъ на дипломата, какъ на широкаго государственнаго дѣятеля въ Малороссіи, получаетъ достаточную обоснованность. Теперь же становится болѣе понятной и разница между отношеніями къ малороссійскимъ дѣламъ обоихъ дипломатовъ: какъ Ординъ-Нащокинъ совершенно игнорировалъ интересы Украйны и ея населенія, порывая тѣмъ самымъ связь съ послѣдней, такъ Матвѣевъ энергично и умѣло

преслѣдовалъ ея интересы въ цѣляхъ общей московской политики, чѣмъ не только сохранялъ прежнюю связь, но развивалъ ее и укрѣплялъ.

Дальше мы будемъ разбирать дѣятельность Артамона Сергѣевича въ посольскомъ приказѣ, назначеніе его въ который тѣсно связано съ отставкой Ордина-Нащокина. Уже съ конца марта 1670 г., т. е. со времени возвращенія Аѳанасія Лаврентьевича со съѣзда въ Мигновичахъ, политика его потеряла вѣру въ глазахъ царя и его вліяніе на общій ходъ дипломатіи окончилось. Благовиднымъ поводомъ къ устраненію Ордина-Нащокина отъ управленія Посольскимъ приказомъ, безъ полнаго «отпуска отъ государственныхъ дѣлъ», послужилъ слѣдующій случай: во время посольской коммиссіи 1669—1670 г. въ Мигновичахъ русскій подданный смолянинъ Курошъ, состоявшій при свитѣ московскаго дипломата, убилъ въ присутствіи польскихъ коммиссаровъ одного поляка за то, что тотъ дурно отзывался о смоленскомъ воеводѣ, бояринѣ кн. И. А. Хованскомъ; коммиссары требовали выдачи Куроша, что не было исполнено со стороны Москвы, несмотря на неоднократные доклады по поводу этого Ордина-Нащокина, которому въ концѣ концовъ пришлось заявить польскимъ посламъ, что дѣло Куроша будетъ разбираться тогда, когда въ Москву съѣдутся изъ Польши полномочные послы для подтвержденія прежнихъ договоровъ [1]). Докладывая объ этомъ государю, Аѳанасій Лаврентьевичъ, какъ съ большой вѣроятностью предполагаетъ Эйнгорнъ, повторилъ свои прежнія жалобы на то, что изъ личной ненависти къ нему враги его вредятъ государственнымъ дѣламъ, такъ что лучше бы было его, ненавидимаго, откинуть отъ дѣлъ. Скоро дѣла Ордина-Нащокина пошли еще хуже. 16 іюня 1670 г. великій государь съ ближними своими боярами слушалъ докладъ Аѳанасія Лаврентьевича, въ которомъ

---

[1]) Журн. Мин. Народ. Просв. 1897 г. ноябрь стр. 157—158.

тотъ проводилъ тенденцію о необходимости строго придерживаться буквы заключеннаго имъ Андрусовскаго договора, а также не отступать отъ посредничества митрополита Іосифа Тукальскаго и Петра Дорошенко, которыхъ онъ надѣялся склонить въ пользу подчиненія кіевской митрополіи московскому патріархату. Царская резолюція шла въ разрѣзъ съ видами и предложеніями Нащокина, результатомъ чего былъ указъ учинить въ Украйнѣ промыслъ у митрополита Тукальскаго и гетмана Дорошенко, пока они не отвратились отъ турка и не приложились крѣпко къ польскому королевству. Впрочемъ этотъ указъ, по настоянію Нащокина, какъ предполагаетъ одинъ изъ изслѣдователей (Павелъ Матвѣевъ), не былъ приведенъ въ исполненіе, такъ какъ тотъ считалъ принятіе въ подданство Дорошенко прямымъ нарушеніемъ Андрусовскаго договора, за непоколебимость котораго твердо стоялъ. Между тѣмъ Матвѣевъ вмѣстѣ съ самимъ царемъ упорно настаивалъ на томъ, что московское правительство ради покоя и тишины въ Малороссіи непремѣнно должно принять подъ высокую руку Государя правобережнаго гетмана, и составилъ въ такомъ духѣ проектъ наказа для переговоровъ съ польскимъ правительствомъ. На этотъ разъ Нащокину еще разъ удалось отстоять свою политику, и онъ не безъ удовольствія писалъ, что царскій указъ (16 іюня 1670 г.) продержался безъ промысла. Но это была уже послѣдняя побѣда настойчиваго дипломата-теоретика. Его значеніе съ каждымъ мѣсяцемъ падало все больше и больше, а вліяніе Матвѣева, какъ государственнаго человѣка, росло параллельно усиленію его близости и родства съ Алексѣемъ Михайловичемъ. 22 января 1671 г. царь вступилъ во второй бракъ съ воспитанницей Артамона Сергѣевича Натальей Кирилловной Нарышкиной, а всего мѣсяцъ спустя, т. е. 22 февраля 1671 года думному дворянину Матвѣеву велѣно вѣдать посольскій приказъ; а ближній бояринъ Ординъ-Нащокинъ устраненъ отъ управленія имъ вмѣстѣ

съ назначеніемъ великимъ и полномочнымъ посломъ въ Польшу. 24 февраля, т. е. спустя два дня послѣ этого Артамонъ Сергѣевичъ доложилъ царю: «указалъ де онъ, великій государь, послать польскому королю грамату объ отпускѣ въ Польшу великихъ и полномочныхъ пословъ— боярина Аѳанасія Лаврентьевича Ордина-Нащокина съ товарищи и въ государевой граматѣ его боярское имя какъ написать? А какъ онъ бояринъ сидѣлъ въ посольскомъ приказѣ и писался въ великаго государя граматахъ въ окрестныя государства: великаго государя его царскаго величества, великій и полномочный посолъ, царскія большія печати и государственныхъ великихъ посольскихъ дѣлъ оберегатель, бояринъ и намѣстникъ Шацкій, — Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ, а оберегателемъ посольскихъ дѣлъ не писать». — Вскорѣ послѣ указа о скоромъ отпускѣ великаго посольства въ Польшу Нащокинъ подалъ царю обширный докладъ о цѣляхъ посольства и средствахъ къ ихъ осуществленію (въ первыхъ числахъ марта 1671 года). Здѣсь Аѳанасій Лаврентьевичъ очень рѣзко и въ то же время темно настаивалъ на необходимости полной его иниціативы въ рѣшеніи дѣлъ на посольскомъ съѣздѣ, указывалъ на свое право требовать нужныя государственныя дѣла изъ посольскаго приказа, предлагалъ снабдить посольство государевыми граматами къ римскому императору и султану турецкому, чтобы въ случаѣ необходимости войти въ сношенія съ этими государями безъ обсылки съ Москвой. Такая неумѣренность и неосторожность въ требованіяхъ, не основанныхъ на дѣйствительномъ правѣ, вызвали большое неудовольствіе и раздраженіе со стороны Алексѣя Михайловича. Къ этому присоединились новыя жалобы на Ордина-Нащокина изъ Малороссіи. Вслѣдъ за представленіемъ вышеупомянутаго доклада (5 марта 1671 года) было получено въ приказѣ донесеніе гетмана Многогрѣшнаго на то, что люди Аѳанасія Лаврентьевича распускаютъ въ Малороссіи слухи, отъ кото-

рыхъ въ странѣ можетъ возникнуть новая смута, такъ какъ не только простые люди, но и самъ онъ, гетманъ, стали опасаться, какъ бы царское величество не изволилъ отдать ихъ въ руки королевскаго величества. Эти жалобы имѣли нѣкоторое основаніе. Дѣло въ томъ, что въ январѣ 1671 года шляхтичъ Иванъ Лубенко, возившій въ 1669 г. письма Тукальскаго къ начальнику посольскаго приказа, въ Мигновичи, а затѣмъ поступившій на службу къ Нащокину, былъ посланъ послѣднимъ къ пріѣхавшему тогда въ Москву посланцу Многогрѣшнаго, Исаю Андрееву, для провѣдыванія вѣстей. Въ бесѣдѣ съ нимъ (Андреевымъ) Лубенко неосторожно сказалъ, что если тотъ не позаботится заранѣе, то быть у нихъ уніи, такъ какъ уніаты стали уже пріѣзжать въ Смоленскъ, гдѣ имъ Московское правительство намѣрено уступить одинъ изъ монастырей. На вопросъ Андреева, откуда исходятъ эти слухи, шляхтичъ отвѣчалъ, что видѣлъ собственными глазами письма о томъ Тукальскаго и Гизеля у боярина Аѳанасія Лаврентьевича. Производство этого дѣла было поручено новому начальнику Посольскаго приказа А. С. Матвѣеву. Начались допросы и очныя ставки. Къ новой жалобѣ на Ордина-Нащокина присоединились прежнія, особенно печерскаго архимандрита Гизеля, о сообщеніи полякамъ его секретныхъ писемъ. 8 марта 1671 года самъ царь допрашивалъ бывшаго начальника приказа, вслѣдствіе чего Аѳанасій Лаврентьевичъ представилъ Алексѣю Михайловичу письмо къ нему Тукальскаго (отъ 9 апрѣля 1670 г.), содержавшее жалобы на упадокъ православія въ Литвѣ, благодаря притѣсненіямъ со стороны поляковъ и проискамъ уніатовъ. Этимъ выяснялось, что болтовня Лубенко не безосновательна и что онъ видѣлъ и читалъ тѣ секретныя бумаги, о которыхъ шла рѣчь. Сначала, такъ какъ это дѣло было признано не особенно важнымъ и осталось безъ серьезныхъ разслѣдованій, Ординъ-Нащокинъ былъ оправданъ и оставленъ при исполненіи своихъ служебныхъ

обязанностей; въ посланной 12 марта государевой грамотѣ гетману было отписано: по розыску оказалось, что бояринъ Аѳ. Лаврентьевичъ во всемъ этомъ дѣлѣ не причемъ, что «плевелосѣятельныя» рѣчи говорилъ Андрееву не боярина человѣкъ, а иноземецъ Ивашка Лубенко, который за свое воровство битъ кнутомъ и сосланъ въ Сибирь. Однако дальнѣйшимъ розыскомъ было обнаружено, что шляхтичъ Лубенко дѣйствительно состоялъ на службѣ у Нащокина и былъ посланъ имъ къ гонцу гетмана, да къ тому же помимо малороссійскаго приказа, вѣдѣнію котораго подлежали всѣ сношенія съ лицами, пріѣзжавшими въ Москву отъ гетмана, а слухи объ усиленіи уніатовъ въ Литвѣ и появленіи ихъ въ Смоленскѣ Лубенко не вымыслилъ, а дѣйствительно вычиталъ изъ секретныхъ писемъ на имя Нащокина. И теперь уже Аѳанасію Лаврентьевичу приходилось разсчитываться за свои, можетъ быть, и не умышленныя погрѣшенія: на этотъ разъ онъ оказался виновнымъ въ распространеніи «плевелосѣятельныхъ рѣчей» по Малороссіи, да сверхъ того въ самовольномъ вмѣшательствѣ въ дѣла малороссійскаго приказа, отъ управленія которымъ былъ устраненъ, и въ неосторожномъ выборѣ своихъ агентовъ. Черезъ пять дней послѣ рѣшенія боярской думой дѣла Лубенко (20 марта 1671 г.) былъ отмѣненъ указъ 28 февраля о немедленномъ отправленіи въ Польшу Ордина-Нащокина въ качествѣ великаго и полномочнаго посла и вмѣсто него былъ посланъ въ Варшаву думный дворянинъ Ив. Ив. Чаадаевъ; тогда какъ тѣ переговоры, которые предстояло вести Аѳанасію Лаврентьевичу, были перенесены на русскій рубежъ, въ Андрусово, чѣмъ московское правительство достигало возможности контролировать произвольную дѣятельность потерявшаго вліяніе боярина. Въ то же время, т. е. въ концѣ мая 1671 года, Артамонъ Сергѣевичъ энергично занимался составленіемъ наказа великому послу, ближнему боярину А. Л. Нащокину, который и положилъ конецъ политической карьерѣ

послѣдняго. Нечего уже много говорить о томъ, что инструкціи этого наказа шли въ разрѣзъ съ самыми завѣтными цѣлями и пріемами дипломата-теоретика: прежде всего ему строго было предписано о иныхъ дѣлахъ, о чемъ въ семъ наказѣ не написано, съ комиссары отнюдь «не слушать» и ни о какихъ дѣлахъ не договариваться, а выслушавъ, писать о томъ дѣлѣ къ великому государю наскоро; категорически было отказано въ присылкѣ на посольство выборныхъ изъ Украйны духовныхъ и мірскихъ людей; относительно Кіева строго внушалось договариваться о томъ, что Кіеву, до перемирныхъ лѣтъ, быть въ сторонѣ царскаго величества; сверхъ того ему нужно было ожидать, что вслѣдствіе пріѣзда въ Москву македонскаго архіепископа Манассіи, съ грамотой отъ Дорошенко, придется вести переговоры съ польскими комиссарами о принятіи Дорошенко въ Московское подданство. Такой наказъ былъ тяжелымъ и послѣднимъ ударомъ для Аѳанасія Лаврентьевича, привыкшаго признавать себя за «единственнаго въ Московскомъ государствѣ промышленника»: ему не оставалось ничего больше, какъ отказаться отъ чести уполномоченнаго посла со связанными руками и ногами. Точныхъ данныхъ о томъ, какъ Ординъ-Нащокинъ отказался отъ званія великаго и полномочнаго посла въ Польшу, мы не имѣемъ. Извѣстно только оффиціальное сообщеніе, 29 іюля 1671 г., о томъ, что ближній бояринъ Аѳанасій Лаврентьевичъ волею Божіею занемогъ, и великій государь, за тою его болѣзней, на съѣздъ его послать не изволилъ, а указалъ послать вмѣсто него окольничаго Василія Семеновича Волынскаго. Весьма вѣроятно, какъ предполагаетъ Павелъ Матвѣевъ, что Нащокинъ сильно болѣвшій зимою 1670 г., могъ опять захворать, вслѣдствіе постигшихъ его неудачъ и огорченій. Отказъ его отправиться на посольскій съѣздъ съ инструкціями отъ Артамона Сергѣевича вызвалъ окончательное удаленіе его отъ государственныхъ дѣлъ: 2 декабря 1671 года, въ день

торжественнаго въѣзда въ Москву польскихъ комиссаровъ, за шесть дней до пріема ихъ государемъ, «царь помазанникъ Божій, отъ руки своея государскія, при всемъ синклитѣ милостиво отпустилъ и всѣ мірскія суеты свободилъ явно Аѳанасія Лаврентьевича». 21 февраля 1672 года послѣдній уже находился въ Крыпецкой пустынѣ, святого Іоанна Богослова, подъ Псковомъ, гдѣ игуменъ той обители Тарасій постригъ его въ монахи, подъ именемъ Антонія [1]). Такъ «неистовый Аѳанасій» окончилъ жизнь смиреннымъ Антоніемъ. Устраненіе его отъ всякаго участія въ дѣлахъ московской политики имѣло два существенныхъ для нея значенія: съ одной стороны,—успокаивалась отчасти Украйна, населеніе которой было враждебно настроено къ прежнему начальнику малороссійскаго приказа и посольскихъ дѣлъ оберегателю, съ другой,—государственная дѣятельность Матвѣева освобождалась отъ лишнихъ осложненій, которыя создавала дипломатія Ордина-Нащокина, расходившаяся съ принципами первой.

Съ этого времени дѣятельность Артамона Сергѣевича принимаетъ еще болѣе широкіе размѣры, такъ какъ завѣдываніе Посольскимъ приказомъ поставило его въ центрѣ всѣхъ внѣшнихъ сношеній въ Московскомъ государствѣ, а отношеніе его къ Малороссіи не измѣнилось и требовало прежней энергичной и разносторонней работы въ малороссійскомъ приказѣ. А потому дальнѣйшее изученіе политики Матвѣева становится болѣе сложнымъ, такъ какъ заставляетъ изслѣдователя слѣдить одновременно и, по возможности, въ постепенной и органической связи за самыми разнообразными явленіями практическихъ распоряженій убѣжденнаго и энергичнаго человѣка, основанныхъ на теоретическихъ принципахъ и въ свою очередь опредѣлявшихъ и развивавшихъ послѣдніе. Въ декабрѣ 1671 года во дворцѣ великаго Государя происходило большое торжество

---

[1]) «Русская Мысль». 1901 г. Сентябрь. Факты. Стр. 67—75.

по случаю пріѣзда въ Москву великихъ и полномочныхъ пословъ его королевскаго величества,—Яна Гнинскаго и Павла Бростовскаго. Вмѣсто Ордина-Нащокина уполномоченнымъ посломъ для переговоровъ съ ними былъ теперь Матвѣевъ. Правда, что онъ имѣлъ тогда только званіе думнаго дворянина, и первое мѣсто на съѣздѣ оффиціально занималъ не онъ, а бояре-князья Юрій Алексѣевичъ [1]) и Димитрій Алексѣевичъ Долгорукіе, почему всѣ отвѣтныя рѣчи польскимъ комиссарамъ исходятъ изъ устъ этихъ бояръ. Но если принять во вниманіе всю предшествовавшую государственную дѣятельность Матвѣева и ея направленіе, а также его положеніе, какъ начальника Посольскаго приказа, то, пожалуй, будетъ совершенно лишнимъ говорить о томъ, что, какъ и на Глуховской радѣ, наиболѣе активнымъ и, можетъ быть, единственнымъ участникомъ этого съѣзда былъ никто другой, какъ Артамонъ Сергѣевичъ. Опишемъ ходъ переговоровъ оффиціально бояръ, а въ дѣйствительности Матвѣева съ польскими комиссарами. Комиссары начали съ жалобъ на сѣверскихъ казаковъ, которые якобы заѣхали въ воеводствѣ Мстиславскомъ и повѣтѣ Кричевскомъ земли по рѣку Сожь и мирному постановленію чинятъ всякія противности; бояре отвѣчали имъ: «объ этомъ уже послано къ гетману Демьяну Многогрѣшному». Затѣмъ послы стали указывать на измѣну Петра Дорошенко и наступленіе на Польскую корону постороннихъ непріятелей, почему великій государь долженъ учинить помощь своими ратными людьми для успокоенія такихъ противностей, по любви къ королю и по утвержденному договору. Послѣ этого русскіе бояре настаивали на необходимости пригласить на съѣздъ выборныхъ изъ малороссійскаго населенія, тѣмъ болѣе, что Многогрѣшный теперь уже прислалъ къ великому государю кіевскаго полковника Константина Солонину съ товарищами, людей честныхъ и разумныхъ: тѣ,

---

[1]) Первый изъ нихъ былъ ближнимъ бояриномъ.

по убѣжденію бояръ, могли бы дать соотвѣтствовавшія разъясненія по поводу поступковъ сѣверныхъ казаковъ, а главное, присутствуя при разрѣшеніи спорныхъ вопросовъ между Россіей и Польшей, сами бы убѣдились въ томъ, что послы заботятся только объ установленіи между двумя державами братскихъ и миролюбивыхъ отношеній. Однако польскіе комиссары отказали въ этомъ, указывая на несостоятельность малороссійскаго народа, на опасность сообщать о родѣ переговоровъ гетману Многогрѣшному, котораго они признаютъ подданнымъ царскаго величества только на время перемирныхъ годовъ,—а какъ послѣдніе пройдутъ, его можно будетъ называть и подданнымъ королевскаго величества. Такъ переговаривались обѣ стороны, и бесѣда закончилась настойчивымъ требованіемъ со стороны польскихъ комиссаровъ: «въ этихъ длинныхъ разговорахъ только время проволакивается, а дѣло не дѣлается; изволилъ бы великій государь учинить тому разрѣшеніе».

Но въ виду осложнившихся внѣшнихъ отношеній въ Московскомъ государствѣ скораго разрѣшенія задачъ съѣзда трудно было ожидать. Въ январѣ 1672 года тѣ же самые польскіе комиссары объявили, что король могъ бы покрыть братской любовью невыдачу, со стороны Москвы, Кіева въ срокъ, если только будетъ назначенъ другой срокъ уступки; затѣмъ они настаивали на необходимости царскому величеству помогать Польшѣ присылкою русскихъ войскъ, въ случаѣ войны съ Турціей, которая къ тому времени ожидалась вслѣдствіе измѣны Дорошенко и перехода его на сторону Турецкаго султана: царь обязанъ это сдѣлать, доказывали послы, во-первыхъ, потому, что турки собираются воевать Польшу за союзъ ея съ Москвою, а во-вторыхъ, царь долженъ помочь и потому, что, когда сосѣдъ погоритъ, и до другого огонь доберется. Не переставали послы требовать, чтобъ назначенъ былъ новый срокъ возвращенія Польшѣ Кіева, на что бояре возражали: «уступимъ вамъ Кіевъ, а турокъ войдетъ въ Украйну, и Кіевъ

сдѣлается гнѣздомъ для турецкихъ войскъ». Тогда же шелъ споръ и о принятіи подъ высокую руку государя Дорошенко. Послы заявили: «царскому величеству нельзя и не годится принять Дорошенко; хотя бы и принялъ, то права на Украйну отъ этого не прибудетъ, потому что и самъ Дорошенко права на нее не имѣетъ; какъ вольно было королевскому величеству поставить его гетманомъ, такъ и перемѣнить вольно, когда того заслуживаетъ. Если королевское величество самъ объявляетъ о его измѣнѣ, то царскому величеству слѣдуетъ помогать на него, а не принимать его. Вѣра греческая не терпитъ никакого утѣсненія и поруганія; притѣснена она самимъ Дорошенко, который платитъ басурманамъ за оборону свою душами христіанскими, всѣ церкви въ вѣчное порабощеніе передаетъ и ко введенію мечетей ворота отворяетъ. Если царское величество возьметъ Дорошенко въ защиту, то война турецкая этимъ не утишится, но еще больше разгорится, ибо турки увидятъ, что владѣнія царскія приближаются къ греческимъ государствамъ, находящимся подъ турецкимъ владычествомъ». Бояре возражали на эту рѣчь польскимъ комиссарамъ и доказывали обратное, т. е. что съ принятіемъ Дорошенко въ подданство Московскаго государства Польша получитъ большую выгоду; «султанъ», говорили бояре «испугается, узнавъ, что Дорошко-подданный царскій, а не королевскій,—подумаетъ, что всѣ соединятся противъ него, и пристанутъ къ нимъ волохи, молдаване и другіе греческой вѣры люди. Испугавшись этого, султанъ не начнетъ войны, какъ прежде султанъ Баязетъ, узнавъ о союзѣ христіанскихъ государствъ, тотчасъ прислалъ просить о перемиріи къ польскому королю Яну-Альбрехту, какъ разсказываетъ хроника Стрыйковскаго». Наконецъ, послѣ долгихъ споровъ съ обѣихъ сторонъ, согласились на слѣдующихъ статьяхъ: 1) оба великіе государя обязуются содержать ненарушимо Андрусовскія и Московскія постановленія, безъ всякаго умаленія и противнаго толкованія; 2) эти тре-

губые прошлые договоры и настоящее четвертое постановленіе подтверждаютъ присягою передъ Св. Евангеліемъ; 3) трудности, которыя явились при исполненіи нѣкоторыхъ статей, напримѣръ, на счетъ Кіева и вспоможенія войсками другъ другу, уладить на комиссіи, имѣющей быть въ іюнѣ 1674 г.; 4) въ случаѣ наступленія турецкаго султана на Польшу, царь помогаетъ королю войсками калмыцкими, ногайскими и другими ордами сухимъ путемъ, и донскими казаками моремъ, также пошлетъ указъ на Запорожье, чтобы тамошніе казаки выходили какъ можно скорѣе въ море, въ возможно большей силѣ, чайками; 5) царь пошлетъ къ султану и хану грамоты, отговаривая ихъ отъ войны съ Польшею; 6) царь запретитъ сѣверскимъ казакамъ давать помощь басурманамъ или Дорошенко; 7) царь позволяетъ шляхтѣ, оставшейся въ Смоленщинѣ, Стародубщинѣ и другихъ мѣстахъ, отъ Литвы присоединенныхъ, возвратиться въ сторону королевскую съ женами, дѣтьми и имуществомъ; 8) римской вѣры людямъ, въ сторонѣ царскаго величества оставшимся, позволяется для богослуженія ѣздить заграницу въ ближніе костелы, а русскимъ людямъ, въ сторонѣ королевской пребывающимъ, вольное употребленіе вѣры греческой; 9) мѣщане и купцы, оставшіеся до сихъ поръ въ Московскомъ государствѣ, по заплатѣ своихъ долговъ, отпускаются въ сторону королевскую, кромѣ тѣхъ, которые сами захотятъ остаться; о тѣхъ же мѣщанахъ, которые живутъ въ боярскихъ и другихъ людей дворахъ, будетъ рѣшено на будущей комиссіи; 10) возвращаются части Св. Древа, взятаго въ Люблинѣ, сколько можно было собрать; возвращаются мощи Св. Калистрата, золото, серебро, утварь и колокола каѳедры смоленской, сколько можно найти; царское величество разошлетъ указы отыскивать всякія книги, дѣла, образа, церковныя утвари и украшенія, и что найдется, возвратить королевскому величеству; 11) сѣверскимъ казакамъ приказано будетъ очистить занятыя ими мѣста въ воеводствѣ мстиславскомъ, повѣтахъ

Рѣчицкомъ и Мозырскомъ, но безъ вознагражденія убытковъ; 12) назначаются по два порубежныхъ судьи въ каждомъ воеводствѣ, повѣтѣ и уѣздѣ [1]).

Всѣ эти переговоры, а также практическіе результаты ихъ, которые выразились въ содержаніи только что перечисленныхъ статей новаго договора, еще больше подтверждаютъ высказанную нами мысль о полной иниціативѣ на съѣздѣ Матвѣева. На самомъ дѣлѣ, въ чемъ заключалась существенная задача требованій русскихъ уполномоченныхъ? Отвѣтъ на это вполнѣ ясенъ: они прежде всего стремились къ удержанію Кіева за Москвой и, по возможности, добивались того, чтобы правобережная Украйна съ гетманомъ Дорошенко во главѣ перешла въ подданство Московскаго царя. А такія требованія стоятъ въ тѣсной связи съ основными принципами дипломатіи Артамона Сергѣевича: онъ-то и былъ самымъ сильнымъ и наиболѣе энергичнымъ агитаторомъ въ этомъ направленіи. Хорошо освѣдомленный съ политикой Польши по отношенію къ Малороссіи, а также о связи Дорошенко съ турецкимъ султаномъ, еще до назначенія въ Посольскій приказъ, черезъ политическихъ агентовъ московскаго правительства въ Украйнѣ, какъ мы видѣли раньше,—Матвѣевъ зналъ, чего онъ можетъ добиваться отъ польскихъ комиссаровъ и какими средствами раціональнѣе всего преслѣдовать свои задачи.

Опасность, угрожавшая Польшѣ со стороны Турціи, послѣ измѣны Дорошенко, служила надежнымъ отводомъ къ дальнѣйшему удержанію Кіева за Москвой: угроза о томъ, что въ случаѣ возвращенія Кіева полякамъ, турокъ войдетъ въ Украйну, и Кіевъ сдѣлается гнѣздомъ турецкихъ войскъ, подѣйствовала на комиссаровъ самымъ желательнымъ для Артамона Сергѣевича образомъ; и по третьей статьѣ договора споры объ этомъ городѣ были отложены до другой комиссіи, назначенной на іюнь 1674 г., иначе

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XII, стр. 395—403.

говоря, Москва могла пока распоряжаться Кіевомъ безъ нарушенія Андрусовскихъ статей больше, чѣмъ въ продолженіе двухъ лѣтъ. Пользуясь неожиданностью предстоявшей войны съ Турціей, переполошившей поляковъ, Матвѣевъ очень искусно закинулъ удочку и насчетъ правобережной Украйны, но такъ какъ связь ея съ Польшей была еще довольно прочной, споры о подданствѣ Дорошенко оказались безплодными. Тѣ уступки со стороны Москвы, о которыхъ свидѣтельствуетъ большая часть статей новаго договора, говорятъ за обычную осторожность и предусмотрительность дипломатіи Артамона Сергѣевича: преслѣдуя интересы политики, онъ не упускалъ изъ виду, что должно считаться и съ противоположной стороной, для мирнаго разрѣшенія самыхъ существенныхъ вопросовъ. Какъ видимъ отсюда, общій характеръ и пріемы дипломатіи начальника Посольскаго приказа остались тѣми же, какими они были въ періодъ его болѣе узкой дѣятельности въ малороссійскомъ приказѣ. Новая дѣятельность Артамона Сергѣевича нисколько не мѣшала его по прежнему разносторонней и сложной работѣ въ послѣднемъ: связь съ Малороссіей оставалась такой же прочной и живой, какъ раньше. Еще до переговоровъ съ польскими послами въ 1671—1672 гг. московское правительство требовало документовъ съ точнымъ описаніемъ допускаемыхъ въ Польшѣ гоненій на православіе, но такъ какъ они не были доставлены, не удалось и добиться новыхъ гарантій православнымъ въ польско-литовскомъ государствѣ. Вслѣдствіе этого юго-западное духовенство съ большой тревогой слѣдило за переговорами между московскимъ и польскимъ правительствами, тѣмъ болѣе, что поляки твердо стояли за Кіевъ, не думая окончательно отказываться отъ него, и даже заявляли, что подданство восточной Малороссіи московскому царю будутъ признавать только «въ перемирные годы», по истеченіи же ихъ можно считать Многогрѣшнаго и королевскимъ подданнымъ. Въ опасеніе за это кіевское духовенство еще въ 1670 г. соста-

вило письмо къ Матвѣеву съ жалобою на то, что при переговорахъ съ польскими комиссарами не выговорена «амнистія» православному духовенству. Въ этомъ письмѣ представители юго-западнаго духовенства оправдывались отъ взводимыхъ на нихъ поляками обвиненій въ возбужденіи бунта среди казаковъ и наущеніи тѣхъ «быть подъ басурманы», высказывали пожеланіе, чтобы Кіевъ навсегда остался за Москвой, а въ случаѣ уступки его польскому королю, необходимо до передачи города особымъ договоромъ охранить неприкосновенность православнаго духовенства, противъ котораго поляки озлоблены не только за двадцатилѣтнюю войну, но также за разореніе въ Кіевѣ костеловъ, по винѣ Меѳодія. Къ этому письму Гизель съ товарищами приложили проектъ статей, которыя необходимо было постановить на комиссіи. Не будемъ говорить о содержаніи этихъ довольно таки требовательныхъ статей, тѣмъ болѣе, что предложенный духовенствомъ проектъ былъ осуществленъ только при супругѣ правнука Алексѣя Михайловича, т. е. спустя 90 лѣтъ [1]). Тѣмъ не менѣе Артамонъ Сергѣевичъ своевременно принялъ въ разсчетъ эти ходатайства юго-западнаго духовенства, и на описанной нами комиссіи хлопоталъ, по возможности, объ осуществленіи требованій въ тѣхъ размѣрахъ, какіе были допустимы положеніемъ дѣлъ, результатомъ чего и была восьмая статья[2]) его договора съ польскими комиссарами, по которой—«русскимъ людямъ, въ сторонѣ царскаго величества оставшимся, вольное употребленіе вѣры греческой». Правда, что такое положеніе звучитъ очень широко и потому неопредѣленно, но во всякомъ случаѣ этой статьей хотя сколько-нибудь гарантировались права православнаго населенія въ польско-литовскомъ государствѣ, и внесеніе ея въ списокъ договора должно признать одной изъ небольшихъ заслугъ

---

[1]) Эйнгорнъ. «Очерки изъ истор. Малор.», стр. 775—776.

[2]) С. М. Соловьевъ. Т. XII, стр. 403.

дипломата, стоявшаго на сторонѣ малороссійскихъ интересовъ. Между тѣмъ какъ улаживались такія серьезныя государственныя дѣла, Матвѣевъ не переставалъ слѣдить за поступленіемъ новыхъ ходатайствъ изъ Малороссіи въ подвѣдомственный ему приказъ, а духовенство ея пользовалось этимъ и по прежнему досаждало его личными просьбами. Такъ, напр., въ февралѣ 1671 г. пріѣхалъ въ Москву «слуга» кіево-печерскаго монастыря Самуилъ Носацкій съ служками Антономъ и Кирилломъ для монастырскихъ дѣлъ; онъ же привезъ челобитныя отъ игуменьи кіево-печерскаго Вознесенскаго дѣвичьяго монастыря Аѳанасіи. Въ одной изъ челобитныхъ игуменья просила милостыни на строеніе сгорѣвшаго отъ пожара храма; въ другой,—молила о пожалованіи для вновь сооружаемой церкви паникадила, богослужебныхъ книгъ, ризъ, вина церковнаго, ладану и воску. Зная, что Артамонъ Сергѣевичъ имѣетъ «у великаго государя дерзновеніе и милость, и ко всѣмъ помощи у него требующимъ милосердіе», Аѳанасія не забыла отписать и къ нему съ просьбою ходатайствовать объ исполненіи ея челобитій [1]). Всѣ ея просьбы были удовлетворены Московскихъ правительствомъ, по иниціативѣ вѣрнаго Малороссіи Матвѣева. Не будемъ говорить о разсчетахъ его въ разрѣшеніи этого дѣла: мы о нихъ уже знаемъ. Приближалось назначеніе Артамона Сергѣевича начальникомъ Посольскаго приказа, тогда же крѣпла и развивалась дѣятельность протопопа Адамовича. 1 февраля 1671 года нѣжинскій воевода Ржевскій послалъ въ Москву съ докладомъ о «словахъ» гетмана Многогрѣшнаго и съ письмомъ къ Матвѣеву стрѣлецкаго пятидесятника Кирилла Митрофанова: это было вызвано гнѣвомъ гетмана и смятеніемъ въ его резиденціи вслѣдствіе ложныхъ слуховъ о томъ, будто государь намѣренъ замѣстить прежняго гетмана Солониной и хочетъ отдать Кіевъ полякамъ. Протопопъ, опасаясь новыхъ возму-

---

[1]) Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 784.

щеній въ Украйнѣ, поспѣшилъ отписать къ начальнику малороссійскаго приказа. Сообщивъ въ своемъ письмѣ къ Артамону Сергѣевичу о причинахъ гетманскаго гнѣва и о его опасеніяхъ, Адамовичъ писалъ: «Демьянъ Игнатьевичъ не вѣритъ моимъ клятвамъ, что государь того не мыслитъ. Бога ради попецытеся, какъ скорѣе посылайте какова умна человѣка отъ великаго государя къ гетману съ граматою, обнадеживая его о Кіевѣ, о границѣ и о Солонинѣ, подайте мнѣ скорѣе руку помощи; пишу я, не опасаясь милости твоей, и не мните, чтобъ то была ложь, самая истинная правда; о себѣ, не хваляся, но истинствуя, пишу, что иного здѣсь въ Малой Россіи надъ меня великому государю пріятна нѣсть. Ради Бога скорѣе кого присылайте, пусть ѣдетъ днемъ и ночью, чтобъ дурна не учинилось». Кромѣ того Адамовичъ просилъ, чтобы въ вознагражденіе за его «худую службишку», его посланцу было дано 10 рублей, который купитъ въ Москвѣ нужные протопопу предметы и выкупитъ у серебренника икону чудотворца Николая, а также, чтобы прислали ему церковнаго вина, такъ какъ въ «Малороссіи не добудешь вина и на вѣсъ золота за войною заднѣпровскою (между поляками,' Дорошенко и Ханенко) нѣтъ привозу изъ Волохъ».

Матвѣевъ исполнилъ совѣтъ Адамовича, такъ какъ немедленное успокоеніе гетмана было очень важной задачей его политики; тотчасъ же послѣ полученія въ Москвѣ письма протопопа состоялся указъ: «послать къ гетману переводчика Григорія Колчицкаго, отпускъ ему съ Москвы сего же часа наспѣхъ». Послѣднему было поручено успокоить Многогрѣшнаго, разспросить его, отъ кого исходятъ лживыя рѣчи, которыя его такъ встревожили; если отъ малороссіянъ, то пусть ихъ накажетъ по войсковому праву, если же отъ кого-либо изъ государевыхъ людей, то пусть объявитъ, отъ кого именно. Въ то же время Артамонъ Сергѣевичъ спѣшилъ показать Адамовичу, что «службишка» того въ Москвѣ очень цѣнится: съ Митрофано-

вымъ протопопу было послано всего въ двойномъ размѣрѣ сравнительно съ количествомъ, указаннымъ въ присланной протопопомъ росписи [1]).

Подобное поощреніе вѣрнаго политическаго агента Москвы имѣло свои основанія: съ одной стороны, это былъ очень полезный и необходимый Матвѣеву человѣкъ, съ другой,—личные вкусы и просьбы его были очень умѣренны и совсѣмъ не походили на то назойливое обираніе казны со стороны высшаго малороссійскаго духовенства, къ которому прибѣгали такіе люди, какъ Лазарь Барановичъ, Лежайскій и другіе, имъ подобные. Еще до пріѣзда въ Батуринъ Колчицкаго Многогрѣшный вызвалъ къ себѣ изъ Нѣжина Адамовича и послалъ его въ Москву для личныхъ переговоровъ съ Матвѣевымъ обо всѣхъ волновавшихъ его вопросахъ. Кромѣ гетмана далъ протопопу порученіе въ Москву и генеральный писарь Карпъ Мокріевичъ, который просилъ его похлопотать въ Малороссійскомъ приказѣ о томъ, чтобы не были взяты пошлины съ товаровъ, посланныхъ его шуриномъ въ столицу на продажу.

Хлопоты Адамовича у Матвѣева увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Карпъ Мокріевичъ добился желаемаго, а Многогрѣшный получилъ черезъ стрѣлецкаго голову Александра Танѣева милостивую грамату, въ которой опровергали слухъ о намѣреніи государя замѣстить прежняго гетмана новымъ—Солониной и убѣждали его по прежнему вѣрно служить царю [2]).

Заботы Артамона Сергѣевича о возможно скоромъ успокоеніи гетмана были очень важны въ то тревожное для государства время: турки и Дорошенко угрожали и безъ того, а тутъ еще Многогрѣшный рѣшилъ,—въ случаѣ сообщенія протопопомъ свѣдѣній о томъ, что государь намѣренъ отдать полякамъ Кіевъ и восточную Малороссію,—

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 812—814.

[2]) Ibidm., стр. 815—818.

«засѣсть», уже не спрашивая разрѣшенія въ Москвѣ, многими людьми Гомель и вступить въ союзъ съ турками [1]). Однако грамата, привезенная Танѣевымъ, не оказала ожидаемаго благотворнаго вліянія на гетмана, который по прежнему продолжалъ возмущать малороссіянъ противъ царя и сноситься съ Дорошенко и Тукальскимъ, орудовавшими въ интересахъ Турціи. Такое поведеніе Многогрѣшнаго вызвало озлобленіе къ нему со стороны генеральныхъ старшинъ съ обознымъ Забѣлою во главѣ. Тѣ, сообщивъ о рѣчахъ гетмана, поручили государеву посланцу просить Матвѣева, чтобы онъ исходатайствовалъ указъ великаго государя связать «того волка», отвезти его въ Москву и не дать ему разорить государевой отчины—Малороссіи. Объ этомъ же хлопоталъ въ Москвѣ протопопъ Адамовичъ. Однако старшины не дождались отвѣта на свои ходатайства со стороны Московскаго правительства: ссылаясь на то, что Демьянъ Игнатьевичъ рѣшилъ немедленно выступить съ войскомъ для соединенія съ Дорошенко, и желая предупредить неизбѣжное въ такомъ случаѣ кровопролитіе, въ ночь на 13 марта (1672 г.) старшины схватили Многогрѣшнаго и отправили его въ Москву съ генеральнымъ писаремъ Карпомъ Мокріевичемъ, который долженъ былъ представить въ Малороссійскій приказъ и арестанта, и обвинительные противъ него пункты. При этомъ старшины хлопотали о низложеніи гетмана и даже предлагали назначить вмѣсто него «боярина изъ великорусскихъ россіянъ», въ искренность чего врядъ ли можно вѣрить; Матвѣеву же, отъ котораго они ожидали больше всего, послали въ подарокъ палашъ турецкой работы [2]).

Послѣ ареста Многогрѣшнаго въ Малороссіи наступили новыя смуты, которыми съумѣли воспользоваться хитрые іерархи, постоянные приспѣшники московской политики. Хоро-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.» стр. 815.

[2]) Ibidm., стр. 826—830.

шо извѣстный намъ Лазарь Барановичъ снова расправилъ свои подрубленныя когда-то Матвѣевымъ крылья, и сталъ впутываться въ русско-малороссійскія отношенія. Въ серединѣ марта онъ отправилъ къ Государю своего посланца «кухмистера пана Григорія Менжинскаго», съ письмомъ, въ которомъ сооообщалъ о стремленіи старшинъ получить отъ государя поддержку, просилъ о присылкѣ «обнадеживательной граматы,—да ею утѣшенные, держалися крѣпкой руки государевой»; въ заключеніе архіепископъ высказывалъ увѣренность, что его увѣщанія будутъ имѣть благотворное дѣйствіе и укрѣпятъ малороссіянъ въ вѣрности.

Не забылъ Барановичъ отписать и къ Матвѣеву, съ просьбой немедленно ходатайствовать передъ государемъ о присылкѣ въ Малороссію кого-нибудь изъ царскаго синклита для того, чтобы скорѣе потушенъ былъ вспыхнувшій пожаръ; при этомъ онъ льстиво писалъ Артамону Сергѣевичу, что обращается къ его «благородію: единому заступнику Малороссіи, такъ какъ, его, яко вѣрнаго и разумнаго, послушаетъ государь». На письмѣ архіепископа къ начальнику малороссійскаго приказа сдѣлалъ приписку и архимандритъ, Михаилъ Лежайскій, просившій у Матвѣева извиненія за то, что не написалъ ему особаго письма, такъ какъ занятъ пріемами гонцовъ, непрестанно приходящихъ къ архіепископу отъ войска запорожскаго, и настаивавшій также на скорѣйшей присылкѣ въ Малороссію «человѣка премудра», при чемъ даже высказывалъ пожеланіе, чтобы государь послалъ самого Артамона Сергѣевича [1]). Но попытки Лазаря Барановича и Лежайскаго и на этотъ разъ не имѣли для нихъ большого успѣха: Адамовичъ по прежнему оставался единственнымъ помощникомъ Матвѣева въ тяжеломъ и сложномъ дѣлѣ русско-малороссійскихъ отношеній. Генеральный писарь отъ имени старшинъ просилъ протопопа ѣхать обратно въ Москву, чтобы помогать «пра-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изд. ист. Малор.», 834—835.

цовати въ томъ, что надлежитъ къ вѣрности его царскаго величества и цѣлости добра посполитаго»; обозный же прямо писалъ, что генеральная старшина поручаетъ нѣжинскому протопопу, между прочимъ, объявить царскому величеству «то, що моглъ вѣдати Демка змѣны». Адамовичъ же, повидимому, не хотѣлъ взять на себя роли обвинителя арестованнаго гетмана, но въ концѣ концовъ уступилъ энергичнымъ настояніямъ генеральнаго писаря. Прежде чѣмъ отправиться изъ Сѣвска протопопъ послалъ письмо къ Матвѣеву съ извѣщеніемъ о своемъ пріѣздѣ и цѣли его, при чемъ старался отклонить отъ себя навязанную ему роль обвинителя, предоставляя доказать измѣну гетмана генеральному писарю, «лучше котораго никто не можетъ вѣдати и который можетъ о всемъ дать отвѣтъ по совѣсти». Несмотря на послѣднее онъ не рѣшался защищать Многогрѣшнаго, а напротивъ признавалъ, что тотъ дѣйствительно замышлялъ измѣну,—что Демьянъ Игнатьевичъ «приложися скотомъ несмысленнымъ и, конечно, хотѣлъ измѣнити». Въ концѣ письма Адамовичъ старался порадовать Артамона Сергѣевича тѣмъ, что въ Малороссіи «смирно и всѣ рады, что безъ кровопролитія такъ сталось». Одновременно съ письмами протопопа малороссійскій праказъ осаждали своими ходатайствами и генеральные старшины: теперь они уже опомнились отъ своей необдуманной горячности и вмѣсто того, чтобы хлопотать о присылкѣ въ Украйну «великороссійскаго боярина», настаивали только на возможно быстромъ избраніи у нихъ новаго гетмана.

Судъ надъ Многогрѣшнымъ состоялся при очной ставкѣ, въ качествѣ обвинителя, протопопа Адамовича, искренно и обстоятельно изложившаго факты измѣны перваго. 16 іюня въ Казачьей Дубровѣ была открыта рада. На ней были внесены нѣкоторыя поправки въ Глуховскія статьи, а вновь постановленными на ней статьями имѣлось въ виду ограничить произволъ гетмана, предупредить захваты казаками отошедшихъ къ Польшѣ земель, также сдѣлать впредь не-

возможною тѣсноту великаго Государя ратнымъ людямъ въ Малороссіи. Новымъ гетманомъ былъ избранъ Иванъ Самойловичъ, приведенный къ присягѣ Барановичемъ, который тотчасъ же послѣ избранія вмѣстѣ съ Адамовичемъ и Лежайскимъ, «облачась въ ризы», отслужилъ благодарственный молебенъ [1]). Охранителемъ порядка на этой радѣ и ея руководителемъ былъ извѣстный уже намъ по Глуховской радѣ бояринъ кн. Г. Г. Ромодановскій. Было бы совершенно лишнимъ повтореніемъ снова входить въ анализъ личности этого человѣка и характеръ его иниціативы при разрѣшеніи основныхъ вопросовъ рады. Теперь мы еще съ большимъ правомъ, чѣмъ раньше, можемъ сказать, что роль Григорія Григорьевича ограничивалась точнымъ выполненіемъ инструкцій начальника малороссійскаго и посольскаго приказовъ: къ прежнему превосходству Матвѣева надъ знатнымъ бояриномъ присоединялись теперь права человѣка, занимавшаго высокій государственный постъ.

Статьи, дополнившія договоръ Глуховской рады, говорятъ намъ за разумно и своевременно принятыя Артамономъ Сергѣевичемъ мѣры къ разрѣшенію вновь назрѣвшихъ малороссійскихъ вопросовъ: ограниченіе произвола гетмана устанавливало большую нормальность въ отношеніяхъ его къ населенію, и въ то же время ставило его въ большую зависимость отъ московскаго государства; облегченіе участи ратныхъ людей въ Малороссіи было ручательствомъ за большій порядокъ въ ней; предупрежденіе захвата казаками отошедшихъ къ Польшѣ земель указывало на предусмотрительную политику дипломата къ соперничавшей съ Россіей сосѣдкѣ; наконецъ, быстрое разслѣдованіе дѣла измѣнявшаго своему долгу Многогрѣшнаго и избраніе въ гетманы Самойловича было ручательствомъ за мирное разрѣшеніе новаго кризиса въ Украйнѣ и залогомъ еще болѣе прочнаго укрѣпленія ея за Россіей въ будущемъ, что теперь

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», 837—850.

осложнялось новыми внѣшними событіями со стороны Турціи. Оцѣнка всѣхъ этихъ необходимыхъ распоряженій Матвѣева лишній разъ подтверждаетъ хорошо извѣстные уже намъ принципы и пріемы его государственной дѣятельности.

Спустя два мѣсяца послѣ описанной рады Артамону Сергѣевичу снова пришлось столкнуться съ неугомонными іерархами, которые, между прочимъ, не сдѣлали рѣшительно ничего важнаго для успокоенія Малороссіи передъ избраніемъ новаго гетмана: Барановичъ и Лежайскій обратились къ Матвѣеву съ просьбой ходатайствовать передъ польскимъ правительствомъ о томъ, чтобы дано было удовлетвореніе ограбленному поляками кіевскому бурмистру Бибикову; и начальникъ Малороссійскаго приказа, на основаніи, надо полагать, прежнихъ традицій, немедленно исполняетъ эту просьбу [1]). Въ то же время завязывается у Матвѣева и новая переписка съ Иннокентіемъ Гизелемъ. Тогда ближайшіе къ Кіеву монастыри находились въ осадномъ положеніи. Поэтому, когда Гизель получилъ государеву грамату съ извѣстіемъ о низложеніи Многогрѣшнаго и предложеніемъ помочь охраненію порядка въ Малороссіи, онъ нисколько не могъ оказать такого содѣйствія московскому правительству, такъ какъ былъ поглощенъ заботами о томъ, чтобы защищать лавру отъ нападеній со стороны поляковъ. По этому поводу онъ и писалъ Артамону Сергѣевичу письмо, отъ 21 іюня 1672 года, въ которомъ оправдывался и извинялся за невозможность принимать участіе въ общей политикѣ, въ виду тяжести личныхъ дѣлъ въ Лаврѣ, и жаловался на несносную жизнь въ послѣдней: «инокамъ и оставшимъ подданнымъ бѣднымъ», говорилъ онъ, «для нужныхъ потребъ на службу посылаемымъ, нѣсть мощно изъ монастыря ходити и потребное устрояти, ниже

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 854 (прим. 246).

сѣети, ниже обрати—волы и кони отъемлютъ и вся, яже къ дѣланію угодна бываютъ» [1]).

Скоро послѣ этихъ сообщеній онъ прислалъ Матвѣеву болѣе обстоятельное письмо съ подробнымъ описаніемъ монастырскихъ бѣдствій, съ мольбой къ государю о заступничествѣ передъ польскимъ правительствомъ, которое должно воспретить грабежи и убійства. Немедленно, по полученіи въ Москвѣ такихъ свѣдѣній отъ Гизеля, къ польскому королю была послана государева грамата съ требованіемъ вознаградить Печерскую Лавру за всѣ причиненныя ей польскимъ войскомъ обиды и убытки и не допускать на будущее время нарушеній Андрусовскаго договора. Отсюда мы видимъ, что Артамонъ Сергѣевичъ строго преслѣдовалъ соблюденіе условій договора со стороны Польши; раньше же мы убѣдились и въ томъ, что такой же строгости въ соблюденіи постановленій договора онъ придерживался и тогда, когда отвѣчающей стороной являлась Россія. Это очень характерно для обозначенія послѣдовательности и твердости принциповъ въ международныхъ отношеніяхъ практика—дипломата. Бѣдствія Печерской Лавры не ограничивались разореніями, которыя ей причиняли внѣшніе враги: внутреннія неурядицы безпокоили ее не меньше.

Въ іюлѣ 1672 года Гизель вмѣстѣ съ отпиской Государю, въ которой благодарилъ за присылку извѣстительной граматы о рожденіи царевича Петра Алексѣевича, отправилъ письмо и къ Матвѣеву съ горькою жалобою на «великое утѣсненіе и поруганіе» отъ «своихъ», а именно «отъ игумена выдубицкаго», т. е. Ѳеодосія Углицкаго. Здѣсь архимандритъ обвинялъ послѣдняго въ захватѣ участка земли, съ нарушеніемъ правъ владѣнія, жаловался на то, что Углицкій «слугъ Печерской Лавры и подданныхъ бьетъ, кровавитъ, разныя обиды имъ творитъ», умолялъ Артамона Сергѣевича не обращать вниманія на неосновательныя при-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 860 (прим. 279).

тязанія того, заканчивалось письмо обычными извиненіями и мольбою о скоромъ ходатайствѣ. Вскорѣ за этой жалобой Иннокентія Гизеля къ Матвѣеву послѣдовала другая. Между разными маетностями, которыми Печерская Лавра владѣла еще въ Польшѣ, одна находилась подъ Могилевымъ. «За поводомъ и приказомъ митрополита о. Тукальскаго о. Василевичъ, архимандритъ Слуцкій», прислалъ въ эту маетность своего намѣстника въ Могилевѣ Климовича, а тотъ выгналъ оттуда Печерскую братію и «отъѣхалъ на архимандрита Слуцкаго старинную маетность» Лавры. У Василевича же ее отобралъ ксендзъ Александръ Котовичъ, писарь Великаго Княжества Литовскаго и «намѣстникъ на бискупство смоленское». По поводу этого захвата поляками имѣнія, принадлежавшаго Лаврѣ, архимандритъ написалъ новую отписку Артамону Сергѣевичу, въ которой старался доказать, что союзъ московскаго государства съ Польшею не можетъ быть прочнымъ. «Разсуди, благородіе твое», писалъ Гизель Матвѣеву: «каково господъ поляковъ желательство и вѣрѣ нашей православной какова любовь, когда отъ церквей Божіихъ отнимаютъ старинныя имѣнія послѣ договора съ его царскимъ величествомъ» [1]). Однако же Артамонъ Сергѣевичъ не могъ тутъ пособить царю, какъ бы ни хотѣлъ: вмѣшиваться въ частныя дѣла польско-малороссійскихъ отношеній было рисковано и, главное, почти всегда безполезно. А между тѣмъ Печерскій монастырь все болѣе и болѣе бѣднѣлъ и вынужденъ былъ чаще прежняго обращаться въ Москву за милостыней. Такъ, напр., еще въ мартѣ 1672 года Гизель прислалъ въ Москву слугу печерскаго монастыря Матвѣя Ѳедорова съ порученіемъ продать въ столицѣ 427 книгъ, разные фруктовые продукты и воскъ. Привезя товары въ Москву, посланецъ архимандрита хлопоталъ о томъ, чтобы ему было разрѣшено продавать ихъ безъ уплаты пошлинъ, составлявшихъ

---

[1]) Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 863—864.

$5^1/_2$% съ объявленной продажной цѣны. Такъ какъ въ таможнѣ на этотъ разъ отказались освободить товары Печерской Лавры отъ пошлины, то Матвѣевъ распорядился уплатить пошлины въ таможнѣ изъ доходовъ находившейся подъ его управленіемъ Галицкой чети, но при этомъ вынужденъ былъ объявить посланцамъ Гизеля, что впредь «тарханщикамъ уже не быть», чѣмъ отмѣнялась льгота, данная Печерской Лаврѣ за 5 мѣсяцевъ передъ тѣмъ [1]). Изъ послѣдняго факта мы видимъ, что Матвѣевъ не считалъ себя въ правѣ отказать монастырю въ дарованной ему раньше льготѣ до тѣхъ поръ, пока она не отмѣнена оффиціально, почему онъ и перенесъ на казну Галицкой чети тяжесть тѣхъ тратъ, которыя до того исходили изъ таможни. Но убѣдившись за 5 мѣсяцевъ несостоятельности мѣръ о тарханщикахъ, можетъ быть, вслѣдствіе чрезмѣрныхъ злоупотребленій правомъ безпошлинной торговли со стороны монастырей, а также въ виду общаго истощенія Государственной казны, Артамонъ Сергѣевичъ воспользовался удобнымъ поводомъ къ тому, чтобы отмѣнить приложеніе этой льготы на будущее время.

Въ августѣ 1672 года турки взяли Каменецъ и кіевляне стали опасаться турецкаго нашествія. Гизель боялся за свой слабо защищенный монастырь, тревожно слѣдилъ за движеніями турокъ, усердно собиралъ «вѣсти» и сообщалъ о нихъ кіевскому воеводѣ. Особенно безпокоила его агитація Дорошенко въ подвластныхъ великому государю малороссійскихъ городахъ. Поэтому, 26 октября онъ вмѣстѣ съ предсѣдателемъ кіевской митрополичьей констисторіи Ѳеодосіемъ Софоновичемъ далъ знать въ Москву Матвѣеву черезъ стрѣлецкаго голову Сипягина, что они «опасны въ малороссійскихъ жителяхъ всякія шатости, въ тѣхъ, которые живутъ въ близкихъ къ Чигирину мѣстахъ, чтобъ на Дорошенковы прелести не склонились и турскаго войска не

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 865.

устрашились»; вслѣдствіе этого они бьютъ челомъ великому государю, «чтобъ изволилъ царское величество въ тѣ мѣста своихъ ратныхъ людей многихъ послать и тѣхъ малороссійскихъ жителей ратными людьми укрѣпить, а безъ ратныхъ людей будутъ тѣ жители во всемъ нетверды». О томъ же часто писалъ въ Москву и Адамовичъ. Послѣдній своевременно воспользовался перемѣной гетмана и поспѣшилъ сдѣлаться такимъ же необходимымъ человѣкомъ у Самойловича, какимъ раньше былъ у Многогрѣшнаго, а новый гетманъ скоро привязался къ нему и охотно проводилъ время въ бесѣдахъ съ протопопомъ. По желанію гетмана, Адамовичъ отписалъ къ Артамону Сергѣевичу, что постоянно убѣждаетъ перваго вѣрно служить государю и потому увѣренъ въ томъ, что Самойловичъ не откажется голову свою за государя сложить и не помыслити измѣны. Сообщалъ также протопопъ Матвѣеву и о бесѣдахъ своихъ съ гетманомъ, при чемъ не забылъ обратить вниманіе дипломата и на свое усердіе. «Богъ да видитъ», писалъ онъ Артамону Сергѣевичу, «убогую службу и радѣніе мое къ царскому пресвѣтлому величеству: многіе гетманы, и архіереи, и полковники, много поглотивъ государскія казны, поизмѣняли и кровопролитіе чинили, а я, убогій червь, а не человѣкъ, какъ началъ, такъ и работаю—Богу и великому государю всячески, елико могу, исцѣляю».

Что касается его полезной для Москвы дѣятельности за это время, то надо отмѣтить сообщавшіяся протопопомъ, въ Малороссійскій приказъ, свѣдѣнія о военныхъ дѣйствіяхъ турокъ и Дорошенко, а также о настроеніи украинскаго населенія [1]); все это было въ высшей степени существеннымъ для принятія московскимъ правительствомъ своевременныхъ мѣръ. Кромѣ того Адамовичъ сообщалъ въ Москву и другія полезныя свѣдѣнія, не имѣвшія характера политическаго, но очень важныя въ практическомъ отно-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.», стр. 878—880.

шеніи. Напр., лѣтомъ 1672 года онъ донесъ Матвѣеву о чрезвычайной дешевизнѣ хлѣба въ Малороссіи, благодаря которой было бы гораздо выгоднѣе государевой казнѣ, если бы запасы, необходимые для расположенныхъ въ Малороссіи великороссійскихъ гарнизоновъ закупались въ ней же, а не доставлялись изъ Великороссіи съ большими издержками. На основаніи этихъ свѣдѣній въ августѣ 1672 г. государь, по докладу начальника Малороссійскаго приказа, указалъ закупить въ Малороссіи для стоявшихъ тамъ великороссійскихъ ратныхъ людей на пятьдесятъ лѣтъ хлѣбныхъ запасовъ, для чего было послано въ Кіевъ, уже въ началѣ сентября, 10,000 рублей [1]). Эта хозяйственная мѣра, основанная на глубокомъ знакомствѣ съ экономической разницей на рынкахъ въ Украйнѣ и Великороссіи, примѣненная послѣ тщательныхъ развѣдокъ и подсчета ихъ результатовъ, подчеркиваетъ еще одну изъ чертъ разносторонней дѣятельности Матвѣева:—его широкій хозяйственный и экономическій глазомѣръ. Ея значеніе лучше всего доказывается тѣми крупными сбереженіями въ государственной казнѣ, которыя она непосредственно повлекла за собой. Какъ разъ въ то время въ Нѣжинѣ происходили распри между воеводой Хрущовымъ, преемникомъ Ржевскаго, и стрѣлецкими головами, при чемъ Адамовичъ долженъ былъ взять на себя посредничество между ними. Еще 2 іюля 1672 года Хрущовъ поссорился на улицѣ со стрѣлецкими головами Радышевскимъ и Трегубовымъ.

Послѣ отписки объ этомъ протопопа въ малороссійскій приказъ, въ Нѣжинъ былъ посланъ князь Бор. Вас. Горчаковъ произвести слѣдствіе. На томъ основаніи, что «у малороссіянъ искони повелось, чтобы священническій чинъ ни въ которомъ свидѣтельствѣ не бывалъ», Адамовичъ отказался быть свидѣтелемъ на допросѣ, вслѣдствіе чего, по предложенію Горчакова, онъ долженъ былъ сообщить са-

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.», стр. 878—880.

мому начальнику Малороссійскаго приказа все, что ему было извѣстно по дѣлу о ссорѣ Хрущова со стрѣлецкими головами. Тогда протопопъ написалъ къ Матвѣеву о томъ, что совершенно ложенъ извѣтъ воеводы, будто «стрѣльцы и головы стрѣлецкіе при немъ, протопопѣ, приходили къ воеводѣ съ шумомъ, хотя его убить», и будто протопопъ, «бороня его, воеводу, отъ смерти, на дворъ его проводилъ»; что касается Трегубова и Радышевскаго, то объ нихъ Адамовичъ писалъ, что они «милостью Божіей разумны и на такое безголовое дѣло, чтобъ противъ воеводы умышлять, не подумаютъ коснуться».

Это письмо было послано въ Москву 23 августа, а 16 сентября уже состоялся указъ о назначеніи въ Нѣжинъ воеводою Апухтина. Смѣна прежняго воеводы новымъ указываетъ на то огромное довѣріе, которымъ до сихъ поръ еще пользовался Адамовичъ у Артамона Сергѣевича: его показаній было совершенно достаточно, чтобы разрѣшить дѣло въ пользу обиженной стороны. Будучи уже отрѣшенъ отъ должности воеводы, Хрущовъ тѣмъ не менѣе около мѣсяца не сдавалъ города Апухтину, что было причиной новой отписки протопопа къ Матвѣеву съ просьбой поскорѣе прекратить воеводскій кризисъ въ Нѣжинѣ. «Бога ради», писалъ Адамовичъ, «воеводу намъ въ Нѣжинъ посылайте добра человѣка. Ст. Ив. Хрущовъ не по Нѣжину воевода, дайте намъ такова, какъ Ив. Ив. (т. е. Ржевскій) и послѣдній бы съ нимъ нынѣ за великаго государя радъ умереть, а съ нимъ (Хрущовымъ) не дай Господи въ осадѣ сѣсть отъ такова непріятеля (турецкаго султана). 5 ноября состоялся новый указъ о томъ, чтобы Хрущовъ немедленно оставилъ Нѣжинъ, а воеводою былъ бы по указу Апухтинъ [1]).

Какъ видимъ, разрѣшеніе вопроса о воеводствѣ въ Нѣжинѣ имѣло не только частный характеръ отношеній въ

---

1) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор», 881—882 стр.

Малороссіи; съ нимъ были также тѣсно связаны обще-государственныя задачи Москвы. Это чувствовали и понимали какъ протопопъ, такъ и Матвѣевъ: первый мотивировалъ свою настоятельную просьбу отозвать нѣжинскаго воеводу Хрущова отъ ввѣренныхъ ему дѣлъ тѣмъ, что этотъ воевода не съумѣетъ отстоять важнѣйшій городъ лѣвобережной Украйны отъ такого непріятеля, какой угрожалъ тогда этой странѣ, т. е. отъ турецкаго султана, о движеніи войскъ котораго нѣжинскій протопопъ спѣшилъ довести до свѣдѣнія начальника малороссійскаго приказа; а тотъ, хорошо понимая угрожавшую опасность со стороны Турціи и признавая необходимымъ обезпечить заранѣе твердость и устойчивость борьбы съ ней, принималъ мѣры къ упорядоченію внутренней жизни въ городахъ лѣвобережной Малороссіи. А между тѣмъ непріятель, дѣйствительно, угрожалъ. Письма протопопа къ Артамону Сергѣевичу за это время полны самыхъ тревожныхъ вѣстей. Адамовичъ сообщалъ, что «не шуткою» турки послѣ завоеванія Крита готовились къ войнѣ, что «и доказалъ безбожный басурманъ», занявъ Каменецъ и другіе города, при чемъ «многіе городы огнемъ и мечемъ попустошилъ, церкви Божіи, крестъ святый обругалъ: кто изрещи можетъ неутомимую жалость и кровопролитіе христіанское!»

Въ послѣдующемъ письмѣ, за этимъ, посланномъ къ Артамону Сергѣевичу со стрѣлецкимъ головою Сипягинымъ, Адамовичъ сообщалъ о томъ, гдѣ находится султанъ со своимъ многочисленнымъ войскомъ, а также крымскій ханъ и «внукъ сатанина угодника» Дорошенко, что «губитель вѣры православной христіанскій митрополитъ Тукальскій безпрестанно посылаетъ къ Дорошенко, чтобъ шелъ подъ Кіевъ, обнадеживая, что мало въ Кіевѣ людей».

Въ виду всего этого протопопъ настойчиво просилъ объ увеличеніи въ Малороссіи числа великороссійскихъ ратныхъ людей, при чемъ краснорѣчиво писалъ начальнику Малороссійскаго приказа: «Бога ради, государь Артамонъ

Сергѣевичъ, заступай насъ у царскаго пресвѣтлаго величества, не плошась прибавляйте силъ въ Кіевъ, въ Переяславль, въ Нѣжинъ и въ Черниговъ: вѣдаетъ твоя милость непостоянство нашихъ людей, лучше держаться будутъ, какъ государскія силы въ тѣ города прибавятъ. Умилосердися, государь Артамонъ Сергѣевичъ, не плошась ходите, сильный непріятель, только у насъ на Христа, его же имя они ругаютъ, да на великаго государя надежда; дастъ ему, государю, Господь побѣду, какъ нѣкогда Константину на Максенція». Въ тотъ же день какъ было отправлено къ Матвѣеву письмо съ просьбою увеличить число великороссійскихъ ратныхъ людей, Адамовичъ получилъ отъ своего «друга полковника переяславскаго» Дмитрашки Райчи извѣстіе объ отступленіи войскъ султана на зимовку къ Дунаю, о чемъ онъ и поспѣшилъ увѣдомить Артамона Сергѣевича. Теперь, какъ мы видимъ, уже нечего было опасаться немедленнаго нападенія турокъ на Кіевъ, однако Адамовичъ продолжалъ настаивать на необходимости скорѣйшей присылки въ Малороссію подкрѣпленій, такъ какъ былъ твердо увѣренъ, что весною 1673 года врагъ всетаки прійдетъ въ Кіевъ, тѣмъ болѣе, что по Украйнѣ распространялись самые тревожные слухи въ разнообразныхъ комбинаціяхъ. Настаивали также на немедленной присылкѣ въ Кіевъ и восточную Малороссію царскихъ войскъ Кіевскій воевода князь Козловскій и гетманъ Самойловичъ, изъ чего Матвѣевъ могъ убѣдиться, что опасенія Гизеля, Софоновича и особенно Адамовича вполнѣ основательны. Вслѣдствіе всего этого, по распоряженію Артамона Сергѣевича, въ Кіевъ немедленно былъ отправленъ бояринъ Ю. П. Трубецкой со многими ратными конными и пѣшими людьми; во многихъ городахъ Украйны были назначены новые, болѣе надежные воеводы; кромѣ того кн. Гр. Гр. Ромодановскому указано было со всѣми ратными людьми подчиненныхъ ему полковъ быть въ готовности такъ, чтобъ

по письму гетмана можно было немедленно выступить на помощь ему [1]).

Такимъ образомъ, при посредствѣ политическихъ агентовъ Московскаго государства въ Малороссіи Матвѣевъ разумно и своевременно подготовилъ лѣвобережную Украйну ко встрѣчѣ новаго врага — Турціи и его отпора. Въ виду предстоявшей войны съ Турціей сношенія Москвы съ Польшей значительно оживились и требовали какъ можно скорѣйшаго установленія между ними мирныхъ гарантій въ цѣляхъ общей борьбы съ врагами. Въ январѣ 1673 года, бывшій въ Москвѣ королевскій посланникъ Іеронимъ Комаръ, въ тайномъ разговорѣ съ окольничимъ Матвѣевымъ и дьяками объявилъ, что султанъ, напавши на Польшу, внезапно принудилъ короля къ тяжкому договору (Бучацкій договоръ). При этомъ онъ сообщалъ Артамону Сергѣевичу, что король ожидаетъ выраженія мнѣній по этому вопросу со стороны Московскаго правительства, чтобы разрѣшить недоумѣніе, слѣдуетъ ли поддерживать условія этого перемирія или порвать съ султаномъ. Тотъ же (Матвѣевъ) доказывалъ, что царь исполнилъ всѣ послѣднія условія договора съ Польшею о помощи, и потому нужно удивляться такому странному вопросу: одному государю безъ другого нельзя заключать мира, ни съ султаномъ, ни съ ханомъ; при этомъ онъ упрекалъ короля за нарушеніе братскихъ и пріятельскихъ отношеній, сообщалъ, что царь обослался съ остальными державами о необходимости соединенія въ одну коалицію противъ Турціи, и говорилъ, что до тѣхъ поръ пока не будутъ получены отвѣты, нельзя высылать противъ врага русской рати. Изъ Польши присылали въ Москву одного посланника за другимъ съ просьбою о помощи [2]), и Артамонъ Сергѣевичъ дѣйствовалъ осторожно и, видимо, его интересы были сосредоточены на

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очерки изъ ист. Мал.», стр. 881—885.

[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. рос. съ др. вр.», стр. 495—498, т. XII.

польско-русскихъ отношеніяхъ только въ такихъ размѣрахъ, какія достаточно ставила необходимость въ виду сохраненія прежняго мира; вся же политика его въ это время была тѣсно связана съ Малороссіей. Дѣло въ томъ, что Бучацкимъ договоромъ съ Турціею Польша первая нарушала одно изъ существеннѣйшихъ условій ея перемирія съ Россіей, а это уже развязывало руки послѣдней. Артамонъ Сергѣевичъ и воспользовался такимъ удобнымъ моментомъ для того, чтобы принять мѣры къ выполненію одной изъ завѣтныхъ цѣлей своей дипломатіи. Мы говоримъ о присоединеніи къ Россіи правобережной Украйны.

Готовилась война съ Турціей, а въ Москвѣ хорошо знали, что Дорошенко и его совѣтники присягнули турку только потому, что считали невозможнымъ подчиниться московскому государю, который, по четвертой статьѣ Андрусовскаго договора, не имѣлъ права принять ихъ подъ свою руку, какъ подданныхъ польскаго короля. Еще въ 1671 году Артамонъ Сергѣевичъ признавалъ возможнымъ начать переговоры съ польскимъ правительствомъ о томъ, чтобы отмѣнена была роковая 4-я статья, но, какъ мы уже видѣли, первая попытка въ этомъ направленіи оказалась неудачною. Когда же нѣсколько мѣсяцевъ спустя польскій король самъ уступилъ Западную Малороссію Турціи по Бучацкому договору, московское правительство рѣшило, что теперь царь Алексѣй Михайловичъ можетъ принять ее подъ свою высокую руку, не нарушая тѣмъ договора. И начальникъ посольскаго приказа разставилъ сѣти по всей Малороссіи: черезъ Самойловича и Адамовича онъ хлопоталъ о томъ, чтобы развѣдать отношеніе къ лѣвобережной Украйнѣ, такъ и правобережной къ этому вопросу; въ то же время черезъ обычныхъ своихъ агентовъ слѣдилъ за военными дѣйствіями Польши и Турціи, за политикой Дорошенко и всѣмъ тѣмъ, что имѣло хоть какое-нибудь значеніе въ малороссійскомъ вопросѣ. Самойловичъ относился къ принятію въ подданство московскаго царя Дорошенко очень

скептически и несочувственно: онъ боялся, что это повлечетъ за собою низверженіе его самого и объединеніе всей Украйны въ рукахъ правобережнаго гетмана. Потому-то онъ хлопоталъ больше о томъ, чтобы открыть противъ Дорошенко военныя дѣйствія, къ чему неоднократно и прибѣгалъ даже безъ царскаго указа на то. Съ другой стороны, Дорошенко не прочь былъ перейти на сторону царя и вступилъ въ энергичныя сношенія съ московскими посланцами. Тѣмъ не менѣе результаты переговоровъ были отрицательны: московское правительство настаивало на прежнемъ раздѣльномъ существованіи двухъ половинъ Украйны, на сохраненіи правъ обоихъ гетмановъ ея и подчиненіи ихъ прежнимъ отношеніямъ къ Москвѣ и центральному правительству, а хитрый Дорошенко стремился къ объединенію всей Малороссіи въ своихъ рукахъ и установленію почти неограниченныхъ правъ и привилегій казачества. Впрочемъ, въ первой половинѣ марта 1674 года вся правобережная Малороссія, за исключеніемъ Чигирина, гдѣ засѣлъ самъ Дорошенко, добила челомъ великому государю, и 17 марта, въ день тезоименитства государя, въ Переяславлѣ состоялась рада, на которой Самойловичъ былъ избранъ гетманомъ обѣихъ сторонъ Днѣпра [1]). Но такое событіе нельзя считать мѣриломъ дѣйствительнаго перехода правобережной Украйны подъ высокую руку государя: въ концѣ концовъ, она всетаки осталась за Польшею, и разрѣшеніе одной изъ основныхъ задачъ Матвѣева еще предстояло въ будущемъ, о чемъ мы теперь не говоримъ, такъ какъ это не связано съ эпохой Артамона Сергѣевича [2]).

---

[1]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Мал.», стр. 956.

[2]) Тамъ же. См. факты. Стр. 888. 890—895. 897—901. 948. 950—961. 965—966. 968. 970—974. 977—987. 991. 995. 1001—1006. Изъ этихъ страницъ читатель можетъ познакомиться съ самой разнообразной дѣятельностью Матвѣева въ Малороссіи за время польско-турецкой войны и сношеній съ Дорошенко. Мы же не останавливаемся подробно на ней, потому, что факты ея, хотя разнообразны, но во мно-

Чѣмъ же объяснить неуспѣхъ опытнаго и энергичнаго дипломата въ хлопотахъ объ удержаніи за Россіей Западной Малороссіи? Конечно, не тѣмъ, что его разсчеты не соотвѣтствовали требованіямъ жизни и не могли имѣть въ ней мѣста: наоборотъ, Москвѣ необходимо и совершенно своевременно было добиваться возвращенія своихъ старинныхъ владѣній. Но къ сожалѣнію появлялись неожиданныя условія и препятствія, которыя задерживали и отдаляли естественный ходъ событій. Въ нихъ-то и нужно искать оправданія для Матвѣева въ неполной успѣшности его дипломатіи. Впрочемъ укрѣпленіе за Россіей лѣвобережной Украйны, а также установленіе опредѣленныхъ и нормальныхъ отношеній ея къ Москвѣ,—такая незамѣнимая заслуга Артамона Сергѣевича, которая служитъ достаточнымъ ручательствомъ за твердость и успѣхъ его политики. Говоря о дѣятельности Артамона Сергѣевича въ посольскомъ приказѣ, мы не можемъ обойти одинъ изъ знаменательныхъ фактовъ русской жизни,—это установленіе въ Варшавѣ резиденціи русскаго посланника.

Въ августѣ 1673 года въ Москву отъ короля пріѣхалъ покоевый дворянинъ, Павелъ Свидерскій, съ небывалымъ характеромъ резидента, который настаивалъ на томъ, чтобы таковой же былъ посланъ и со стороны Россіи въ Варшаву, доказывая, что «еще давно, при договорахъ Андрусовскихъ, Ординъ-Нащокинъ предлагалъ установить резиденцію, для чего и почта была учреждена, Тяпкинъ уже былъ назначенъ резидентомъ къ королю Яну-Казиміру». Такой иниціативой Ордина-Нащокина воспользовался Артамонъ Сергѣевичъ, чтобы приложить ее къ дѣлу, по его убѣжденію, очень разумному и полезному, и послѣ его докладовъ объ этомъ царю, 30 января 1674 года, Тяпкинъ

гихъ случаяхъ аналогичны съ разобранными раньше, вслѣдствіе чего ихъ анализъ не привелъ бы насъ къ особенно новымъ и оригинальнымъ выводамъ о направленіи государственной дѣятельности Артамона Сергѣевича.

въѣхалъ въ Варшаву, съ новымъ званіемъ резидента. Дѣятельность его въ Польшѣ стоитъ въ прямой зависимости отъ инструкцій и наказовъ Матвѣева, что можно засвидѣтельствовать перепискою его съ начальникомъ посольскаго приказа. Между тѣмъ какъ въ Польшѣ оказывали должный пріемъ резиденту, въ Москву пріѣхалъ посланникъ отъ литовскаго гетмана Паца, Августинъ Константиновичъ, подавшій Артамону Сергѣевичу условія, на которыхъ царевичъ Ѳеодоръ можетъ быть избранъ въ польскіе короли: 1) принятіе католицизма; 2) вступленіе въ бракъ со вдовою покойнаго короля Михаила; 3) возвращеніе всѣхъ завоеваній; 4) соединеніе силъ противъ турокъ и денежное всмоможеніе Польшѣ [1]).

Мы уже знакомы съ русско-литовской политикой Матвѣева; теперь она оставалась прежнею. Константиновичъ былъ отпущенъ съ отвѣтомъ: «великому государю не только для короны Польской и великаго княжества Литовскаго, но и для цѣлаго свѣта нельзя оставить благочестивой вѣры греческаго закона; быть у васъ государемъ царское величество изволяетъ самъ, а сына своего отпустить не соизволяетъ; слѣдовательно, королевѣ замужъ выходить не за кого, а какъ ей жить,—о томъ договорятся комиссары съ обѣихъ сторонъ. Когда царское величество будетъ государемъ во всѣхъ трехъ государствахъ, то рубежей раздѣлять не для чего. Права ваши и вольности не будутъ нарушены, а при коронаціи сенаторы и вся рѣчь посполитая присягаютъ въ вѣрной службѣ и послушаніи; въ уряды ваши и маетности великій государь никогда вступаться не будетъ и никому не велитъ. Когда царское величество будетъ вашимъ государемъ, тогда Польшу и Литву станетъ оборонять отъ всякихъ непріятелей своими ратными людьми, не требуя изъ скарбовъ коронныхъ и литовскихъ никакихъ податей» и т. д. Получивъ изъ Москвы статьи на счетъ

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XII, стр. 499—501.

королевскаго избранія, Тяпкинъ отправился съ ними къ гетману Пацу, который заявилъ, что «безъ предложенія шляхтѣ на сеймикахъ нельзя начинать» этого дѣла [1]). Такимъ образомъ, неразрѣшенный раньше вопросъ объ избраніи царя въ польскіе короли снова откладывался въ долгій ящикъ, и не имѣлъ по прежнему успѣха. Причины намъ извѣстны. Единственною цѣлью сношеній польскаго правительства съ русскимъ въ это тяжелое для Польши время было убѣдить царя соединить свои войска съ королевскими для борьбы съ Турціей. Объ этомъ неоднократно сообщалъ въ Москву Тяпкинъ, но поляки не довольствовались этимъ и въ сентябрѣ (1673 г.) прислали туда Самуила Венславскаго, результатомъ переговоровъ съ которымъ Матвѣева были слова послѣдняго: «до весны наши войска будутъ на этой сторонѣ; а на весну, какое непріятельское намѣреніе будетъ, въ то время оба великіе государя станутъ между собою ссылаться. Что же касается до общаго мира съ турками, то царское величество на миръ согласенъ, только былъ бы онъ прибыленъ обоимъ великимъ государямъ».

Между тѣмъ Тяпкинъ провѣдывалъ въ Польшѣ о томъ, что дѣлалось на театрѣ войны и неутомимо отписывалъ обо всемъ Артамону Сергѣевичу [2]); но мы не останавливаемся на этихъ фактахъ въ виду ихъ малаго значенія для насъ. Можно только сказать, что въ своей политикѣ по отношенію къ Турціи Матвѣевъ придерживался такой же тактики, какъ и по отношенію къ сосѣдкѣ— Польшѣ: выжидать до тѣхъ поръ, пока возможно, и въ случаѣ столкновеній стремиться къ разрѣшенію борьбы мир-

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XII, стр. 499—501.

[2]) Переписка Тяпкина съ Матвѣевымъ. С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XII. стр. 503—505. 508. 513. 514—517. 545.

Здѣсь Тяпкинъ не только сообщалъ о польско-турецкихъ отношеніяхъ, но и постоянно жаловался на стѣсненное и тяжелое положеніе русскаго резидента въ Польшѣ, что окончилось отозваніемъ Тяпкина въ Москву.

нымъ путемъ. Указанные факты достаточно говорятъ за такой выводъ.

Борьба съ Турціей оживила дипломатическія сношенія Россіи съ другими европейскими державами. Въ апрѣлѣ 1674 года въ Москвѣ шли переговоры бояръ-князей Юрія Алексѣевича и Михаила Юрьевича Долгорукихъ, а также окольничаго Матвѣева со шведскимъ посломъ графомъ Оксекштерномъ и его товарищами, съ которымъ (нечего и говорить, что по полной иниціативѣ Артамона Сергѣевича) былъ заключенъ договоръ относительно взаимной помощи между Россіей и Швеціей, въ случаѣ войны съ Турціей. Съ этимъ же посломъ Матвѣевъ велъ переговоры и торговаго характера, — относительно пошлинъ на ввозимый и вывозимый изъ Россіи товаръ [1]); онъ настаивалъ на томъ, чтобы пошлины оставались прежними, но разрѣшеніе этого вопроса было отложено до будущаго раза, такъ какъ время было тревожное и внѣшняя политика стояла впереди другихъ государственныхъ интересовъ.

Сношеніе съ другими государствами (Франціей, Англіей, Голландіей) также преслѣдовали прежде всего объединеніе державъ для отпора ожидашагося врага, такъ что подробно останавливаться на ихъ оцѣнкѣ при общемъ характерѣ нашей работы не имѣетъ особеннаго смысла. Остается еще обратить вниманіе на заключенный Матвѣевымъ договоръ съ армянской торговой компаніей въ Персіи. Въ концѣ 1672 года въ Москву пріѣхалъ изъ Персіи посломъ Григорій Лусиковъ. Цѣль переговоровъ нашего дипломата съ послѣднимъ заключалась въ томъ, чтобы какъ можно выгоднѣе для Россіи воспользоваться торговымъ рынкомъ въ Персіи [2]). И Матвѣевъ добился желанныхъ результатовъ тѣмъ обязательствомъ, которое взялъ съ Лусикова: «въ нѣмецкомъ государствѣ черезъ Турцію никакимъ другимъ путемъ съ шелкомъ, сырцомъ и другими товарами ни компа-

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XII, стр. 521—523.
[2]) Idem. стр. 565—567.

нейцамъ, ни другимъ подданнымъ персидскимъ не ѣздить; если иноземцы пріѣдутъ въ Персидское государство для покупки шелку, армяне не должны имъ продавать: весь шелкъ идетъ въ Россію». Выговоренная монополія въ торговлѣ Россіи съ армянской компаніей была очень выгодна для первой, что указываетъ на финансовыя способности разносторонняго человѣка, какимъ былъ Артамонъ Сергѣевичъ.

На этомъ мы и покончимъ съ фактами внѣшняго и отчасти внутренняго характера. Изъ обзора и анализа ихъ мы можемъ сдѣлать нѣкорые общіе выводы для характеристики Матвѣева, какъ государственнаго дѣятеля. Это былъ человѣкъ съ сильно развитыми способностями въ самыхъ разнообразныхъ направленіяхъ: тонко проникавшій вглубь внѣшней политики государствъ, всегда умѣвшій разбираться въ самыхъ сложныхъ комбинаціяхъ ея, искусный дипломатъ при разрѣшеніи столкновеній между цѣлыми государствами, также между отдѣльными группами въ каждомъ изъ нихъ и даже личностями,—Артамонъ Сергѣевичъ былъ въ то же время искуснымъ хозяиномъ-финансистомъ, опытнымъ практикомъ—дѣльцомъ какъ въ подвѣдомственныхъ ему приказахъ, такъ и во всѣхъ тѣхъ учрежденіяхъ и канцеляріяхъ, съ которыми ему приходилось сталкиваться. Къ такимъ рѣдкимъ дарованіямъ у него присоединялось ровное и спокойное отношеніе къ жизни и ея явленіямъ, острое и чуткое проникновеніе въ самые запутанные изгибы фактовъ и отношеній, пониманіе страстей и психологіи не только индивидуальной, но и массовой. Такіе исключительно надѣленные природою люди обыкновенно бываютъ выдающимися дѣятелями своей эпохи; они непосредственно переживаютъ всѣ самые сильные импульсы своего вѣка, чутко и быстро воспринимаютъ ихъ, останавливаютъ свое вниманіе на существеннѣйшихъ изъ нихъ, перерабатываютъ послѣдніе въ своемъ сознаніи въ стройное міровоззрѣніе,— и затѣмъ уже, сливаясь съ духомъ времени, вносятъ въ

жизнь свою иниціативу и трудъ преимущественно тамъ, гдѣ чувствуется заражающая энергіей кипучесть и ея смѣлые полеты къ прогрессивному росту человѣчества. Въ такомъ смыслѣ и Артамона Сергѣевича можно назвать человѣкомъ своего вѣка: онъ инстинктомъ своихъ импульсовъ почувствовалъ импульсы жизни, съумѣлъ уловить самыя звучныя гаммы ея и слить ихъ съ пѣсней своего генія. Его эпоха—эпоха особеннаго значенія внѣшней политики и дипломатіи въ государственной жизни. Потому-то и жизнь этого человѣка прошла въ дѣятельности, хотя самой разносторонней, но полной особенной энергіи и труда именно въ томъ направленіи, котораго требовалъ духъ времени; потому-то онъ, какъ недюжинная личность XVII вѣка, сталъ живымъ и разностороннимъ государственнымъ дѣятелемъ, а какъ человѣкъ рѣзко обозначенной эпохи одного изъ звеньевъ мірового прогресса,—дипломатомъ и политикомъ.

Второй стороной эпохи Алексѣя Михайловича, какъ мы уже говорили, былъ новый культурный подъемъ въ Россіи, способствовавшій установленію связи ея съ Западомъ на общечеловѣческихъ началахъ. Постоянная и напряженная государственная дѣятельность не обратила Артамона Сергѣевича въ односторонняго и сухого бюрократа: онъ всегда оставался живымъ и чуткимъ ко всему окружающему. Принципы государственности въ XVII вѣкѣ развивались параллельно росту общественнаго самосознанія. Общество, какъ среда, въ которой приходилось жить и работать Матвѣеву, не могло быть обойдено такимъ человѣкомъ, какъ онъ; наоборотъ, онъ-то и былъ самымъ горячимъ и передовымъ общественнымъ дѣятелемъ, глубоко чувствовавшимъ и понимавшимъ хлынувшіе въ Россію черезъ посредство Запада новые вкусы болѣе просвѣщеннаго и культурнаго человѣка; онъ-то особенно сильно и воспринялъ своей гибкой и впечатлительной природой новые зачатки развитія для русскаго человѣка, а потому непосредственно и настойчиво вво-

дилъ въ жизнь все то, чего требовалъ духъ времени. Вліяніе Запада въ XVII вѣкѣ прежде всего сказалось въ области идей: умственный кругозоръ русскаго человѣка освободился отъ религіозно-проповѣднической тенденціи, расширилось міровоззрѣніе, и стала понемногу развиваться страсть къ знанію и отвлеченной жизни.

Потому-то за это время и наблюдается на книжномъ рынкѣ Россіи небывалый раньше притокъ книгъ, правда, въ большей части еще схоластическихъ, но зато уже предвѣщавшихъ обновленіе мысли и вкусовъ. Артамонъ Сергѣевичъ, какъ мы уже видѣли изъ обзора его дѣятельности въ малороссійскомъ приказѣ, былъ усерднымъ библіоманомъ, поощрявшимъ и, по возможности, способствовавшимъ развитію книжнаго дѣла въ Россіи. Но содержаніе новой культуры въ области идей проявлялось не только въ этомъ почти безсознательномъ исканіи новыхъ путей развитія; нѣтъ, въ обществѣ уже созрѣвала потребность въ положительномъ, научномъ знаніи, и оно искало приложенія ея. Передовые люди эпохи и дѣлали больше всего для того, чтобы удовлетворять и поддерживать эту потребность. Понятно, что прежде всего нуждались въ книгахъ во дворцѣ и въ посольскомъ приказѣ, гдѣ книги «строились» въ двухъ экземплярахъ: одинъ брался на Верхъ къ великому государю, другой,—отдавался въ посольскій приказъ. Обыкновенно посолъ, отправлявшійся заграницу, преимущественно въ Польшу (напр. кн. Репнинъ-Оболенскій), привозилъ съ собою въ Россію большое количество польскихъ и латинскихъ книгъ. Понятно, что оба начальника посольскаго приказа, два самыхъ усердныхъ западника, были энергичными собирателями иностранныхъ книгъ. Много сдѣлалъ въ этомъ направленіи Артамонъ Сергѣевичъ не только тѣмъ, что собиралъ уже готовыя книги, но и тѣмъ, что самъ предпринималъ сводку и изданіе въ свѣтъ научныхъ работъ, преимущественно историческаго характера. Напр., въ посольскомъ приказѣ съ своими товарищами, приказными людьми

и переводчиками, онъ издалъ «государственную большую книгу, описаніе великихъ князей и царей Россійскихъ, откуда корень ихъ государскій изыде, и которые великіе князи и цари съ великими же государи окрестными съ христіанскими и съ мусульманскими были въ ссылкахъ, и какъ великихъ государей именованья и титлы писаны къ нимъ; да въ той же книгѣ писаны великихъ князей и царей, и вселенскихъ и московскихъ патріарховъ, и Римскаго папы и окрестныхъ государей всѣхъ персоны и гербы». Въ этомъ же родѣ, очевидно, по иниціативѣ Матвѣева, построенъ трудъ дьяка Грибоѣдова: «исторія, сирѣчь повѣсть, или сказаніе вкратцѣ о благочестно державствующихъ и святопожившихъ благовѣнчанныхъ царяхъ и великихъ князехъ, иже въ Россійстѣй земли богоугодно державствующихъ». Это были первыя попытки, первый младенческій несвязный «лепетъ русской исторіографіи» [1]).

Наверху у царя были уже книги «Василіологіонъ персоны ассирійскихъ, перскихъ, греческихъ, римскихъ царей и великороссійскихъ великихъ князей и царей»; въ 1675 году Матвѣевъ приказалъ построить еще два экземпляра его. Кромѣ того въ посольскомъ приказѣ, по его иниціативѣ, были напечатаны книги: «мусы, или седмь свободныхъ ученій въ лицахъ; о Сивиллахъ; Хрисмологіонъ на откровеніе сна Даніиломъ пророкомъ Навуходоносору о четырехъ монархіяхъ; исторія о мужественнѣйшихъ въ воинскихъ ополченіяхъ ассирійскихъ, перскихъ, еврейскихъ, греческихъ, римскихъ царяхъ и великороссійскихъ великихъ князьяхъ и царяхъ». По почину же Матвѣева, наконецъ, была издана книга о важнѣйшемъ событіи для новой династіи, — объ избраніи на царство Михаила Ѳеодоровича [2]).

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XIII, стр. 768. 770—771.

[2]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XIII, стр. 768. 770—771.

Вмѣстѣ съ расширеніемъ умственнаго кругозора и общаго міровоззрѣнія русское общество того времени переживало на себѣ выработку новыхъ эстетическихъ вкусовъ, развитіе болѣе утонченныхъ и изысканныхъ потребностей, стремленіе освободиться отъ нелѣпыхъ иногда условностей жизни. И въ этомъ отношеніи Артамонъ Сергѣевичъ былъ выдающимся общественнымъ дѣятелемъ, вносившимъ въ жизнь новое содержаніе. Напр., благодаря его иниціативѣ и заботамъ зарождается въ Россіи театръ въ европейскомъ вкусѣ. Мы знаемъ, что во всей христіанской Европѣ начатки драматическихъ представленій, т. е. мистерій, находились въ тѣсной связи съ религіей. Нѣчто подобное существовало издавна и у насъ въ Пещномъ дѣйствіи (вверженіе трехъ отроковъ въ пещь въ Вавилонѣ), въ шествіи патріарха на ослѣ въ Вербное воскресеніе. Еще при Михаилѣ послы, ѣздившіе въ Варшаву, возвращались въ Россію и съ восторгомъ передавали о театральныхъ представленіяхъ, которыми тамъ тѣшился король. При Алексѣѣ Михайловичѣ уже подобныя представленія происходятъ въ Москвѣ, но только для государя. Содержаніе пьесъ большею частью, за нѣкоторыми исключеніями, бралось изъ св. писанія, а сочинялъ ихъ извѣстный придворный стихотворецъ Симеонъ Полоцкій. Разыгрывали комедіи нѣмцы и дворовые люди Матвѣева. Въ 1674 году была разыграна комедія въ селѣ Преображенскомъ,—«тѣшили нѣмцы, какъ Алаферну царю царица голову отсѣкла, и на органахъ играли нѣмцы да люди дворовые Артамона Сергѣевича». Другая комедія была разыграна въ присутствіи царевичей и царевенъ; тѣшили также нѣмцы и люди Матвѣева, какъ Артаксерксъ велѣлъ повѣсить Амана. Было устроено Артамономъ Сергѣевичемъ и нѣчто въ родѣ балета: на заговѣнье была потѣха,—нѣмцы и люди Матвѣева играли на органахъ, на фіолахъ и на страментахъ, и танцовали. Но однихъ пріѣзжихъ нѣмцевъ и дворовыхъ людей Артамона

Сергѣевича оказалось недостаточно для «комедійныхъ дѣйствъ».

Въ 1673 году Матвѣевъ приказалъ въ новомѣщанской слободѣ изъ мѣщанскихъ дѣтей выбрать 26 человѣкъ въ «комедіанты» и отвезти въ нѣмецкую слободу къ магистру Готфриду. Такъ основалось въ Москвѣ театральное училище, даже прежде славяно-греко-латинской академіи [1]). Нечего и говорить о томъ, какъ примитивны еще были театральныя представленія того времени, какъ еще грубы были эстетическіе вкусы, какъ смутны были понятія о драматической школѣ. Однако нужно поставить въ большую заслугу общественной дѣятельности Артамона Сергѣевича и то немногое, что онъ могъ сдѣлать при современныхъ ему условіяхъ жизни: начало театра было положено; оставалось развиваться и совершенствоваться въ этомъ дѣлѣ. Вмѣстѣ съ просвѣщеніемъ въ Россію проникли съ запада и искусство, а также практическія и техническія знанія, чѣмъ очень умѣло пользовался Матвѣевъ для пересадки въ Россію болѣе здоровой и прочной культуры. Напр., 22 марта 1670 года начальникъ малороссійскаго приказа послалъ къ «благодѣтелю своему» кіево-печерскому архимандриту письмо, въ которомъ просилъ того «сыскати въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ или, гдѣ сыщется, винограднаго строенія мастера и который сажаетъ дули, и груши, и сливы, и орѣхи кіевскіе и пасѣчника самаго добраго, и уговорилъ бы его ѣхать на годъ изъ найму въ Москву». Правда Гизель отказалъ Матвѣеву въ этой просьбѣ, отвѣтивши ему, что «за различными злыми мятежниками, многими обидами и сполохами такихъ строителей» въ Лаврѣ не стало и «винограды» ея запустѣли [2]). Но это нисколько не уменьшаетъ значенія того факта, что Артамонъ Сергѣевичъ стремился, по возможности, принимать мѣры къ

---

[1]) С. М. Соловьевъ. «Ист. Рос. съ др. вр.», т. XIII, стр. 759—760.

[2]) В. Эйнгорнъ. «Очер. изъ ист. Малор.», стр. 691 (примѣч. 459).

тому, чтобы вести и развивать Россію по новымъ культурнымъ путямъ. Въ тѣхъ нововведеніяхъ свободнаго и культурнаго человѣка, которыя Матвѣевъ ввелъ въ своемъ домѣ и тѣмъ самымъ перенесъ ихъ въ близкій ему дворецъ, было очень много смѣлаго и рѣшительнаго, порывавшаго съ традиціонной стариной: напр., дѣвушка, прежде затворница, стала появляться въ обществѣ наряду съ мущинами; царевичи и царевны вмѣстѣ присутствовали на «комедійныхъ» играхъ (въ этомъ фактѣ видны уже зародыши петровскихъ ассамблей) и т. д.

Однимъ словомъ, какъ общественный дѣятель, Артамонъ Сергѣевичъ былъ самымъ передовымъ и продуктивнымъ; это обусловливалось, съ одной стороны,—даровитостью его природы, съ другой,—тѣмъ основнымъ принципомъ убѣжденнаго и вѣрующаго человѣка, который говоритъ: слово—послѣ дѣла. Теперь мы вполнѣ и во всемъ объемѣ, хотя, можетъ быть, съ пропускомъ деталей, охарактеризовали общественно-государственную дѣятельность Матвѣева и пришли къ положительнымъ выводамъ о направленіи ея. Если бы позволительно было намъ примѣнить современную терминологію при изученіи XVII вѣка, то мы рѣшились бы опредѣлить историческое мѣсто Артамона Сергѣевича болѣе отчетливо и ясно: мы бы назвали его просвѣщеннымъ націоналистомъ въ политикѣ и западникомъ—реалистомъ въ соціальной жизни.

Заключимъ свою характеристику Артамона Сергѣевича описаніемъ его, какъ человѣка съ опредѣленной индивидуальностью, независимо отъ его общественнаго и государственнаго значенія. Правда, у насъ въ рукахъ нѣтъ такихъ историческихъ данныхъ, на основаніи которыхъ мы могли бы дать психологическій этюдъ въ эволюціонномъ развитіи этой личности, напр. мемуаровъ, частной переписки, свидѣтельствъ современниковъ и т. д. Однако, пользуясь тѣмъ матеріаломъ, который есть, мы постараемся, по возможности, охарактеризовать его, какъ человѣка, если не совсѣмъ все-

сторонне и послѣдовательно, то по крайней мѣрѣ близко къ исторической правдѣ. Часто внѣшній обликъ извѣстнаго человѣка даетъ возможность наблюдательному психологу судить о характерѣ, темпераментѣ и вкусахъ его, иначе говоря, часто внѣшній міръ человѣка находится въ гармоніи съ внутреннимъ. Это сужденіе приложимо и къ Артамону Сергѣевичу. Въ Гл. Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ сохранился портретъ Матвѣева, по которому можно описать его наружность: выраженіе лица спокойное, нѣсколько строгое, гибкій лобъ, ясный, холодный, проницательный взглядъ [1]). Если признавать соотвѣтствіе физіономіи человѣка съ его психикой, то мы должны сказать, что такіе штрихи кисти художника нисколько не противорѣчатъ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ, холодная сдержанность, строгость и нѣкоторая суровость въ лицѣ Артамона Сергѣевича вполнѣ выражаютъ то спокойное и объективное отношеніе къ окружающему, то критическое и закономѣрное отношеніе къ жизни и ея явленіямъ, которыя мы не разъ уже подчеркивали при оцѣнкѣ его общественно-государственной дѣятельности; ясность же и проницательность взгляда свидѣтельствуетъ о непогрѣшимости его логическаго и всесторонняго мышленія, о предусмотрительности и выдержкѣ, что было самымъ необходимымъ условіемъ дипломата и государственнаго сановника. Общее же впечатлѣніе портретъ долженъ былъ оставить такое: художникъ стремился запечатлѣть въ своемъ рисункѣ сильно развитую волю, твердую и неугасаемую энергію, глубокій и строго послѣдовательный умъ этого человѣка. И онъ не ошибся, такъ какъ характеръ Артамона Сергѣевича, насколько мы можемъ заключить по разобранному уже нами матеріалу, опредѣляется именно этими чертами, какъ основными. Правда, живописецъ, писавшій съ него портретъ, по справедливому замѣчанію одного изъ изслѣдователей (Павелъ Матвѣевъ), [2]) не отмѣтилъ въ выраженіи его лица одной

[1]) «Русская мысль» Августъ. стр. 22. [2]) Idem.

очень характерной черты, которая говорила бы за чрезвычайную привѣтливость, мягкость и необыкновенно сердечное обращеніе его со всѣми тѣми людьми, съ кѣмъ ему приходилось имѣть дѣло. А между тѣмъ о ней много говорятъ современники Артамона Сергѣевича, хотя, правда, и объясняютъ ее довольно односторонне и насильственно: желаніемъ послѣдняго подражать царю [1]). Соединяя въ своей натурѣ непреклонную волю съ живой страстью, холодное и объективное наблюденіе съ тонко развитыми чувствами и настроеніями сердца Матвѣевъ магнитизировалъ тѣмъ самымъ массу, пріобрѣтая себѣ почтенное, уваженіе и искреннее, горячее расположеніе со стороны тѣхъ людей, которые привыкли покоряться, или желѣзному характеру, или мягкому и умѣлому обращенію стоявшаго выше среды человѣка, а со стороны враговъ, не желавшихъ признавать хорошо чувствуемую и ощущаемую ими силу, страхъ, соединенный съ робкой ненавистью.

Ласковый и обходительный, Артамонъ Сергѣевичъ пользовался большимъ довѣріемъ почти всѣхъ видныхъ представителей Малороссіи того времени, называвшихъ его своимъ «добродѣемъ и батькой», «милости государской ко всей Украйнѣ неотступнымъ просителемъ»; всѣ вліятельные политическіе агенты московскаго правительства въ Украйнѣ, а также настоятели кіевскихъ монастырей, и особенно архимандритъ Кіево-Печерской обители Иннокентій Гизель, считали Матвѣева за «теплаго заступника» и «всегдашняго благожелателя»; самымъ серьезнымъ и искреннимъ расположеніемъ онъ пользовался со стороны простого народа въ Малороссіи [2]). Въ «исторіи о невинномъ заточеніи Артамона Сергѣевича» приводится одинъ очень любопытный фактъ, который свидѣтельствуетъ о сильной и горячей

---

[1]) На это, напр., указываетъ въ своемъ описаніи или реляціи о посольствѣ Боттонія его секретарь Адольфъ Лизекъ.

[2]) См. факты, раньше указанные нами, у Эйнгорна.

любви къ нему московскаго населенія. Всецѣло преданный общественной и государственной пользѣ, сначала, еще до расцвѣта своей славы, Матвѣевъ велъ очень умѣренный образъ жизни, и имѣлъ въ Москвѣ весьма малый и тѣсный домикъ между Покровкой и Мясницкой, въ приходѣ церкви Николая Чудотворца. Царь нѣсколько разъ убѣждалъ Артамона Сергѣевича построить себѣ большія палаты, но тотъ постоянно отговаривался «недосугами и неисправностью». И только тогда, когда государь сказалъ, что самъ прикажетъ строить ему палаты, рѣшился уступить и сталъ заботиться о заготовленіи матеріаловъ къ постройкѣ. Но какъ разъ въ это время въ Москвѣ не было въ привозѣ камня для фундамента. Слухи о готовившейся постройкѣ палатъ для Матвѣева и о невозможности доставить необходимый камень распространились среди стрѣльцовъ и народа. Тогда они переговорили между собой; пришли къ Артамону Сергѣевичу представители отъ нихъ и просили его принять въ подарокъ камень, который у нихъ есть. Тотъ же отвѣчалъ: «Друзья мои, я подарковъ вашихъ не хочу, а ежели у васъ камень есть, то продайте мнѣ, — я богатъ и могу купить». Тѣ же настаивали на своемъ, и боярину пришлось согласится. Каково же было его удивленіе, когда онъ на другой день увидѣлъ на дворѣ у себя груды каменьевъ съ могилъ! Выбранные говорили ему: «каменья взяты нами съ гробовъ отецъ и дѣдовъ нашихъ и для того-то мы ихъ ни за какія деньги продать не могли, а даримъ тебѣ, нашему благодѣтелю». Артамонъ Сергѣевичъ не рѣшился самолично распорядиться ими, и отправился къ Алексѣю Михайловичу сообщить о неслыханномъ случаѣ. Но слова послѣдняго положили предѣлъ его сомнѣніямъ: «прими, другъ мой, сей подарокъ, подарокъ отъ народа; знатно, что они тебя любятъ, что гробы родительскіе обнажили, для того чтобы сдѣлать тебѣ угодность: такой подарокъ и я бы охотно принялъ отъ народа». Такъ, вслѣдствіе народной любви, у Матвѣева былъ своевременно выстроенъ кра-

сивый и прочный домъ, въ которомъ имъ и были заведены впервые европейскіе обычаи; [иконостасъ въ домовой церкви его, который весь «написанъ наилучшимъ итальянскимъ письмомъ» свидѣтельствуетъ, между прочимъ, о хорошемъ вкусѣ Артамона Сергѣевича и знаніи имъ искусства [1])]. Такой фактъ говоритъ самъ за себя: жертвовать дорогими остатками воспоминаній о покойныхъ предкахъ для одного только человѣка,—значитъ беззавѣтно любить и уважать его.

Охарактеризованной нами индивидуальностью Артамона Сергѣевича объясняется, какъ мы думаемъ, и тѣсная связь его съ «тишайшимъ» царемъ, всегда прочная, постоянная, не порывавшаяся до конца жизни московскаго монарха. Алексѣй Михайловичъ былъ совсѣмъ просвѣщеннымъ человѣкомъ своей эпохи: философъ-моралистъ, эстетикъ и религіозно-набожный христіанинъ, западникъ и націоналистъ, онъ обладалъ чрезвычайно разностороннимъ и увлекающимся характеромъ [2]). Всѣ эти черты входятъ и въ натуру Матвѣева, какъ одни изъ самыхъ существенныхъ ея элементовъ. Въ этомъ—сходство обоихъ. Но была и глубокая разница между двумя оригинальными личностями XVII вѣка: тогда какъ Алексѣй Михайловичъ отличался слабохарактерностью, недостаткомъ воли и выдержки, Матвѣевъ имѣлъ большое преимущество передъ нимъ, выражавшееся въ желѣзной волѣ и твердости убѣжденій. И разумѣется, когда такіе два человѣка столкнулись на одной дорогѣ и сошлись другъ съ другомъ какъ вслѣдствіе родства, такъ особенно — близости натуръ, первый, болѣе безвольный, долженъ былъ подчинится вліянію второго. Правда, что и до Артамона Сергѣевича царь Алексѣй пе-

[1]) Факты. «Ист. о нев. заточеніи». На одной изъ страницъ во вступленіи къ читателю.

[2]) См. полную характеристику Алексѣя Михайловича. С. Ѳ. Платоновъ. Статьи по русской исторіи. 1883—1902 г. «(Царь Алексѣй Михайловичъ. 1888 г. опытъ характеристики)».

режилъ цѣлый рядъ вліяній, иногда довольно продолжительныхъ,—то Бориса Ивановича Морозова, то Никона, то кого-либо другого; но онъ также легко и свободно порывалъ съ ними, какъ пріобрѣталъ ихъ: у всѣхъ его фаворитовъ до Матвѣева не хватало той глубины и чистоты натуры, которыми обладалъ государь. Вліянію же на него Артамона Сергѣевича и самой близкой связи съ послѣднимъ именно потому и не было предѣла, что тотъ былъ человѣкомъ общаго склада съ Алексѣемъ Михайловичемъ, а превосходствомъ сильной воли дополнялъ его, какъ постоянно нуждавшагося въ твердой опорѣ со стороны.

Мы, конечно, не имѣемъ права настаивать на безошибочности подобныхъ выводовъ при оцѣнкѣ Артамона Сергѣевича, какъ человѣка: можетъ быть, новыя историческія данныя будутъ стоять въ полномъ противорѣчіи съ ними, и тогда прійдется отказаться отъ немного смѣло и рѣзко высказанныхъ нами мнѣній. Все же останутся неизмѣнными факты, которые говорятъ за то, что Матвѣевъ былъ однимъ изъ самыхъ необходимыхъ общественныхъ и государственныхъ дѣятелей эпохи XVII вѣка, и потому онъ всегда могъ гордиться своей пользой для блага Россіи, и имѣлъ право умереть съ сознаніемъ: «Feci, quod potui. Faciant meliora potentes!».

НЕОБХОДИМОЕ РАЗЪЯСНЕНІЕ.

Чтобы не ввести читателя въ заблужденіе, спѣшимъ оговориться, что, пользуясь въ своей книгѣ «Исторіей» С. М. Соловьева и «Очерками» В. Эйнгорна, мы заимствуемъ изъ обоихъ трудовъ *только матеріалъ*, замѣняющій для насъ первоисточники. Трудъ С. М. Соловьева можетъ безспорно считаться теперь такимъ первоисточникомъ. Къ матеріалу же, собранному Эйнгорномъ, слѣдуетъ относиться осторожнѣе; въ виду чего мы и брали изъ него только факты, критически провѣренные, точно отмѣчая страницы, откуда заимствуется *фактъ*.

ВАЖНѢЙШІЯ ОПЕЧАТКИ:

					Напечатано:	*Должно быть:*
41	стр.	8	стрк.	сверху	польскаго	посольскаго.
61	»	12	»	»	старшину	старшины.
70	»	2	»	снизу	которые могутъ быть приложимы къ	которыхъ мы рѣшили придерживаться въ нашей
99	»	2	»	сверху	потому	по тому

Цѣна 70 коп.

THE BORROWER WILL BE CHARGED AN OVERDUE FEE IF THIS BOOK IS NOT RETURNED TO THE LIBRARY ON OR BEFORE THE LAST DATE STAMPED BELOW. NON-RECEIPT OF OVERDUE NOTICES DOES NOT EXEMPT THE BORROWER FROM OVERDUE FEES.

WIDENER
BOOK DUE
NOV - 8 1982
7572122

CANCELLED
OCT 2 5 1982

WIDENER
CANCELLED
MAY 2 4 1984
MAY 9 2 1984

WIDENER
CANCELLED
BOOK DUE
JUL 3 - 1986
1856409